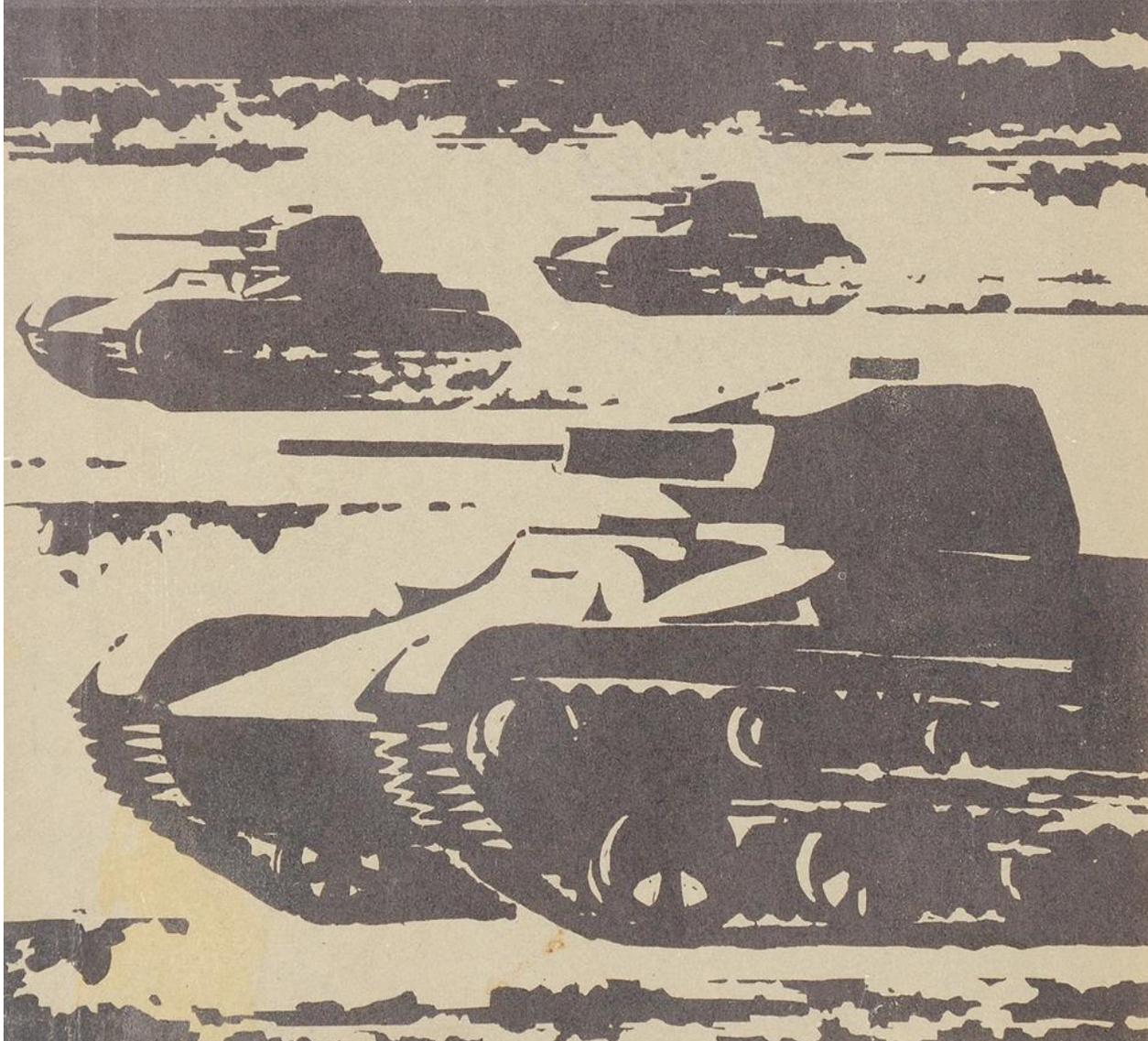

Ф. К. РУМЯНЦЕВ

ОГНЕМ И ТАРАНОМ

Ф. К. РУМЯНЦЕВ

**ОГНЕМ
И
ТАРАНОМ**

ЛЕНИЗДАТ

1971

К ЧИТАТЕЛЯМ

Каждый год, когда наступает утро 9 мая, я направляюсь на Марсово поле. Иду, зная, что увижу там многих старых друзей, хотя мы никогда заранее не договариваемся о встрече.

Все они теперь – люди мирных профессий: шофёры и учителя, врачи и инженеры. Иные из них уже давно на пенсии, иные в самом расцвете сил. Многие в этот день приезжают в Ленинград из дальних городов...

Все мы впервые встретились в 1942 году в танковой бригаде, которая специально создавалась для прорыва блокады Ленинграда и прошла с боями нелёгкий путь – от берегов Невы до Одера, гремя фашистскую нечисть.

Нам есть о чём вспомнить: битвы и походы, героев, павших смертью храбрых, и подвиги оставшихся в живых...

О той грозной поре книг написано немало, но хочется сделать всё, чтобы не остался забытым ни один из участников великой битвы за Родину. Вот почему и я не мог не взяться за перо, не написать о том, что сохранила память о тех далёких и славных днях, хотя, вероятно, много мною упущено, многие имена не названы. Я написал эту книгу в надежде, что она добавит хотя бы самую малую крупницу к истории борьбы ленинградцев с врагом в годы Великой Отечественной войны.

Приношу горячую благодарность своим боевым друзьям К. Канарскому, П.Беляеву, Ф.Лавровой, С.Буржанову, М.Гольбергу, А.Итигину, оказавшим мне помощь в создании этой книги.

Ф.К. Румянцев.

О КНИГЕ «ОГНЁМ И ТАРАНОМ»

С волнением читаешь страницы, посвященные прорыву блокады. В этой упорной битве родилось много подлинных героев.

Все началось со штурма «ледяного Измаила». Так наши бойцы называли высокий левый берег Невы. Он, обледенелый, сильно укрепленный фашистами, действительно был похож на крепость. Но прежде чем достигнуть ее, надо было пересечь лед широкой Невы. И все это — под ураганным вражеским огнем. Да и в глубине обороны этот огонь не стихал.

В боях по прорыву блокады танкисты и воины мотобатальона, артиллеристы и саперы бригады проявили чудеса храбрости и боевого умения. Одни из них пожертвовали своей жизнью, помогая продвигаться товарищам. Так погиб Дмитрий Молодцов, закрывший своим телом амбразуру вражеского дзота. Так погиб храбрый Папуца, атаковавший фашистскую минометную батарею... Но остались живы и продолжали сражаться их товарищи. Лейтенант Дмитрий Осатюк на своем маленьком танке первым из ленинградцев пробился навстречу воинам Волховского фронта. Мы узнаем о подвиге Макаренкова и других героев и поймем, почему бригаде было присвоено звание гвардейской, а 250 ее солдат, сержантов и офицеров были отмечены боевыми наградами. Галерея замечательных советских воинов, воспитанных коммунистами в суровых условиях войны, предстает перед читателем и делает книгу поучительной для людей всех возрастов.

Боевые эпизоды, даже самые драматические, написаны без словесного излишества. Эти страницы читаешь с особым чувством гордости за совершивших воинский подвиг.

Отдельные характеристики командиров и солдат — точны и прямолинейны. Но если автор говорит, что это человек большой храбрости, значит так и есть. Я знал лично многих командиров, о которых идет речь в книге, и я могу свидетельствовать, что это правда, все, что в книге касается людей и событий, — правда.

Мы не расстанемся со многими из героев бригады и во время боев по снятию блокады, на Карельском перешейке, в Прибалтике, в Польше и Восточной Пруссии. Бригада стала именоваться 30-й отдельной гвардейской Выборгской танковой бригадой. В батальоны приходили новые люди, новая техника, но живыми оставались славные боевые традиции, которые зарождались в боях у стен Ленинграда. Автор справедливо отмечает, что в формировании этих традиций активно участвовали ленинградцы, в частности

шефы бригады — рабочие завода подъемно-транспортного оборудования имени Кирова.

Удивительная сила духа кировцев проявилась в эпизоде ремонта танков.

Ремонт предстоял сложный, и пришлось вызвать «бога сварки» — знаменитого на заводе мастера Ивана Ивановича Власова. Он не мог ходить от слабости и согласился, чтобы в цех его привезли на саночках. Поддерживая под руки, подвели Власова к танку. Осмотрел он пробоины, передохнул с дороги и сказал:

«Подсобите мне взобраться на крыло машины и подстрахуйте маленько, чтоб не упал». А на другой день он сам придумал, чтобы его посадили в кресло, прикрепленное к стропам мостового крана. Это кресло можно было поднимать на любую высоту, и Иван Иванович спокойно заваривал пробоины в стальных башнях.

Точно так же приходят на помощь танкистам ученые города. Они изобретают заменитель антифриза. Когда же кончились запасы бензина, ученые изготовили синтетический бензин на основе пихтового масла, которое являлось сырьем для изготовления духов.

Это был прочный союз армии и народа, общий великий труд для победы. И правильно сказал об этом единстве будущий Герой Советского Союза Дмитрий Иванович Осатюк, обращаясь к ленинградцам:

— Мы с вами, дорогие друзья, мы, как ветки одного корня, неразделимы. И хотя мы, танкисты, в военной форме, а вы — в ватниках и кепках, все мы бойцы единой и непобедимой армии, которая называется — советский народ.

Книга написана о войне. Но она дорога не только нам, прошедшим боевые испытания. Она интересна не только как еще одно свидетельство очевидца. Она учит мужеству, бдительности и поэтому очень полезна для нашей молодежи, для тех, кто сегодня в строю и кто станет в строй завтра.

Николай Тихонов

РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ

В маленькой, приземистой избушке на берегу Ладоги почти непрерывно гудел зуммер полевого телефона. Я привычно снимал трубку, выслушивая донесения о перевезенных грузах, о бомбежках, которым подвергалась та или иная машина, доставлявшая хлеб блокированному Ленинграду.

Дни и ночи на Ладоге весной сорок второго года были чрезвычайно напряженными. И у меня, комиссара 17-й автомобильной бригады, занимавшейся перевозками продовольствия и боеприпасов между «Большой землей» и Ленинградом, дел и забот было, как говорится, невпроворот. На счету оказывалась каждая минута, иной раз за целую ночь и вздремнуть не удавалось.

В десятый или в сотый раз прозвучал зуммер. Я взял трубку.

— Товарищ второй, вас срочно вызывают в Политуправление фронта. Это означало немедленно оставить все и ехать в Ленинград.

Зачем? Я терялся в догадках. Понимал, конечно, что в такой обстановке зря не вызывают.

Видевшая виды политотдельская «эмка», с вмятинами и пробоинами от осколков, мчит в Ленинград.

На контрольных пунктах нас не останавливали: офицеров автомобильных бригад хорошо знали на фронтовых дорогах, а нашей 17-й — особенно. Знали, эта бригада несла на своих плечах главную тяжесть перевозок по Ладоге.

В Политуправлении меня ждал начальник отдела кадров, старый знакомый.

- Товарищ старший батальонный комиссар, не надоело ли вам в автомобильных частях?

И, не ожидая ответа, добавил:

- Вы человек молодой, на Ладоге поработали неплохо, — тут он коснулся рукой ордена на моей гимнастерке, — теперь хотим поручить вам еще одно дело. Как вы смотрите на переход в танковую часть?

Вопрос для меня был неожиданный. По правде говоря, уходить из коллектива, с которым участвовал в боях с самых первых дней войны, не хотелось. Но в то же время было ясно, что вопрос о моем новом назначении уже решен, независимо от того, как я к этому отношусь. В таком духе я и ответил начальнику отдела кадров.

Через полчаса мы были в Смольном.

Нас принял член Военного совета Ленинградского фронта Алексей Александрович Кузнецов. Я впервые увидел секретаря Ленинградской городской партийной организации

в военной форме да еще со знаками различия дивизионного комиссара.

Разговор был недолгим. Начальник отдела кадров начал было представлять меня, но Кузнецов сказал:

—Я знаю товарища Румянцева. До войны вы были секретарем партбюро в Первом медицинском институте. Так? Что ж, кандидатура подходящая. Согласен. Представьте приказ о назначении. А теперь, товарищ комиссар, — улыбнулся он мне, — открою вам один секрет: танковой бригады, в которую вы назначены, пока нет. Ее надлежит формировать. Бригаде предстоит сыграть особую роль в борьбе за Ленинград.

В ближайшее время новая 61-я отдельная легкотанковая бригада была сформирована.

Вскоре начали прибывать штабные командиры. Большинство из них были ленинградцами. Командир бригады подполковник Александр Васильевич Шевлягин служил до этого в частях Ленинградского военного округа. Заместитель по тылу капитан Кашинцев и начальник штаба майор Соколов тоже проходили службу в Ленинграде. Командиры частей и подразделений и их заместители по политчасти, кадровые и некадровые, также в большинстве были ленинградцами.

В июле начали прибывать танки, орудия, боеприпасы. С «Большой земли» их доставили на баржах по Ладоге. Из Ленинграда пришли бронемшины.

На фронтах Великой Отечественной войны действовали в это время в основном средние и тяжелые танки, которые способны были огнем, броней, гусеницами крушить неприступные укрепления.

К нам же прибыли машины, которые казались игрушечными по сравнению с хорошо знакомыми танками. По весу «Т-60» и «Т-70» были чуть ли не в четыре раза легче знаменитого «Т-34». Броня и вооружение тоже выглядели не очень-то внушительными. Но выбора не было. Предстояло как можно скорее освоить те машины, которые есть, «оседлать» их и постараться выжать из них все, на что они способны.

С танками прибыли экипажи. Это были молодые, необстрелянные да и едва обученные солдаты, кое-как умевшие водить машины. Настороженно слушали они артиллерийскую канонаду, доносившуюся с Невской Дубровки, с опаской посматривали на небо, в котором шныряли самолеты, меченные черными крестами.

Командовать подразделениями прислали опытных боевых командиров, которым доводилось не раз отбивать атаки немцев под Ленинградом. У некоторых на груди красовались боевые ордена.

Первый командир только что сформированной бригады Александр Васильевич Шевлягин вскоре тяжело заболел и выбыл из строя. В сентябре в бригаду был назначен новый командир — подполковник Владислав Владиславович Хрустицкий. Известно было, что воевал он под Ленинградом, отличился в боях под Лугой, да и вообще человек не робкого десятка.

Запомнилось первое знакомство. Передо мной плотный, сильный, довольно грузный человек с открытым лицом, с первого взгляда внушающий симпатию. На мгновение мелькнуло в голове: а как же этот «крупногабаритный» подполковник заберется в «малютку»? «Малютками»

окрестили солдаты наши танки.

Комбриг сразу перешел от общих слов к делу: как будем налаживать учебу, сколачивать коллектив, готовиться к предстоящим боям.

Увидев наши «Т-60», Хрустицкий, командовавший до этого подразделениями тяжелых боевых машин, грустно вздохнул. С «малютками» ему приходилось иметь дело впервые. Но в следующий момент он уже забрасывал окружающих вопросами о важнейших данных танка: его весе, толщине брони, мощности мотора, о вооружении, а потом стал осматривать и ощупывать чуть ли не каждый его винтик, копался в моторах и наконец, надев шлем, ловко забрался на место механика-водителя, чтобы опробовать машину на ходу.

Опыт танкиста подсказал ему, какая значительная боевая сила скрыта в «малютках» при использовании их в определенных специфических условиях. Словом, он уже понял, на что они способны, а главное — уверовал в них.

На первом командирском сборе Хрустицкий убежденно сказал:

— Мал золотник, да дорог. Броня, верно, не ахти какая, да и огневая сила меньше, чем у среднего танка. Зато он пройдет там, куда среднему и тяжелому танку лучше и не соваться.

Наконец прибыли последние подразделения и начались регулярные занятия.

Молодые танкисты поначалу очень робко водили машины, сойти с дороги им казалось невозможным, рискованным, пугались пересеченной местности, на которой проходила учеба. Холмы с крутыми скатами считались неприступными. Когда надо было стрелять с ходу, танкисты останавливали машину.

С первых дней нам всем стало очевидно, что учеба предстоит серьезная, суровая, без скидок...

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ

Всю жизнь бригады мы подчинили боевой учебе, овладению военной техникой, умению безупречно водить машины. Увольнения в город отменили.

Начали приучать танкистов к строгой дисциплине, о которой молодые бойцы имели иногда неправильное представление. Хрустицкий был глубоко убежден, что суровая дисциплина — первое условие успеха в бою и она одинаково обязательна и для подчиненного и для начальника.

Комбриг был в этом отношении суров, но часто вместо взысканий любил давать посвоему наглядные уроки. Помню, пришел он как-то ночью в землянку одного из взводов. Дневальный, сидя на скамье и опершись на винтовку, спал. Командир бригады собрал сапоги спящих солдат, вынес их из землянки, а затем объявил боевую тревогу. Взвод выскочил из землянки с оружием в руках, но... босиком. В сапогах стоял лишь смертельно напуганный дневальный. В таком смешном и жалком виде предстал взвод перед всей бригадой. Подобное происшествие не повторилось больше ни разу.

Хрустицкий и я сразу договорились о вещах прозаических, но особо важных: лично следить, чтобы скудный паек попадал к солдату до последней крошки, чтобы при весьма урезанном ассортименте пища обязательно была приготовлена вкусно, а после тяжелых ратных трудов — обеспечен нормальный отдых.

Эти принципы мы положили в основу нашей совместной деятельности.

С первых же дней формирования тяжелая ноша легла на плечи работников тыловых подразделений, снабженцев. Комбриг требовал от них не меньшей четкости, чем от командиров и солдат во время боевых учений. За каждую дырявую подметку учинял разнос. Командиры и политработники обязательно присутствовали при закладке продуктов на пищеблоке. «Тыловики» собирали в окружающем лесу съедобные дикорастущие травы, грибы, ягоды, чтобы разно-образить пищу, витаминизировать ее.

В одной из землянок разместили сапожную и портновскую ремонтные мастерские.

Молодые танкисты понемногу втягивались в учебу, становились увереннее в своих действиях.

Ранним утром танки уходили в лес, таящий для водителей множество неожиданностей. Надо было преодолевать рвы, болота, поваленные деревья. Командир бригады не разрешал обходить ни одно из препятствий. Бывало, один-два танка застрянут в болоте да так все ученье и пробудут там.

— Занятие кончено!—объявляет Хрустицкий.

— Товарищ подполковник, надо бы помочь угодившим в болото, — нерешительно напоминает командир батальона,

— Не надо! Сами завалились, пусть сами себе по могают. Приучаться надо к неожиданностям. В бою всякое может случиться.

Иной раз по два-три дня мучаются танкисты, пока не смекнут, как вызволить танк из болота. Вытащат его оттуда и своим ходом отправляются в расположение части.

Нелегко было первое время «осваивать» и возвышенности. Больше всего доставлял хлопот «Казбек» (так танкисты называли холм, отличавшийся особенной крутизной склонов).

— Приходи утром на «Казбек», — сказал мне однажды с лукавой улыбкой Хрустицкий, — увидишь цирковые номера.

Когда я пришел, Хрустицкий был уже на месте.

— Кто взберется по этому откосу? — обращается комбриг к собравшимся танкистам.

Лицо у командира серьезное, голос строг.

— Товарищ подполковник, на этот холм не взобраться, больно крут, — возражает один из водителей.

Подполковник, будто не слыша, продолжает:

—Танкист Пащенко. Вы лучший водитель, начинайте вы.

Пащенко бледнеет. В его движениях чувствуется неуверенность. Он садится в машину и ведет ее. Танк медленно карабкается по круче, добирается до середины, и вот он уже наверху.

(Позже Пащенко мне рассказывал: «Никак не думал, что на нашем танке так высоко можно взобраться. Решил: попробую идти чуть боком, может, что получится. Но веры все же не было. Начал взбираться, и все казалось, вот-вот сорвусь. А машина, представьте, идет. Тут я прибодрился, а как середины достиг - совсем полегчало, теперь уж, шалишь, доберусь до верха. Так и

выскочил на вершину».)

—Следующий! — командует Хрустицкий.

Взобрался на вершину холма и следующий, хотя, наверное, водителю это стоило немалого волнения. Один за другим одолевают танки крутизну. Но вот кто-то все-таки сорвался с холма, не достигнув вершины. Хрустицкий, как будто ничего не произошло, командует: «Следующий!»

Занятия кончаются. Всего два танка не выполнили задание.

— Молодцы! — подводит итог командир бригады.

Затем следует приказ возвращаться в часть. Танкисты хотят помочь двум своим товарищам.

— Отставить! — голос Хрустицкого опять суров. — Пусть сами научатся выходить из беды... Ядрена качалка.

Это понятное только ему одному выражение он употреблял в минуты наивысшего волнения.

Еще несколько занятий, и «Казбек» был прочно оседлан всеми молодыми танкистами, Специальные занятия посвятили преодолению рвов. Хрустицкий придумал стальные шпоры, которые приделали к тракам гусениц. Это облегчало подъем по самым отвесным склонам.

Уже к середине октября нельзя было не заметить успехов, достигнутых молодыми танкистами.

Командир бригады все чаще довольно улыбался и, когда кто-либо с особым блеском выполнял задание, искренне говорил: «Дай тебя расцелую, сынок!» И крепко обнимал взволнованного танкиста.

Успехи сопутствовали танкистам и в огневой подготовке. Теперь они уже свободно стреляли с ходу.

Проверять учебу в бригаде часто приезжал член Военного совета Ленинградского фронта Терентий Фомич Штыков. В один из таких приездов он решил посмотреть стрельбу. Вывели на огневой рубеж один танковый взвод.

Танкисты с ходу поражали мишени на «отлично» и «хорошо».

— Выводите другой взвод! — приказал Штыков.

И другой, и третий, и все остальные взводы показали отличные результаты. Т. Ф. Штыков уехал довольный.

Между тем учеба с каждым днем усложнялась. Теперь танкистам предстояло научиться выполнять две задачи одновременно: и тактическую и огневую.

К этому времени экипажи танков были окончательно скомплектованы. Экипаж «Т-60» и «Т-70» состоял из двух человек — командира танка и механика-водителя.

Командир был одновременно стрелком, наблюдателем, а в тех танках, где полагалась рация, — еще и радистом. Вооружение «Т-60» составляли пушка

«Швак» и спаренный с ней дегтяревский пулемет. «Т-70» имел более мощную пушку — 45-миллиметровую.

Водитель должен был понимать командира, что называется, с полуслова. Вот почему мы при формировании экипажей допустили некоторый «демократизм»: во многих случаях давали возможность командирам танков подбирать себе механиков-водителей по желанию. Экипажи получились дружные,

работоспособные.

К осени бригада стала совершать многокилометровые марши. Сначала днем, потом по ночам. Танкистов поднимали по тревоге глубокой ночью, указывали определенный, но еще незнакомый им район, из которого надо было условно выбить просочившегося «противника». Шли без света, и первые учения не обошлись без потерь — танки попадали в глубокие канавы, срывались с мостов. Командиры снова и снова проводили занятия до тех пор, пока и эти трудности не были преодолены.

Самыми сложными оказались тактические учения во взаимодействии с пехотой. В бригаде был свой мотострелковый батальон. В него входили три автоматнo-пулеметные роты, рота противотанковых ружей, артиллерийская и минометная батареи. Танкисты учились идти в бой со взводом, ротой, батальоном, при поддержке артиллерии и бронемашин. Хрустицкий придавал этим учениям особое значение. По многу раз он возвращал танки и пехотинцев на исходные позиции, чтобы еще и еще раз повторить заданный урок. На одном из совещаний с командирами батальонов он рассказал про бой, участником которого был сам. Под Лиговом, близ Ленинграда, тяжелые танки «КВ» прошли через позиции противника, а пехота отстала, гитлеровцы этим воспользовались, подбросили свежие силы на свой передний край, и им удалось отрезать наши танки. Только ценой больших потерь удалось потом отбить эти машины.

Достичь боевого накала в учебе, когда маневры, одни других сложней, следовали непрерывно, можно было только при высоких моральных качествах всего личного состава. Об этом заботились политработники.

Еще в первой беседе с членом Военного совета фронта я оговорил для себя право перевести из автомобильной бригады в танковую нескольких политработников, которых знал по совместной и нелегкой службе на Ладого.

Среди них был батальонный комиссар Мейер Абрамович Вейсман.

О Вейсмане я знал многое. С первых дней революции он служил в рядах Советской Армии. Сначала в латышском стрелковом полку, затем в Высшей военной автоброневой школе. В составе 7-го Московского курсантского полка дрался с бандами Юденича. В 1929 году его назначили на партийную работу — секретарем райкома, сначала Лужского, затем Окуловского. С первых дней Отечественной войны Вейсман добровольно ушел в армию. На Невском «пяточке» его ранило. А несколько позже Вейсман стал комиссаром батальона 17-й автобригады.

Вернувшись из Смольного, я позвонил ему, попросил зайти. Он явился немедленно, свежий, бодрый, подтянутый, как будто было утро, а не 3 часа ночи. Я рассказал о боевых задачах новой танковой бригады, предложил ему стать комиссаром мотострелкового батальона. Вейсман немедленно согласился.

Вейсман вместе с вновь назначенным командиром батальона опытным кадровым офицером Дуровым отправился в расположение запасной бригады, из людей которой формировался новый батальон.

Другой политработник — Иван Васильевич Самыгин, ленинградец, — тоже прошел хорошую школу политической работы. Он был вожаком заводской комсомолки в тридцатых годах, политруком во время боев с белофиннами, а Великую Отечественную войну начал комиссаром автобатальона.

Среди пришедших в бригаду воинов было много представителей ленинградской интеллигенции. Только в одном мотострелковом батальоне собралось 80 инженеров, учителей, агрономов, работников искусств. Они стали хорошими помощниками политработников.

Наиболее эрудированные составили ядро своеобразного лесного лектория. В землянках можно было услышать беседы на самые разнообразные темы. Люди интересовались историей искусств и тайной тунгусского метеорита, мифами Древней Греции и знаменитыми землепроходцами на Руси, не говоря уже о тех событиях, которые волновали в эту грозную пору весь мир.

Ценнейшей находкой оказались пришедшие с ленинградским пополнением технические специалисты. С их помощью рота технического обеспечения превратилась в своеобразный ремонтный завод на колесах. Здесь был налажен выпуск запасных деталей, организована электросварка, горячая обработка металла, ремонт любой радиоаппаратуры. Недавние заводские рационализаторы не мирились со многими установившимися в частях полукустарными методами работы.

Однажды, это было еще в начале формирования, ремонтники снимали с танка поврежденный двигатель. Средством механизации служили бревна и таль.

Старший техник-лейтенант Кушников, до войны инженер крупного ленинградского завода, увидев это, только всплеснул руками:

— Картинка из прошлого века!

Прошло несколько дней. Кушников заглянул ко мне. В руках сверток. Оказалось, лейтенант принес чертежи оригинальной конструкции крана, спроектированного вместе с товарищами.

Комментарий был немногословным:

- Две минуты для установки крана на башню танка плюс несколько минут для снятия двигателя.

Кран был изготовлен за два дня. Конструкция блестяще выдержала испытания.

В течение нескольких дней такими стрелами были оснащены «летучки» — ремонтные мастерские на автомашинах роты технического обеспечения и батальонов, а еще через некоторое время это изобретение позаимствовали другие танковые части Ленфронта.

Как-то Хрустицкий вернулся с многодневных учений весьма озабоченным.

- Все шло как по маслу, и вдруг несколько машин не завести — сели аккумуляторы. Вызвали походную зарядную станцию, а она больше десятка враз не заряжает. А если надо тридцать — значит, теряй день. Я по дороге подсчитал: чтобы зарядить все аккумуляторы бригады на нашей зарядной станции, надо сто пятьдесят дней! Этак и война окончится, а мы все будем аккумуляторы заряжать...

Владислав Владиславович обратился ко мне:

— Федор Кузьмич, ты мне все рассказываешь про людей из РТО: у того, дескать, золотые руки, а тот за пояс академика заткнет. Поищи там специалистов, может, что умное придумают?

Специалисты нашлись: Буржанов — преподаватель Ленинградского электротехнического техникума, инженер, молодой коммунист, и Янцевский — инженер го станкостроительного завода имени Свердлова.

Через сутки электрики пришли с предложением:

- Можем смонтировать мощную электростанцию.

Развернули эскизы, расчеты. Оказалось, замысел электриков не так уж несбыточен.

— Все хорошо, но где же достать генератор?

— В Ленинграде, — ответил Янцевский. — На нашем заводе можно найти из списанных. А там свои ребята, узнают, для какой цели, — домой не уйдут, пока не отремонтируют.

Через несколько дней генератор был доставлен в бригаду. Буржанов тем временем достал в Ленинградском электротехническом техникуме, где он до войны преподавал, 20 реостатов. В бригаде нашелся автомобильный двигатель.

Усталые, не спавшие ночь ремонтники все это смонтировали на раме, установили на прицеп. И теперь мощная компактная подвижная электростанция могла заряжать более 100 аккумуляторов одновременно да еще давала ток в штабные землянки и хозяйственные пункты.

— Приходите на торжественный пуск нашего бригадного «Волховстроя», — пригласил меня Буржанов.

СОЛДАТЫ С КОСИЧКАМИ

В начале августа 1942 года для вспомога тельных служб бригады прибыло необычное пополнение — группа девушек- подростков. Одни были острижены «под мальчика», у других торчали косички, туго перетянутые лентами. Все они были невероятно худы. Бледные, серые лица напоминали о страшных днях ленинградской блокады.

Начальник санитарной службы бригады Павел Денисович Беляев и военврач мотострелкового батальона Фаина Павловна Лаврова, увидев пополнение, переглянулись: «Ну и ну!» Беляев даже не поверил, что они совершеннолетние, и тщательно ознакомился с документами каждой из прибывших.

Посоветовавшись с нашими медиками, мы решили: 15 суток пусть девушки отдыхают, находятся под наблюдением врачей и побудут на особом пищевом режиме. Никакой работы, никаких занятий.

Девушкам выделили землянки, и их стала опекать военврач Лаврова.

На второй день врач обнаружила в землянке нового пополнения изрядные запасы различных продуктов. Оказывается, бойцы отдавали девчатам часть своих, и без того скудных, пайков. Это было трогательно, но опасно. Чрезмерное питание истощенных длительным голодом людей могло вызвать тяжелые последствия. Не все это понимали, и поэтому пришлось даже установить в землянке охрану, а танкистам разъяснить, что «не всякое даяние — благо».

Минуло шесть дней, и неожиданно в штаб мотострелкового батальона пришли

несколько девушек.

- В чем дело? — спросил командир батальона Дуров.

— Не можем больше так... — произнесла одна из них. — Не можем сидеть без дела. Скоро в бой, а мы ничего не умеем делать...

Никакие уговоры не помогали. Посоветовавшись с врачами, мы решили в ближайшие дни обмундировать пополнение и включить занятия с ним в план боевой подготовки.

Полученное обмундирование каждая из девушек ловко пригнала по фигуре. Грубые солдатские ремни они отвергли с первого взгляда и у тех старшин, что посердобольнее, стали выпрашивать офицерские. На строевых смотрах мы вынуждены были безжалостно изымать эти ремни, но через некоторое время они появлялись снова.

Участвуя в занятиях танкистов и автоматчиков, девушки учились оказывать медицинскую помощь, эвакуировать тяжелораненых с поля боя.

Даже в самые тяжелые дни ленинградской обороны люди нашей бригады не теряли бодрости. Сурово относящиеся к себе на учениях, бойцы с увлечением отдавали должное шутке, музыке, поэзии в короткие часы отдыха.

В каждом подразделении находились одаренные люди. Вокруг командира танка Петра Швыдкого всегда толпились танкисты, слушающие его веселые, остроумные байки. С большим чувством исполнял под гитару песни комсорг батареи Камилнй Канарский; хорошо играл на баяне старший техник- лейтенант Лосев.

Когда к нам прибыло пополнение ленинградоков, у участников художественной самодеятельности появились даже театральные костюмы.

Но участие девушек в самодеятельности не ограничилось, разумеется, шитьем костюмов. Однажды я зашел в рожицу, где располагался 1-й батальон. Смотрю, одна из санитарок в спортивном костюме делает стойку на руках. Другая -Нина Лейбман — поет лирический романс, ее подружка Катя Гусева исполняет какой-то классический танец. Прислонившись к сосне, необыкновенно оживленный, стоит комсорг батареи Канарский.

— Товарищ комиссар, — обратился он ко мне. Готовим концерт. Пушками муз не заглушить...

Женщины бригады выполняли не только медицинские обязанности, они работали у нас связистами, писарями в штабах, поварами в тыловых подразделениях. Были среди них и такие, которые хотели во что бы то ни стало держать в руках автомат или пулемет.

Душой всего женского пополнения была Фаина Павловна Лаврова. В бригаду она пришла в июле 1942 года, молоденькая, совсем девочка, небольшого роста. До прибытия в нашу бригаду она была врачом отдельного батальона связи. 10 сентября 1941 года фашистская авиация совершила массированный налет на Красное Село, где базировался в это время батальон. Больше всего пострадали от налета мирные жители, В считанные минуты развернула Фаина медицинский пункт и начала оказывать помощь военным и гражданскому населению. Первой внесли в батальонный медицинский пункт четырехлетнюю девочку, которую с трудом оторвали от тела погибшей матери. «Хочу к мамочке!» — непрерывно кричала она. У девочки оказался открытый перелом бедра. В такой обстановке педиатр Лаврова встретилась с первым

своим пациентом.

Неуемной энергией она заражала весь медицинский персонал бригады.

Предельно требовательный начсанбриг Беляев не имел оснований быть недовольным своей молодой помощницей.

В октябре 1942 года коммунисты мотострелкового батальона единогласно приняли Фаину Лаврову, воспитаницу Ленинского комсомола, в партию.

Девичье пополнение считало Фаину Павловну своей духовной матерью, хотя разница в возрасте между военврачом и ее подчиненными едва достигала трех- пяти лет.

ДРУЗЬЯ — ЛЕНИНГРАДЦЫ

Осенью сорок второго наша бригада располагалась в лесах у станции Всеволожская. Дни стояли солнечные, ясные, но в воздухе уже чувствовался холодок. Незаметно подкрадывалась зима.

В один из таких дней возле домика, где располагался наш КП, резко затормозила «эмка». Из машины вышли первый секретарь Куйбышевского районного комитета партии Николай Васильевич Лизунов и председатель райисполкома Александр Иванович Пудов. С Николаем Васильевичем я встречался не раз в конце тридцатых годов на партийных активах и конференциях. Он был секретарем парткома на одной из фабрик Ленинграда.

Гостям мы, конечно, обрадовались, понимая, что они приехали в такое время не просто из любопытства.

Лизунов сразу же, что называется с порога, спросил:

— Говорите, что вам нужно, чем наш район может помочь бригаде? Есть указание обкома...

Он рассказал о том, что его вызвал в Смольный секретарь горкома и член Военного совета Кузнецов и дал указание: мобилизовать все заготовительные, все снабженческие организации и учреждения района на помощь формирующимся в блокированном Ленинграде воинским частям.

— Так что выкладывайте, не стесняйтесь, что нужно в первую очередь, — снова повторил Лизунов.

В первую очередь нам, конечно, нужны были теплые вещи — ватники, рукавицы, меховые жилетки и прочее, — близилась зима.

Если честно, не представляю, чем Куйбышевский район может нам помочь. Разве что концертами?

— Недооцениваешь, — мягко, с некоторой обидой за свой район, возразил предисполкома Пудов. — «Гигантов индустрии» у нас действительно нет. Но кое-что, чтоб вас обуть и одеть, изыщем. Затем и приехали.

Вскоре были очищены для нас все склады района. Нашлись запасы овчин в артели «Ленмехпром», ткани и торговых складах и на базах «Гостиного двора». И все, кто мог шить, шили.

Скоро наступила вьюжная зима. Но она была не страшна нам: чуть ли не ежедневно полуторки с теплым обмундированием разгружались у вещевого склада бригады.

Однажды прибыло к нам очередное пополнение, и обмундирования на всех не хватило. Я поехал в Ленинград прямо в райком, к Лизунову. Так, мол, и так, назвались шефами— выручайте.

На этот раз Лизунов призадумался. Он медленно имеривал шагами свой затемненный и унылый секретарский кабинет, размышляя вслух:

Да-а... ситуация. Не знаю даже, с какого конца подступиться. Полотно для гимнастерок есть, а вот шить некому. Мастерские опустели. В каждой уцелело по горсточке людей. Да и те, кто еще держится, перегружены работой, валяются с ног. Впрочем, есть тут у нас артель на Лиговке, называется «Лентрикотаж». Там работницы вроде помоложе, может, чуточку и покрепче. Только, как говорится, профиль не тот. Трикотажницы, а тут швеи нужны. Хотите, поедем к ним, посмотрим, как и что.

Спустя минут двадцать мы подъехали к небольшому серому зданию, где в первом этаже размещалась артель «Лентрикотаж», Сидящие возле вязальных машин женщины, в платках, повязанных по самые брови, с впалыми щеками, походили на старух. Казалось, лучше всего было уйти и ни о чем не просить их. Казалось чудом, что эти женщины вообще могли еще работать...

Лизунов разыскал председателя артели, молодую трикотажницу Елизавету Гончарову, и стал объяснять ей цель нашего прихода. Гончарова, слушая секретаря райкома, время от времени кивала головой.

После разговора она подошла к одной работнице, которая сидела за машиной с краю длинного, во весь пролет стола, о чем-то стала говорить с ней, потом подошла к другой, к третьей... И каждый раз что-то обсуждала с ними тихо-тихо. Или, быть может, мне показалось, что тихо, из-за гула машин, или у всех у них просто не хватало сил, чтобы произносить слова громче.

Позже, когда мы возвращались в райком, я спросил Лизунова:

— Ну, как?

Лизунов пожал плечами:

— Не представляю себе, что они собираются предпринять. Какие у них силы, сам видел. Их бы всех в госпиталь! А они вяжут белье для фронта, Откуда что только берется, В общем, кажется, взялись. Бригадир просила полотно привезти. Завтра к вечеру что-то придумают.

Выполнить наш заказ оказалось нелегко. Дело было не только в том, что не хватало сил. Трикотажницам не на чем было работать: вязальные машины не годились для шитья, а швейных машин в артели нашлось всего две. Но женщины нашли выход. На другой день, не помню уже по какому случаю, пришлось мне опять побывать в районе Лиговки с тем же Лизуновым. Мы увидели, как по заснеженным тротуарам, толкая впереди себя детские саночки, или впрягшись в корыто, или просто по снегу волочили женщины из своих домов в артель старые ручные зингеровские машины.

Чтобы сшить гимнастерки для танкистов, трикотажницы работали в день по две смены.

Забегая несколько вперед, скажу, что, когда в бригаде получили эти гимнастерки, многие танкисты находили в карманах записочки на обрывках газетной, оберточной бумаги или на оборотной стороне использованных нарядов, этикеток. В каждой записке было послание из нескольких слов: «Дорогой боец Красной Армии! Бей фашистских гадов! Бей, пока живой! Спаси нас». Или: «Милый мой незнакомый танкист! Мне не

известно твое имя, но я знаю, что ты не дрогнешь в бою с проклятыми немцами-оккупантами. Крепись, мужайся, мы всем сердцем с тобой». Или: «Если у тебя нет матери, я твоя мать. Если нет жены - я тебе жена. Я тебе и сестра, если ее нет. Я твоя любимая девушка, если у тебя ее еще не было. Помни обо мне, когда пойдешь в бой, помни о всех матерях, о всех женщинах, которые смотрят на тебя с надеждой и сделают все, чтоб помочь тебе. Победа будет за нами»...

Записки, как правило, были подписаны только именами: «Маша», «Лена», «Люба».

Нужно ли говорить, как воодушевляли бойцов эти простые, идущие от сердца слова! Ведь каждый из них знал о невероятных лишениях, испытываемых ленинградцами. Слово «тыл» не подходило к окруженному городу, где улицы сотрясались от вражеского артиллерийского огня и от массированных бомбовых ударов обрушивались дома. Но ленинградцы не только сами не падали духом, не предавались унынию, но проявляли поистине трогательную заботу об армии. До сих пор, спустя уже более чем четверть века, вспоминаю я с благодарностью тех женщин из «Лентрикотажа». Навсегда остались в памяти и люди, приходившие на многочисленные пункты по сбору теплых вещей для воинов. Однажды телефонистки междугородной станции принесли туда варежки и рукавички, снятые с собственных рук. Приемщик отказался взять их из-за маленького размера («разве такое впору солдату?»). Девушки ушли — на их лицах было искреннее горе. Как-то в Куйбышевский райком партии к Лизунову пришел старый человек. Отряхнув снег в прихожей, он втащил в кабинет секретаря нечто похожее на огромный черный ящик. Старик перевел дыхание и сказал:

— Уважьте. Примите от всей души... Для воинов.

— Что же это такое у вас? — удивился Лизунов.

— Аккордеон!

— Вы музыкант?

- Нет, повар я из Пищтреста. Да это неважно. — Старик раскрыл огромный футляр, вытащил оттуда переливающийся перламутром аккордеон.

— Спасибо, — сказал несколько растерянный Лизунов. — Но, во-первых... как же вы расстанетесь с таким дорогим инструментом? И потом, мы ведь собираем только теплые вещи.

Старик укоризненно покачал головой:

— Понимать надо, какая это вещь и какое от нее тепло может быть солдату. А то, что дорогой инструмент... Так самое дорогое я уже потерял. Это аккордеон моего сына, он погиб на фронте.

Шефствовал над нашей бригадой и Ленинский районный комитет партии, а точнее — весь Ленинский район.

Выбор этого шефа был, конечно, не случайный. Во-первых, в районе находилось крупное предприятие — завод подъемно-транспортного оборудования имени Кирова, который мог бы многое сделать для ремонта наших машин. А во-вторых, мы много хорошего слышали об Алексее Михайловиче Григорьеве — первом секретаре райкома, человеке на редкость деятельном, энергичном и отзывчивом. Кстати, Алексей Михайлович до своего «секретарства» был директором этого завода, там же почти 40 лет отработал

кузнецом и его отец.

Однажды во время подготовки к боям я отправился на завод. Он показался мне почти безлюдным. Двор был изрезан щелями, над которыми высилась заснеженными холмиками вырытая земля. Кругом следы бомбежек и артобстрелов: битый кирпич, свежие воронки, еще пахнущие едким запахом взрывчатки.

На дверях одного из цехов с покореженной снаря дом крыши клочок кем-то приклеенной пожелтевшей заводской газеты, вышедшей еще 25 июня 1941 года. На нем можно было разобрать строчки резолюции, принятой, вероятно, на рабочем митинге:

«...по первому зову правительства многие из нас пойдут на защиту границ своей Родины. Те, кто останется на заводе у станков, дают священную клятву Родине: работать не покладая рук».

Григорьев рассказывал как-то, что здесь, на митингах, в первый же день войны все до единого выразили желание уйти на фронт, чтобы с оружием в руках защищать Ленинград, что за три дня на заводе сформировался отряд из 400 коммунистов и беспартийных, который влился потом в дивизию народного ополчения.

Еще в райкоме, рассказывая о настроениях на заводе, Григорьев показал мне письмо старых рабочих Платонова, Паршина и Васильева, напечатанное в заводской газете. Копию этого письма я потом передал начальнику политотдела подполковнику М. П. Борисавнину, чтобы познакомил с ним танкистов. Письмо и сегодня нельзя перечитывать без волнения:

«В бригаде нас трое. Всем вместе от роду 185 лет. Производственный стаж—130 лет. Несмотря на то, что каждый из нас по своему возрасту может быть на пенсии, мы трудимся в полном сознании своего долга перед Родиной, а особенно сейчас, когда дорог каждый человек. Наши сыновья ушли на фронт. Мы объявляем себя мобилизованными на трудовом фронте и будем работать так, как потребует от нас Красная Армия, партия, правительство. Каждый из нас с еще большей энергией будет продолжать работать на четырех строгальных станках, чтобы заменить ушедших на фронт. Мы готовы отдать последние силы и жизнь за нашу социалистическую Родину. Мы обращаемся ко всему коллективу завода: еще теснее сплотим наши ряды... В этом залог нашей победы».

Глядя на почти вымерший заводской двор, я по думал: «Как же тут ремонтируют танки, если все разбито и разрушено? К тому же все лучшие станки уже были вывезены на восток, а в цехах остались лишь «старые балалайки», как говорил Григорьев».

Тем не менее завод ремонтировал танки. Каждый день сюда привозили чуть ли не горячие, после боя машины. На этот завод предстояло в скором времени попасть и многим нашим «малюткам». Отсюда танки напрямик отправлялись на передний край. Забегая вперед, замечу: случалось не раз, что стирались грани между экипажами «малюток» и рабочими-ремонтниками. Танкисты порой неделями трудились вместе с рабочими в цехах, помогая им у слесарных верстаков, а ремонтники, проверяя качество своей работы, садились в танк и вели огонь по врагу.

Израненный завод сражался до последнего, как сражается обессиленный от потери крови солдат.

Когда слишком частыми стали перебои с подачей электроэнергии, электрики —

старый коммунист Юрьев и его товарищи — решили построить свою блок-станцию. Кто-то вспомнил, что на застрявшей в невских льдах заводской барже есть движок. На всякий случай сперва снарядили туда в разведку добровольцев — ведь добраться до баржи пешком, в лютый мороз, на ветру не всякий мог.

На утро следующего дня общими усилиями приволокли движок. Но для того чтобы его установить, надо было в фундаменте пробить дыры. Собрались самые «сильные», посоветовавшись решили, что, если как следует поднатужиться, каждый сумеет сделать кувалдой хотя бы десять ударов. Оказалось, однако, что и это не всем под силу. Некоторые падали после первого удара, другие, стукнув по зубилу раза три-четыре, долго не могли перевести дыхание. Тогда стали сменять друг друга чаще. Среди электриков находился старый большевик Карл Мартынович Кекки. Подошла его очередь. Удар, еще... еще... Его спрашивают: «Отдай кувалду, отдохни», а он: «Ничего, ничего, я посильнее вас». Разошелся — седьмой удар, восьмой... И вдруг осел, колени подогнулись, упал замертво, так и не выпустив кувалды из рук.

Сутки напролет работали электрики, установили и двигатель, и динамо-машину. Получили свой ток. Воскресли из мертвых два цеха...

Никогда не забуду такой случай. После тяжелых и сложных учений нам срочно потребовалось отремонтировать несколько машин. Мастер Петр Князев кое-как собрал еще способных двигаться слесарей. Но, осмотрев повреждения, понял — без опытного сварщика не обойтись. Однако сварщиков высокого класса в ту пору на заводе не оказалось. Единственный «бог» по этой части — знаменитый Иван Иванович Власов — был болен.

Послали к нему ходока. Вернулся ходок, доложил обстановку. «Так, мол, и так, Иван Иванович согласен, но говорит, что может двигать только руками, а вот ноги у него не действуют. Если его доставят как-нибудь в цех, он с радостью... А вообще я думаю, что наш Власов только из гордости храбрится, а так какой он теперь работник. Опухший весь и к месту прикован».

Все-таки привезли Власова в цех на саночках. Поддерживая под руки, подвели к танку. Осмотрел он пробоины, передохнул немного с дороги и сказал:

«Подсобите мне взобраться на крыло машины и подстрахуйте маленько, чтоб не упал».

Слесари-сборщики подняли его, взгромоздили на крыло танка.

В замороженном и сумрачном цехе после долгого перерыва снова вспыхнул шипящий голубой огонь. Власов был очень слаб, и через несколько дней пришлось ему для самого себя внедрять рационализаторское предложение. Он усаживался в кресло, прикрепленное к стропам мостового крана, кресло на стропях поднимали на необходимую высоту, и Иван Иванович заваривал пробоины в стальной башне.

... В один из тех зимних дней сорок второго года, накануне боев по прорыву блокады, на заводском дворе состоялся митинг. Завод тогда досрочно отремонтировал танки, а принимать их приехал наш командир роты, будущий Герой Советского Союза, лейтенант Дмитрий Иванович Осатюк.

— Мы с вами, дорогие друзья, мы, как ветки одного корня, неразделимы,

— сказал он, выступая на митинге. — И хотя мы, танкисты, в военной форме, а вы — в ватниках и кепках, все мы бойцы единой и непобедимой армии, которая называется — советский народ. Подвиг ваш — ратный подвиг. А мужеству и упорству нам, воинам, не грех поучиться у вас. Спасибо вам, что вы такие. Мы, танкисты, никогда не забудем ваших верных рук и храброго сердца.

Весь трудовой Ленинград помогал тогда армии. Помню, как выручили однажды нас, танкистов, ленинградские ученые.

Вторая блокадная зима, как и первая, была жестокой. Замерзло все — и дома, и люди в нетопленных домах, и бойцы в окопах и землянках. Замерзли и наши машины. В лютые морозы танковые моторы выходили из строя, так как не хватало антифриза (особого раствора спиртов, не замерзающих при низких температурах). Старые запасы антифриза быстро иссякли, новые не из чего было изготавливать: в осажденном городе не было нужных спиртов.

Приехали мы с Хрустицким в Ленинград. По за снеженному Невскому проспекту добрались до знакомого красного здания, где размещался Куйбышевский райком партии.

На лестнице, темной и холодной, со ступенями, покрытыми изморозью, встретили секретаря райкома Лизунова.

Николай Васильевич был настолько истощен, что одежда висела на нем, словно на вешалке. Тем не менее он старался держаться бодро.

— Как дела? — спросил он со своей неизменной доброжелательной улыбкой.

Поднялись вверх к нему в кабинет с зашторенными и забитыми наполовину фанерой окнами. Рассказали о своей беде.

Лизунов вдруг лукаво улыбнулся:

— А знаете, кажется, эту проблему мы сможем решить.

— Как? Не станут же сбрасывать на парашютах цистерны со спиртом!

— Не станут, — весело ответил он. — Да мы и не ждем, что нам все упадет с неба. Найдем источник у себя. Да вроде бы уже нашли.

— Нашли? Где? Каким образом? — удивились мы.

— Могу сообщить точный адрес. В нашем же районе. На улице Герцена. Ну, знаете это угловое здание — Текстильный институт...

Оказывается, командование Ленфронта, горком и обком партии поручили нескольким ленинградским вузам попытаться создать заменитель антифриза. И вот в лаборатории Текстильного института, предназначенной для разработки красителей для тканей, вроде бы нашли способ, как помочь танкистам. Лизунов назвал фамилии тогдашнего ректора института Николая Ивановича Труевцева и доцента Ефима Самойловича Роскина.

Оказалось, что ученые-текстильщики выполняли уже далеко не первое задание такого рода. Одно из них — усовершенствование устройства бутылки с горючей смесью.

Бутылки с горючим у нас пробовали применять еще в финскую войну. Но они были неудобны по многим причинам. Горючая смесь в них воспламенялась от особых длинных спичек. Перед броском надо было такую спичку зажечь. Однако при сырой погоде сделать это было нелегко, коробочные терки отказывали. Гасли спички и при сильном ветре.

Кроме того, ночью противник мог увидеть, откуда в него бросали огненные «подарки».

В трудную годину Отечественной войны Текстильный институт, по инициативе секретаря Куйбышевского райкома партии Н. В. Лизунова, ректора института Н. И. Труевцева и декана факультета Е. С. Роскина, организовал специальную лабораторию для нужд фронта. Ученые-текстильщики начали работу над усовершенствованием устройства бутылки с горючей смесью. Провели сотни опытов, пока не создали наконец особый запал в виде стеклянной ампулы, заполненной специальным щелочным составом. Первыми испытывали бутылки сами ученые. Получилось на редкость удачно. Никаких спичек не требовалось, никакой ветер не был страшен, горючая смесь, как только бутылка разбивалась, воспламенялась сама.

Однако зимой оказалось, что жидкость в бутылке замерзает. Ученые снова принялись за исследования и опыты и продолжали их до тех пор, пока не одолели это препятствие с помощью незамерзающих солей...

Исследования, опыты... Даже в обычных, мирных условиях за этими словами - огромный, напряженный труд, А тогда на здание института падали фугасные и зажигательные бомбы. Ученые, как и все ленинградцы, едва передвигались от истощения. Многие умирали тут же, за лабораторным столом, другие, прикорнувшись отдохнуть где-нибудь в кабинете, так никогда больше и не проснулись. Но те, кто оставался в живых, продолжали дело, начатое погибшими. Труевцев и Роскин организовали в институте стеклодувную мастерскую, где девушки-студентки, тоже голодные и истощенные, изготавливали сотни, тысячи и десятки тысяч ампул-запалов...

Ампулы отвозили на ликеро-водочный завод, где бутылки заполняли жидкостью, предназначенной отнюдь не для питья.

Когда была решена проблема изготовления антифриза, появилась новая, не менее важная. В заблокированном Ленинграде иссякли запасы бензина. Чем заправлять танки, трактора, бронемашину? Бензопровод, проложенный подо льдом Ладоги, только-только начинал действовать и не мог удовлетворить нужд фронта.

Снабженцы Ленфронта обратились опять к ученым-химикам из Текстильного института. И ученые Н. И. Труевцев, Е. С. Роскин, Б. Н. Васильев, П. А. Якимов после долгих и мучительных экспериментов разработали метод изготовления синтетического бензина на основе пихтового масла. Это сырье имелось в избытке на ленинградских парфюмерных фабриках, изготавливавших до войны духи.

Водители боевых машин не подозревали, каким необыкновенным горючим заправлены их двигатели.

Когда перед боем я рассказал обо всем этом танкистам, один из них, Иван Россомахин, снял шлем и сказал: — Я бы в ноги поклонился таким людям.

МЫ УЗНАЕМ ОБ „ИСКРЕ“...

В декабре 1942 года Хрустицкого вызвали в Военный совет фронта. Здесь он узнал новость — готовится прорыв блокады. Прорыв должен быть осуществлен на фронте в 13 километров: от Шлиссельбурга до Невской Дубровки.

Одновременно удар по врагу с тыла предстоит нанести войскам Волховского фронта. Операция «Искра» преследует цель соединить Ленинград с «Большой землей».

В операции «Искра» удар со стороны Ленинграда поручили осуществить 67-й армии, которой наша бригада была придана. Эта армия обороняла полосу правого берега Невы, начиная от устья, где высилась Шлиссельбургская крепость — «Орешек». Армией командовал генерал М. П. Духанов.

Хрустицкого и меня вызвали к командарму. Штаб армии располагался в сосновом лесу, окаймлявшем живописное озеро. Сюда вела неширокая лесная дорога, кроны деревьев нависали над ней, скрывая от воздушной разведки.

Многочисленные блиндажи и землянки были тщательно замаскированы.

В блиндаже кроме генерала находились штабные офицеры. Мы представились, и Духанов сейчас же приступил к разговору о предстоящей операции. План операции был, очевидно, уже утвержден. На основное направление, на Марьино, выдвигалась 136-я дивизия генерала Симоняка. Командарм высоко оценивал боевые возможности этого соединения и весьма лестно отзывался о его командире.

— Ваши танковые батальоны и мотострелковый батальон будут взаимодействовать с Симоняком, значит, и вы основными силами будете действовать на направлении главного удара. Что касается броневиков, — продолжал Духанов, — то они придаются восьмьдесят шестой дивизии, нацеленной на Шлиссельбург. Там придется вести уличные бои. Все ли ясно?

— Все, товарищ генерал...

— Теперь о противнике. Войска у немцев здесь отборные. От Шлиссельбурга до Анненского стоит в обороне сто семидесятая дивизия, гренадерская. Прошла через всю Европу, а сюда переброшена после штурма Севастополя. За четырнадцать месяцев немцы укрепились здесь основательно. Понастроили тьму всяких инженерных сооружений, и не только по берегу, но и в глубину.

Подробные сведения возьмете в штабе армии. Немцы называют свой шлиссельбургско-синявинский плацдарм — фляшенхальс — бутылочное горло. Так вот, уважаемые танкисты, нам вместе с волховчанами предстоит так сдавить это «горло», чтобы оттуда не вылез ни один оккупант.

... Наступили горячие дни подготовки к операции. Теперь перед нашими танкистами был уже не условный, как на учениях, а вполне конкретный противник. Его нужно было хорошенько изучить. Много сведений об укреплениях и составе вражеских войск доставила нам общевойсковая разведка. Однако мы сами хотели выяснить обстановку на переднем крае. Началось кропотливое, не прекращающееся даже ночью изучение берега, захваченного врагом. Для этого были оборудованы два наблюдательных пункта, с которых хорошо просматривался левый берег Невы. Увиденное заносилось в журнал, отмечалось на карте.

Весь офицерский состав участвовал в рекогносцировках. Наблюдения вели разведчики, саперы, артиллеристы, минометчики.

Что же представлял тот участок, где должны были вскоре действовать наши танки?

Не скрою, в первые дни наш командный состав приходил с наблюдательных

пунктов весьма озадаченным: вражеский берег казался неприступным. Крутые обрывистые берега покрыты льдом, взобраться на такую двенадцатиметровую кручу танку нелегко. Вдоль всего берега шла разветвленная сеть траншей с «лисьими норами», а впереди траншей вырыты были противотанковые рвы от 3 до 4 метров шириной. Окаймляли эти сооружения минные поля и проволочные заграждения. На удобных скрытых позициях, в дзотах и капонирах было расставлено несметное количество минометов, орудий, пулеметов, а в глубине, затаились опорные пункты. Естественно, что за долгие месяцы обороны гитлеровцы пристреляли перед собой каждый клочок земли, каждый кустик .

И все же каждый день прибавлял уверенности в том, что к этому замку будет подобран ключ. Наконец было выбрано место, наиболее доступное для танковой атаки. Мы приступили к составлению подробного описания местности, уточнению маршрутов каждой машины и порядка движения.

Бригаду вывели в пустынный заснеженный лес. На учебных полях построили рвы и траншеи, подобные вражеским, и танкисты начали тренироваться вместе с подразделениями мотострелкового батальона и пехотинцами.

На танках теперь можно было часто увидеть бревна, лестницы. Это был строительный материал для мостиков через рвы и окопы, которые молниеносно водводились с помощью саперов и пехотинцев. Водители выявляли лучшие скорости для преодоления препятствий, учились преодолевать проволочные заграждения с минными полями, вести борьбу с дотами и дзотами. Бронемашины разыгрывали бои на улицах населенных пунктов.

На одном из озер особенно удачно имитировалась будущая самая сложная преграда — Нева. Крутые берега лесного озера будто копировали невские берега, захваченные гитлеровцами. На этом озере в течение нескольких дней шли учебные бои. По глубокому снегу на льду озера танки пробивались от одного берега к другому. За ними, стараясь не отставать, бежали пехотинцы.

Однажды на занятия прибыл командующий бронетанковыми войсками фронта генерал Виктор Ильич Баранов. От его острого взгляда никогда не ускользали промахи или ошибки в учебе. И в прошлые приезды он делал едкие замечания даже по поводу мелких упущений.

«Бой» разворачивался перед нашими глазами. Все мы изрядно волновались. Вот два головных танка перешли озеро и приблизились к берегу, стеной нависшему на их пути. Нам показалось, что машины внезапно остановились как бы в нерешительности. Но уже в следующий момент — наверно, прошла всего одна секунда — оба танка решительно полезли вверх.

Кто-то из пехотных офицеров с опаской произнес: «Не перевернулись бы». Но танки уверенно взяли подъем и скрылись в прибрежном лесу.

Мне показалось, что у Хрустицкого вырвался вздох облегчения.

— Кто это у вас такие лихие акробаты? — спросил Баранов.

— Сразу фамилии не смогу назвать, — ответил Хрустицкий, — только это, товарищ генерал, явление у нас, так сказать, массовое: акробатов стало много...

— Так и поверил тебе!

Но именно в тот момент танковый батальон Александра Паршева удачно проскочил озеро, а затем все машины вскарабкались на обледеневшую кручу.

Выучка танкистов не вызвала сомнений.

После отбоя генерал пригласил нас в свою машину.

— Едем к вам в штаб. Проверю, как бой планируете.

Хрустицкому не терпелось спросить требовательного генерала, как он оценивает действия танкистов, но он сдерживался. Баранов начал сам:

— Хочешь небось мое мнение знать? Так вот, не скрою — нынче понравилось.

Но ведь главная проверка — предстоящий бой. И запомни — без четкого взаимодействия номера твоих акробатов окажутся пустыми. С Симоняком обо всем договорился?

— Я только что от него.

— Еще и еще раз съезди.

Все более частыми становились встречи Хрустицкого и офицеров нашего штаба с генералом Симоняком и его штабными офицерами. Согласовывалось, сверялось по карте движение и взаимодействие чуть ли не на каждом участке местности, прогнозировалась на основе имеющихся разведданных да и опыта войны тактика гитлеровцев в той или иной обстановке.

Не всегда командир прибывал с этих встреч в добром расположении духа. Однажды, не успев еще раздеться, он с досадой произнес:

— А Симоняк не очень-то верит в наших «малюток»: «Знаете, что говорят про ваши танки, — их из рогатки горошинкой прошибешь».

— Хлестко!

— А я ему: помните, мол, как Суворов говорил — там, где пройдет олень, пройдет и русский солдат, а там, где олень не пройдет, солдат все равно пройдет. Именно наш танк Неву быстрее других проскочит, и в приневских болотах не завязнет, и в бору не застрянет. Конечно, я его понимаю: операция эта, может, самая трудная и самая ответственная из всех на нашем фронте. Ему, разумеется, хотелось бы, чтобы сопровождали дивизию тяжелые танки. С ними вроде надежней...

Вместе с политработниками дивизии я участвовал в нескольких встречах этих двух командиров. Был и на последней перед наступлением. Командир дивизии и командир бригады — оба крупные, широкоплечие — склонились над расчерченной картой, уточняя деталь за деталью.

— За шесть-семь минут проскочишь? — переспрашивал Симоняк, указывая пальцем на голубую жилку, обозначающую Неву.

— Быстрее пройдем, — уверенно отвечал Хрустицкий.

Они еще и еще раз прикидывали, примеряли, подсчитывали. И мне казалось, что теперь они уже вполне довольны друг другом, эти два боевых командира.

Приближался день начала операции «Искра». Вместе с Хрустицким мы проводили последние совещания. Не только батальоны, роты, взводы знали свои боевые маршруты, — каждому водителю было определено его направление во время прорыва, отработаны

все возможные варианты.

И все же всех нас охватывало волнение: впервые бригаде легких разведывательных танков отводилась роль, которая до сих пор считалась по плечу лишь тяжелым танкам прорыва.

Мы жили предстоящей операцией. О ней только и был разговор в шалашах и землянках.

Политинформации, партийные и комсомольские собрания посвящались предстоящему сражению. Все ли готово? И хотя всем казалось, что операция разработана с предельной точностью и машины в идеальном порядке, хотелось еще и еще раз в этом убедиться.

Чаще стали приезжать к нам шефы — трудящиеся двух районов города.

Особенно тесную связь поддерживали мы с ленинградцами из Куйбышевского района. При посещениях бригады они рассказывали, как живет и работает для фронта город, а на одной из встреч вручили бригаде переходящее знамя. Оно хранилось в лучшем по боевой подготовке батальоне.

В бригаду часто наведывались ленинградские писатели и журналисты. С ними у танкистов завязались самые дружеские отношения. Николая Семеновича Тихонова мы все считали однополчанином, да и он знал многих танкистов в лицо и охотно вел с ними беседы. Хлесткие высказывания Виссариона Саянова о гитлеровцах вызывали неудержимый смех. Борис Лихарев читал в подразделениях свои стихи. Общение с писателями всегда было желанным, даже после невероятно тяжелых, изнурительных учений.

За время подготовки к операции многие стали коммунистами и комсомольцами. Перед началом наступления партийные бюро едва успевали разбирать заявления — так их было много. В первом батальоне почти половина всего состава вступила в партию и комсомол.

Однажды в бригаду приехал член Военного совета фронта Терентий Фомич Штыков. В мотострелковом батальоне он спросил солдат:

— Довольны ли вы питанием? Из строя ему ответили:

— Товарищ член Военного совета, вы о питании не спрашивайте, оно для нас не главное, скажите, когда наконец на штурм пойдем?

В НОЧЬ ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ.

Несколько часов перед битвой, которая столько значила для Ленинграда, врезались в память мне навсегда.

Тишина — это было, если так можно выразиться, нашим главным боевым заданием.в ту ночь. И самым трудным, потому что предстояло под самым носом у гитлеровцев, которые тоже, надо полагать, не дремали, совершенно бесшумно выдвинуть танки на передний край и занять укрытия, откуда в назначенный час предстояло ринуться в атаку.

В безмолвном ночном лесу было тесно от людей и техники. Здесь уже изготoвилась к бою вся дивизия Симоняка, а с ней еще дивизия, еще и еще... Чуть ли не у каждой сосны можно было наткнуться на артиллерийское орудие. Еще бы, их было 2 тысячи: на каждый километр фронта — по 150 стволов.

Такой плотности в ту пору еще не знали ни на одном фронте.

Время от времени вдруг лопалась и вспыхивала высоко над лесом вражеская ракета, или вдруг просвистит и ухнет где-то снаряд, посланный гитлеровцами на всякий случай...

В это время в нашей бригаде, как и в других частях, все уже знали приказ Военного совета фронта о наступлении, цель которого — прорыв блокады Ленинграда. Во всех подразделениях заседали партийные и комсомольские бюро, партийные комиссии. Заседали и стоя под сосной, и лежа под танком, и устроившись в окопчике или в воронке от снаряда. Секретари партийных организаций едва справлялись с потоком заявлений о приеме в партию, в комсомол. Перед таким сражением многим хотелось сделать самый значительный шаг в жизни...

Не всем предстояло вернуться живыми из этой битвы. Но никто не думал, во всяком случае старался не думать об этом. Помню, когда я обходил наши танковые роты, то увидел лейтенанта Осатюка и старшего сержанта Нечипуренко за необычным в такой момент занятием. Они деловито пристраивали к танку балалайку и гитару... Оба были застрельщиками самодеятельности, любили музыку и не раз исполняли перед танкистами услышанную от Клавдии Шульженко популярную песню «Синий платочек». Но теперь всех ожидал совсем иной концерт. Спрашиваю Нечипуренко:

— А эта музыка-то вам зачем сегодня?

— Как зачем, — смеется старший сержант, — под нашу музыку, товарищ комиссар, фашистам плясать придется...

В одной из рот я встретил командира спецвзвода Пуржанова, он озабоченно обходил все машины. В момент сигнала к атаке механики-водители должны были мгновенно завести моторы. Но крепкий мороз мог сковать двигатели. Буржанов вместе с помощником командира бригады по технической части Сиротюком заранее подготовил специальные керогазы, которые обогревали моторы. Были проверены все до единого аккумуляторы. Люди как будто только ждали «гудка» к началу рабочей смены.

Недалеко от спецвзвода расположился, мотострелковый батальон. Накануне замполит мотострелкового батальона Вейсман вместе с командиром батальона Дуровым запросил разрешения произвести ночную разведку рубежей, которых они должны были достигнуть через несколько минут после сигнала атаки. В одном направлении ушла разведка в составе полувзвода во главе с солдатом Кочкиным, в другом — Дуров и Вейсман с пятью автоматчиками.

На рассвете вернулась группа, ведомая Дуровым и Вейсманом.

В 12 часов возвратились разведчики во главе с Кочкиным. Сведения, добытые ими, были ценными, — они сумели засечь несколько вновь появившихся огневых точек.

Командный состав батальона еще раз произвел рекогносцировку, и после этого стрелки выдвинулись на исходные позиции.

С мотострелками шла наша артиллерийская батарея 76-миллиметровых орудий, которые у нас использовались и как противотанковые. Батарейцы обучались стрелять из них прямой наводкой.

Артиллеристам во время подготовки к боям приходилось особенно трудно. Не было у нас полагавшихся по штату мототягачей, не было и лошадей.

В мирное время каждое орудие тащила четверка добрых артиллерийских коней. В блокаду мы лишились лошадей, и люди сами впрягались в специально заготовленные лямки. Бывало, застрянет орудие в лесной трясине, и вытаскивают его всей батареей на руках. Зимой к колесам приспособили специальные лыжи, а для перевозки снарядов изготовили сани.

Командиром у артиллеристов был старший лейтенант Петр Романов. В ратном деле Романов считался не новичком. Дрался под Выборгом в сентябре 1941 года, потом под Урицком, затем у Колпина. Петр был родом со Смоленщины. Жил в деревне Радюкино, Война разрушила, разорила семью. Отец погиб на фронте под Москвой в начале 1942 года. В армию ушел брат Григорий, ушла и сестра Мария мстить за отца. Мать осталась с двумя младшими братишками.

Когда гитлеровцы ворвались в деревню, то сожгли и дом Романовых. Мать с ребятишками скрылась в лесу, а позже, когда отогнали фашистов и мать с сыновьями возвращалась в деревню, ребятишки наскочили на поставленную фашистами в огороде мину. Одного убило, другому оторвало ногу...

Да, у многих, очень многих наших бойцов и командиров были личные счеты к озверелому врагу.

Хотелось мне побывать перед боем и в батальоне броневиков. Но к ним было уже не добраться, Броневики заняли рубеж для атаки на левом фланге, там из- готовилась к прыжку на Шлиссельбург 86-я дивизия.

Позвонил замполиту бронетанкового батальона Самыгину:

—Как настроение?

—Полный порядок, товарищ комиссар. Преотлично устроились. Поем, байки рассказываем...

Когда закончился обход бригады, ночь была уже на исходе. Для отдыха времени не оставалось. Я не жалел об этом. Хорошо, что она уже позади, эта последняя ночь перед наступлением.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Тишину морозного утра 12 января 1943 года прервал залп гвардейских минометов — «катюш». Вслед за «катюшами» загрохотали сотни больших и малых орудий и минометов, сотрясая все окружающее. Тысячи снарядов и мин ежеминутно обрушивались на левый берег, перемалывая вражеские укрепления, опрокидывая орудия, вздымая обломки бревен, куски стали.

Гитлеровцы начали отвечать редкими орудийными выстрелами из глубины своей обороны. Но в это время тяжелые гаубицы, корабельные орудия и артиллерия морских фортов нанесли по вражеским батареям новый огневой удар. В небе пронеслись эскадрильи советских бомбардировщиков.

Более часа наша артиллерия и авиация «обрабатывала» вражеские позиции. Но вот последний залп всех гвардейских минометов. Это — сигнал атаки!

Весь фронт пришел в движение. Самый мощный удар должна была нанести 136-я дивизия генерала Симоняка, действовавшая в центре — на главном направлении. С этой дивизией взаимодействовали основные силы нашей танковой бригады.

Лишь батальон бронемашин был придан 86-й дивизии — соседу Симоняка слева, им предстояло идти на Шлиссельбург.

Первыми выбежали на лед штурмовые группы 136-й дивизии. За ними по заранее намеченным и подготовленным проходам один за другим на лед стали спускаться танки. Ловко лавируя между дымящимися полыньями, они обогнали неровную цепочку первых штурмующих групп. Вот уже головной танк почти уткнулся в обледенелую кручу берега и забуксовал. С бортов машины соскочили саперы с взрывчаткой и выкарабкались на крутизну. Через несколько мгновений все заволокло пороховым дымом, а когда он рассеялся, стало видно, как под обломками льда обнажился песок.

Но еще до того как машины взобрались на берег, пехотинцы ворвались в первые траншеи. На правый берег долетает шум боя: пулеметные очереди, гра-натные разрывы. Неву проскочил наш 1-й батальон.

По радиации поступает первое донесение командира батальона майора Александра Паршева:

- Перебрались без потерь. Вступили в бой.
  - Спасибо за хорошие новости, — отвечает комбриг.
- Через 20 минут Хрустицкий запрашивает комбата:
- Где сейчас?

Паршев называет квадрат. Танки проскочили глубокий ров и уже у деревни Марьино — одного из узлов сопротивления.

— Хорошо. Идите, вперед! Однако, — предупреждает Хрустицкий, — не зарывайтесь, крепко дружите с соседями.

Командир имеет в виду пехоту.

Хрустицкого вызывают на КП Симоняка, а через некоторое время он требует меня туда же.

Знакомимся с обстановкой. На правом фланге 136-й дивизии, с которой взаимодействуем, все идет хорошо. 270-й полк быстро продвигается вперед. В центре полк Шерстнева и танки Паршева громят гитлеровцев у Марьино. Хуже на левом фланге. Полк Кожевникова быстро перескочил Неву, выбил фашистов из траншей, а у Пильни-Мельницы застрял. Подвел левый сосед — 86-я дивизия. Ее первый эшелон под сильным огнем противника залег на льду, понес потери.

Гитлеровцы воспользовались этим, перебросили часть своих сил к Пильне.

Потом Хрустицкий рассказывал: вызвал его по радио командир бронепатальона Легеза и пожаловался на действия пехотных командиров. Они требовали немедленного выхода батальона на невский лед, хотя в данный момент выступление было бессмысленно и заранее обречено на неудачу: на этом участке гитлеровцы вели ураганный огонь.

- Ты понимаешь, Федор Кузьмич, — заключил свой рассказ Хрустицкий, - Легеза хоть и упрямец и побрюзжать не прочь, но человек боевой, грамотный, зря в такую пору жаловаться не станет. Ну, я пошел. Разберусь на месте, что к чему. А ты останешься за меня. С Паршевым держи связь.

... Командный пункт Симоняка жил сложной, напряженной жизнью.

Появились первые пленные. В штабе их допрашивали, и генерал живо интересо-

вался показаниями. Все они были из 401-го пехотного полка 170-й дивизии.

Пленные, подавленные, жалкие, в грязной, изодранной одежде, только и говорили о страшных переживаниях сегодняшнего утра.

— Перед наступлением русских, — рассказывал один из гитлеровских офицеров, — разведка доносила об оживлении, которое было замечено в лесах на правом берегу. Командир дивизии генерал Зандер докладывал об этом Линдеману, но тот высокомерно его перебил: «О какой опасности вы говорите? Забыли, сколько попыток русских мы уже отразили?»

Пришел приказ из штаба армии. Духанов приказал ввести в бой 2-й танковый батальон. Комбат Степан Арзамасов повел танки в Марьино, восточнее которого дрался наш 1-й батальон.

Вернулся Хрустицкий, осведомился об обстановке и рассказал о путешествии к командиру батальона броневиков.

— Легеза оказался прав. Отыскал его на КП стрелкового полка. Спорят с начальником штаба полка, да так, что пух и перья летят. Пехотный капитан трибуналом грозит, трусом Легезу называет. Я заставил их замолчать и требую от Леонтия: «Докладывай!» А он мне: «Разрешите я вам на месте покажу, без слов станет ясно». Повел он меня к наблюдательному пункту: «Взгляните».

Оказывается, на Преображенской горе огневые точки противника не подавлены. С того берега противник ведет пулеметный и минометный огонь, а на Неве — лед раскрошен, полыньи, отовсюду клубится пар.

«Правильно ты поступил, капитан, здесь ни людям, ни машинам не пройти. Пойдем в штаб».

— Представь, Федор Кузьмич, — продолжал комбриг, — у начштаба нашелся защитник — офицер из штаба армии.

«Не находите ли, подполковник, что все это похоже на трусость? А вы выгораживаете своего комбата».

Связался с Военным советом армии, изложил свое мнение: надо воспользоваться успехом у Марьино и на том участке перебросить через Неву и стрелков и броневиков. Спрашивают:

«Связались с командиром дивизии?» Отвечаю:

«Сейчас пойду к нему, но еще раз предупреждаю — новая попытка переправиться в этом месте ничего, кроме потерь, не даст»...

Не успел Хрустицкий рассказать эту историю, как Симоняка позвали к телефону. Духанов сообщал, что вводит в бой в районе Марьина второй эшелон 86-й дивизии и наш бронеполк для удара на Шлиссельбург. Было ли это сделано, по предложению Хрустицкого или других командиров, не знаю, но новый план взятия Шлиссельбурга Симоняку понравился: 86-я вместе с броневиками начнет активные боевые действия, надежно прикроет левый фланг Кожевникова, развяжет ему руки для удара у Пильни-Мельницы.

На командном пункте подводили итоги первого дня боев. 136-я дивизия вместе с танками прорвала оборону противника на фронте в 3 километра. Основные силы 401-го пехотного гренадерского полка и его штаб были разгромлены.

Поздно вечером этого дня в штаб пришел Штыков:

— Что готовите на завтра? Хрустицкий развернул карту:

— Батальон Паршева будет продолжать наступление двумя ротами.

— Двумя?

- Да. Потери. Противник к вечеру усилил сопротивление. Каждый клочок земли достается кровью.

- Знаю... Сегодняшним рывком вы сократили расстояние между Ленинградским и Волховским фронтами почти вдвое. Несколько таких рывков с обеих сторон, и кольцо блокады будет прорвано. Линдеман любой ценой пытается задержать наступление и даже восстановить положение. Вы знаете, как о нем отзываются пленные офицеры: «Жесток, упрям, требует стоять под Ленинградом до последнего солдата, не считаясь с потерями»?!

Авиаразведка сегодня донесла — к Ладоге подбрасываются крупные силы. Готовьтесь к сюрпризам. — Тут же Штыков добавил: — Только не думайте, что я вас пугаю. Военный совет считает необходимым предупредить о сложности обстановки. А сегодняшние действия вашей бригады и сто тридцать шестой дивизии командующий фронтом оценивает высоко. Наконец, еще одно: мне надо нанести на карту линию переднего края. Но между донесениями пехотинцев и тем, что вы сейчас доложили, имеются расхождения.

Я вызвался уточнить данные.

- Возьми с собой бригадного врача Беляева, — предложил Хрустицкий. — Он собирается на том берегу развертывать медицинский пункт. Завтра нам надо быть поближе к войскам, подбери местечко и для КП. Захвати с собой двух автоматчиков. Через Неву проскочите на танке.

Вчетвером мы устроились на броне, и машина тронулась.

Неспокойно было в окрестности. Чернеющая даль то и дело озарялась красноватым отсветом — активно действовала артиллерия. Прогорклый пороховой дым волнами доносился сюда к реке.

На Неве стало оживленно: саперы наводили ледово-деревянную переправу для тяжелых орудий и танков, то и дело проносились сани с боеприпасами и продуктами, с затемненными фарами шли санитарные летучки, на левый берег спешили войска, втягивавшиеся в прорыв. Иногда с резким, сухим, коротким звуком разрывался на льду снаряд.

Танк уже достиг середины реки, когда нас внезапно оглушило взрывом.

Сильно кренясь влево, машина стала погружаться в прорубь. Мы соскочили на лед. Через верхний люк выпрыгнул и экипаж. На наших глазах левый борт танка погружался все больше и больше, и мы были в полном отчаянии, что ничем не можем помочь «малютке».

Но случилось чудо. Ствол орудия коснулся льда и прочно оперся о него.

Другой опорой для танка служил лед под правой гусеницей. Так, половина танка, по диагонали, оказалась в воде, а другая — повисла над прорубью.

— Вот это диво! — воскликнул водитель.

Один из автоматчиков пустился бегом за тягачом, а мы втроем поспешили к левому

берегу.

По обочине уже солидно обкатанной дороги мы поднялись вверх. Перед нами - первая траншея. Обломки бревен. Трупы гитлеровцев. Серо-зеленые шинели, поверх них ватники или белые маскировочные рубахи, из-под которых виднеется тряпье, лица обмотаны женскими шерстяными платками, шарфами...

— Ландскнехты, — с презрением произносит бригадный врач.

— Отвоевались, — говорит автоматчик.

Подсвечиваем карту фонариком, пытаемся сориентироваться. Это бесполезно.

Напрямик идти нельзя — воронки, глубокий снег и, возможно, мины.

Продолжаем путь дорогой, по которой идут машины, сани. Вот и первая развилка. Регулировщица бойко распределяет транспорт по двум направлениям. Некоторые ездвые перекидываются с регулировщицей парой-другой слов, как со старой знакомой.

Незаметно подходит офицер с автоматчиком. Красная повязка с тремя буквами «КПП» — контрольно-пропускной пункт. Проверяет документы.

— Вы к танкистам? Вон по той дороге. Ваши ребята здесь на славу поработали.

Чуть подальше — вещественные доказательства.

В сотне метров справа от дороги возвышенность. К ней ведут следы гусениц. По габаритам узнаем — «малютки». Наверху развороченные окопчики, погнутый пулемет. На снегу россыпи гильз, зарядные ящики. Здесь была пулеметная площадка противника. С Невы она хорошо маскировалась мелколесьем. А простреливались отсюда одновременно река и дорога.

Дальше по обе стороны дороги, на которую мы вернулись, землянки и блиндажи, раздавленные танками, подмятая батарея; следы гусениц ведут к ней с тыла. Из овражков и кюветов торчат сброшенные гитлеровские машины, покореженные кузова, груды снарядов в соломенных упаковках. И трупы, распротертые на снегу...

Все явственнее слышна пулеметная перестрелка. Ночной мрак прошивают трассирующие пули. Ракеты то и дело взмывают вверх, с треском разрываются, освещая сектор неба и земли.

Наконец перед нами ограда из колючей проволоки. За ней целый городок из бункеров. Это бывший штаб гитлеровского полка. Теперь здесь расположился штаб батальона Паршева. В длинном бункере, весело потрескивая, горит с десятков свечей. У стола Паршев, Кочеров, начальник штаба Андреев, парторг Мельников.

Мы сверили карты. Сегодня исчезла привычная за многие месяцы позиционной войны почти прямая линия, ее заменили ломаные отрезки. Эта новая причудливая линия глубже всего врезалась в оборону противника в центре — там, где наступали пехотинцы Симоняка с танками Паршева.

Разговорились. Комбат высказал мнение о том, какой тактики следует придерживаться при дальнейшем наступлении. Дело в том, что в первые часы атаки огневой вал надежно прикрывал наши танки. Теперь же танкисты стали наткаться на действующие огневые точки врага в самых неожиданных местах. Паршев считал, что в

новых условиях необходимо активизировать действия разведки, хитростью заставляя противника обнаруживать свои действующие огневые точки, тогда наши танки будут реже попадать под прицельный огонь гитлеровских орудий. Такая тактика показалась нам разумной.

— А спрос на нас, как на самый дефицитный товар: то один пехотный комбат требует танки, то другой. Пехоту, дескать, воодушевляем, — не без гордости сказал Паршев.

Хотелось подробнее узнать о танкистах. Кочеров охотно стал рассказывать: о механике-водителе Степане Пащенко и его командире Степане Федотове, о лейтенанте Балюке, о танкистах Вошило, Багрие, Филиппове, Дуке, Патваканяне, Мельникове, Папуце, о ремонтниках, связистах, о писаре Шуре Баженовой, пробиравшейся к танкистам с термосом, чтобы накормить их горячим.

Вместе с Кочеровым мы вышли из бункера и направились к экипажам. Минут через десять оказались в ложине, где за естественным укрытием стоял один из танков. Нас окликнул автоматчик. Из верхнего люка показалась голова в танкошлеме.

— Эй, кому там не спится?

Это был Петро Швыдкий, первый балагур бригады. Мы обменялись рукопожатиями.

— Ну что, Швыдкий, с гитлеровцами воевать можно?

- Вполне, товарищ подполковник, можно. Даже тикать ця вражина научилась. Я видел, як офицер останавливал револьвером бравых гренадеров.

— А машина как?

— Добрый конь, в самый раз по здешним местам.

Отсюда мы ушли в мотострелковый батальон. В землянке застали только Дурова. Вейсман был в 1-й роте автоматчиков. Сверили карты. Роты были расставлены так, чтобы, двигаясь вместе с танками, одновременно защищать их от внезапных ударов противотанковых ружей, орудий, гранат.

На ночь подразделения залегли в снег. Солдат по очереди выводили отогреваться за 100—200 метров в ближайшую землянку. К сожалению, удавалось это делать не всегда...

Прошли и в батарею противотанковых пушек. Нелегкий выдался денек у артиллеристов! На руках протащили пушки по льду Невы, а потом через сугробы, четыре раза меняли огневые позиции.

На обратном пути мы заметили, что по дорогам и на Неве усилилось движение транспорта, техники, людей.

Штыкова мы застали на командном пункте. Хрустицкий заметно нервничал. Я доложил, что наши донесения достоверны.

По ходам сообщения мы проводили Штыкова до леса, в котором укрылась машина.

Когда мы вернулись, Хрустицкий потребовал рассказать решительно все, что я видел и узнал о танкистах. После задумчиво заметил:

- Видно мы, Федор Кузьмич, даром потрудились с народом, народ-то

золотой...

Он посмотрел на часы. Было далеко за полночь.

— Знаю, устал ты, а все-таки хочу просить тебя съездить к Легезе. Завтра бронепатальон вводим в бой через нашу переправу. Надо его сопровождать, ты ведь знаешь: с пехотным начальством у Легезы взаимоотношения сложные.

Переправим броневики и сами перейдем на тот берег. Чую, завтра жарко будет... Ну, с богом, — пошутил он.

Через 45 минут Легеза поднял батальон. Броневики потянулись по лесной дороге, идущей вдоль Невы.

Я обогнал колонну. Хрустицкий, с которым мы держали связь, уже ждал у спуска на лед. Показалась головная машина. В открытом люке, высунувшись по грудь, стоял Легеза. На следующей машине шел Самыгин. Соблюдая интервалы, одна за другой спускались машины на лед, стремительно проходили обстреливаемую полосу, легко взбирались на противоположный берег и сворачивали влево, к Шлиссельбургу.

Неожиданно раздался чей-то голос:

— До встречи в Шлиссельбурге, товарищ подполковник .

Хрустицкий обернулся и узнал в одном из офицеров того начальника штаба, с которым яростно спорил Легеза.

— Счастливого пути, капитан, — громко ответил комбриг. — Видно, дошло до человека, — беззлобно добавил он вполголоса. Я молча кивнул: очень хорошо, что «дошло».

Медленно, с трудом занималось январское утро. Мы спешили до полного рассвета перебраться на левый берег.

СРАЖЕНИЕ ЗА „ЛИЛИЮ“

Казалось, первый день боев был напряженным до предела. Однако и второй день выдался не менее жарким. Вместе с 136-й и 86-й дивизиями теперь уже вся бригада участвовала в наступлении. Бои разгорались за каждую высотку и каждый промежуточный рубеж. Разведчики захватили пленного из 96-й пехотной дивизии, ранее находившейся в резерве Линдемана. Оказывается, гитлеровское командование спешно перебрасывало ее в район боев, чтобы заткнуть брешь и откинуть нас за Неву.

Хрустицкий с Соколовым непрерывно связывались с батальонами, следили за их продвижением, обеспечением боеприпасами.

— А чем ты сегодня кормил людей? — неоднократно спрашивал комбриг у Кашинцева. — Пищу доставили горячей? Не врешь? Сам проверю.

Командир недавно введенного в бой 2-го танкового батальона Степан Арзамасов пытался было атаковать противника с ходу. Атака не удалась. Комбриг разговаривал с ним резко.

— Забыл, чему учили? Запрещаю идти в лоб. Маневр! Только маневр!

Теперь наибольшее напряжение боя было перенесено в лесные чащи и

торфяные болота, далеко впереди поселка Марьино. Следить за происходящим, как обычно, из тщательно выбранного и оснащенного всем необходимым наблюдательного пункта стало невозможным. Все было в движении, все менялось с огромной быстротой. Враг маневрировал за стеной заградительного огня. Стремительно передвигались, меняя позиции, наши части. Буквально с ходу стреляли артиллеристы.

Для нас в те часы и минуты самым важным было обеспечить успешное продвижение вперед 136-й дивизии.

Успеху содействовала заранее отработанная тактика взаимодействия с пехотинцами. Их разведчики обнаруживали замаскированные огневые точки, наши танки немедленно расстреливали их. В свою очередь, как только пехота внезапно попадала под обстрел, наши машины тут же шли им на выручку. Снова сказались преимущества «малюток», способных быстро и легко лавировать в лесной чаще, одолевая овраги. Однако обстановка в наших наступающих войсках складывалась благополучно не на всех участках. Гитлеровцы (как это выяснилось после боя), хотя и несли огромные потери в живой силе, но держались за опорные пункты и дороги упорно и цепко, возложив, (и не без оснований) все надежды на необычайную плотность своего артиллерийского и минометного огня, которым они без конца, без малейшей паузы, преграждали нам путь.

Пехотинцам 136-й дивизии, поддержанным двумя танковыми батальонами нашей бригады, удалось сломить сопротивление гитлеровцев в самом центре их обороны.

Но на левом фланге, как раз там, где проходила шоссе́ная дорога из Шлиссельбурга в Синявино, все оказалось сложнее. Здесь минуты не проходило без атак и контратак гитлеровцев. Наши стрелки — взвод за взводом — кидались врукопашную, противник отвечал тем же и неожиданно вводил в бой свежие силы из своих резервов. Мы стремились, как могли, поддержать симоняковских героев, но тут же на наших «малюток» обрушивался шквал огня артиллерийских орудий врага.

Казалось, нашим войскам уже не удастся в этот день подступить к дороге. Надо было предпринимать что-то такое, что явилось бы для врага неожиданным.

В это время к командиру 1-го батальона обратился командир танкового взвода лейтенант Копыта и предложил на короткое время ослабить огонь, сделать вид, что мы выбились из сил, что кончились снаряды, одним словом, что наш наступательный порыв иссяк.

Так и сделали. Измотанные гитлеровцы тоже ослабили на какое-то время огонь. Создавалось впечатление, что вот-вот бой на этом участке вовсе заглохнет.

И тут неожиданно и стремительно вырвался вперед на большой скорости весь взвод лейтенанта Копыты. Они ослепляли огнем вражеские дзоты, уничтожив одну огневую точку, немедленно переносили огонь на следующую.

Мы были уверены: еще немного, и гитлеровцам на этом участке наступит конец. Вдруг танк лейтенанта попал на мину. «Малютка» остановилась. Что же будет дальше? Но и неподвижный, танк продолжал стрелять по вражеским дзотам. Все экипажи дрались отчаянно. И бойцы мотострелкового батальона, который сражался на центральном участке, не отставали от танкистов. Однако, хотя врагу и был нанесен значительный урон в живой силе и технике, в тот день нам продвинуться дальше не удалось. Наши

потери тоже оказались немалыми.

Я пробирался лесом на КП стрелкового батальона к его командиру Дурову.

Навстречу медленно брел солдат. Правый рукав полушубка болтался, на шее была марлевая повязка.

- Из какого батальона?
- Из мотострелкового, товарищ подполковник.
- А роты?
- Первой автоматной.

И, показывая на правую руку, произнес:

— Обидно. Самый бой, а ты уходи. Наши сейчас лютуют — за лейтенанта мстят гадам.

Так я узнал о гибели Ивана Маячкина.

Лейтенант был тихим, застенчивым пареньком. На первый взгляд казалось, что роль командира была ему не по плечу. Может, поэтому его не очень-то жаловал командир батальона Дуров, человек характера решительного. Но бойцы роты, с которыми Маячкин проводил дни и ночи, не только любили, но глубоко уважали его за искренность и справедливость. В бою Маячкин проявил себя мужественным, волевым командиром. Когда лейтенант повел роту в атаку, осколком снаряда его ранило в ногу. Маячкина перевязали на поле боя, требовали уйти в батальонный медицинский пункт — он наотрез отказался:

— Не брошу своих ребят. Опять повел роту вперед.

Во второй раз Иван Маячкин был ранен смертельно. Подбежали автоматчики и услышали последние его слова:

— Спасибо, ребята...

Мотострелки, выпестованные Дуровым и Вейсманом, мстили за каждого погибшего товарища. Дрались до последнего, выдерживали самый губительный огонь. Вейсман, который каким-то чудом успевал побывать во всех ротах, рассказывал мне, казалось бы, невероятные истории. В первые минуты штурма сержант Евгений Кузьмин, соскочив с десантного танка, ворвался в гитлеровскую штабную землянку. Один сумел справиться с тремя фашистами. По соседству с сержантом действовало отделение Акуба Джанояна. Солдаты молниеносно захватили две траншеи, выбили немцев из четырех землянок. Акуб был ранен, но не ушел с поля боя. Автомат, граната, нож — все было пущено в ход. Один Акуб уничтожил в этом бою 15 гитлеровцев.

Во второй день боев войска, действующие на главном направлении, продвинулись вперед на 2 километра. Самые передовые батальоны ханковцев вместе с танкистами оторвались от Невы на 7 километров.

Вечером, когда мы с Хрустицким по крутым ступенькам спустились в бункер Симоняка, генерал жестом пригласил нас сесть рядом с ним. На столе лежала карта.

— Только что звонил командарм. Требуется: вперед и вперед. Конечно, надо дожимать, промедление смерти подобно, это мы все отлично понимаем. Но картина-то ведь какая, посмотрите сюда...

Жирно прочерченная красная линия обозначала сегодняшнее положение наших войск. В центре, там, где наступали 136-я дивизия и наши батальоны, она выгибалась

крутой дугой.

— Соседи, как видите, поотстали от нас. И это здорово беспокоит: фланги-то открытые. Поди, слышали, что сегодня у Борщева случилось?

Да, мы слышали об этом. Чтобы отрезать наши войска от Невы, гитлеровское командование, подтянув в район боев резервы, предприняло сильные контратаки одновременно со стороны Дубровки и Шлиссельбурга. Особенно мощный удар пришелся по правому флангу. Здесь вражеские танки прорвались к командному пункту 268-й дивизии. Командиру дивизии полковнику Борщеву с горсткой штабных офицеров и бойцов комендантского взвода пришлось вступить с ними в бой.

— И мы не застрахованы от такого. Правда, генерал Духанов обещал прикрыть фланги войсками и артиллерии подкинуть. Однако надо и самим о себе позаботиться — на начальство надейся, да сам не плошай. Я слышал, ваш мотострелковый дерется отчаянно. Нельзя ли его вправо сдвинуть?

Хрустицкий задумался. Потом ответил, что частью сил мотострелкового прикроет правый фланг 136-й дивизии.

— Добре. А теперь о завтрашней задаче. Ты ее знаешь, наступаем на «Лилию». Атакуем немецкие позиции у опушки леса, берем дорогу, и тогда дышать нам станет легче — по дороге пустим танки и артиллерию.

«Лилия», «Фиалка», «Мак», «Колокольчик»... Названиями цветов были обозначены на штабных картах рощи и высоты, превращенные гитлеровцами в опорные пункты обороны. Через рощи шли основные военные дороги, связывающие Шлиссельбург с Рабочими поселками, с Синявином. А кругом лес да торфяные болота, незамерзающая или полузамерзающая топь, в которую уйдет не только машина, а изба с трубой. Кто захватил дорогу, тот и хозяин положения. Вот почему в этих местах фашисты сосредоточили особенно много боевой техники.

Хрустицкий задумался.

В этот день на подступах к «Лилии» бригада потеряла две машины, их подожгли тяжелые гитлеровские танки, контролирующие дорогу.

— Против тяжелых танков, товарищ генерал, мы бессильны. А они эту дорогу сторожат. Влоб пойдем — зря и людей погубим, и машины...

— Что же ты предлагаешь?

— Подумаем, с товарищами посоветуемся...

— Хорошо. Только не тяните. И еще один вопрос: сколько у вас танков на ходу?

Хрустицкий ответил. На лице генерала изобразилось нечто среднее между удивлением и испугом.

— Значит, скоро без машин останемся?

— Не останемся, — уверенно ответил Хрустицкий. — Вчера тоже много машин вышло из строя. А сегодня все, что числятся по штату, кроме двух, ушли в бой. У нас не ремонтники, а боги...

Мы вернулись на командный пункт. Хрустицкий вызвал начальника штаба Соколова, и мы стали планировать операцию по овладению «Лилией». Предстояли очень тяжелые, жаркие бои. Соколов сообщил, что разведчики

сержанта Петра Ены приволокли пленного из 61-й пехотной дивизии. Ее только что ввели из резерва Линдемана в придачу к уже вступившей в бой резервной 96-й дивизии. Из показаний пленного выяснилось, что Линдеман приказал всем дивизиям, входящим в 18-ю армию, выделить по пехотному батальону и артиллерийской батарее, чтобы ликвидировать прорыв русских. Из разведотдела армии сообщали, что гитлеровцы подтягивают сюда 5-ю горнострелковую дивизию.

Понятно было стремление нашего командарма как можно скорее закрыть коридор.

- Значит,— рассуждал Хрустицкий, глядя на карту,— нам надо пробраться глухой сторонкой, вот с этого боку, в самый тыл к противнику, оттуда и ударить. Как смотришь, Сергей Александрович? — спросил он начальника штаба бригады.

— Решение верное. Только Михееву и разведчикам надо нащупать, где танки смогут пройти.

— Отлично. Посылай немедленно.

Через несколько часов начальник инженерной службы бригады капитан Михеев уже докладывал Хрустицкому:

— Пройти можно, только надо загатить несколько самых топких участков.

— А за ночь успеете?

— Если только саперы дивизии помогут.

- Сейчас пойду к Симоняку. Одолжу саперов. Ни Хрустицкий, ни Соколов не сомневались в достоверности сведений Ивана Петровича Михеева. Не было, кажется, в бригаде более верного, исполнительного, знающего и любящего свое дело специалиста, чем Михеев. Он был прирожденным сапером. Всех удивляло его хладнокровие даже в минуты смертельной опасности. На любое дело с ним охотно и уверенно шли саперы и разведчики. Он им доверял, но все проверял сам. Михеев почти не уходил с переднего края. У этого, на вид не очень здорового, невысокого человека были крепкие нервы и умелые руки. Хрустицкий вскоре вернулся:

— Симоняк с нами согласен и выделяет в помощь своих саперов. Действуй, Михеев!

— Мои уже приступили, — хитровато улыбнувшись, заметил Михеев.

— Ну, ну... — прищурился Хрустицкий. — А может, дорога уже и готова? Пойдем-ка глянем!

Все направились на участок.

У топких мест шла напряженная работа. Саперы рубили молодые деревца, связывали тонкие жерди и сучья в фашины, укладывали их.

К рассвету дорога была готова. По гибкому, пружинистому настилу, сопровождаемые саперами, потянулись танки. Фары их не горели. Они направлялись в тыл противника.

На рассвете над рощей «Лилия» с шипеньем взметнулись две красные и

одна зеленая ракеты. Это был сигнал атаки для танков, пробравшихся в тыл, и для ханковцев, что залегли перед рощей. Гитлеровцы, застигнутые врасплох огнем с тыла, ослабили сопротивление, а затем, побросав пушки и минометы, спешно стали отходить к поселку. Туда же ушли их тяжелые танки.

Сражение за «Лилию» во многом определило дальнейший ход событий. Теперь значительный отрезок главной дороги был в наших руках. По дороге сейчас же потянулась артиллерия и груженные боеприпасами машины.

На командирских танках мы нагнали за рощей батальон Паршева.

— Все живы? Потери есть? — первое, что спросил Хрустицкий.

— Не потеряли ни одного человека, ни одной машины.

— Вот так бы, Саша, ежедневно докладывал. А дальнейшую задачу знаешь? — И, не ожидая ответа, сказал: — На Пятый поселок!

Хрустицкий поспешил на КП, а мне надо было наведаться в тыл.

Тыл. Здесь, на узкой полосе земли между Невой и ежечасно меняющейся линией фронта, этим словом только условно можно было называть такие службы, как, например, снабжения или медицинскую.

До боев нас волновал вопрос: как в сложных условиях, под ураганным огнем будут действовать наши тыловики, от которых в значительной степени зависит успех боя?

Обе наши тыловые службы, и особенно медицинская, состояли преимущественно из «солдат с косичками». Санитарами почти во всех ротях были девушки: Катя Фомина, Нина Косарева, Зина Крылова, Нина Жаброва, Наташа Зуева, Аня Леонова, Лида Сапрыкина... Как они будут вести себя в этой сложной обстановке? Не растеряются?

С первого же дня боев все эти опасения рассеялись.

... В двух вместительных блиндажах, недавно отвоеванных у гитлеровцев, разместился батальонный медицинский пункт (БМП). В одном из блиндажей — операционная и перевязочная. Вторые сутки без сна и отдыха военврач Лаврова вместе с медсестрой Наташей Андреевой оказывали помощь раненым.

Из другого блиндажа медсестры Аня Орлова и Вера Григорьева эвакуировали раненых, которым была уже оказана первая помощь. Если долго не появлялась санитарная машина, ловили на дороге попутные, заворачивали их к БМП.

Подвезли раненого из 2-й роты автоматчиков. Пока обрабатывали рану, он рассказывал:

— У нас в роте сестричка Нина Косарева. С санитарной сумкой шла вместе с нами в атаку. В соседней роте санитару ранило, так она и тех солдат перевязывала.

На БМП я встретил бригаврача Беляева. Он сообщил, что среди медиков было уже немало потерь. Ранена Катя Фомина. Она перевязывала раненых в воронках от бомб и снарядов. Осколок и пуля настигли ее во время одной из перебежек. Ранена Нина Жаброва. «Только об одном обе толковали, — говорит Беляев, — скорее бы вернуться в бригаду».

Фаина Павловна Лаврова рассказывала: сегодня на БМП доставили самую маленькую из всего девичьего пополнения санитарку Аню Леонову (солдаты ее прозвали «Чижиком»). Голова перебинтована. Поверх бинта кубанка, как обычно набекрень. На правой щеке сквозь бинт просачивается кровь. «Больно?» —

«Нет». — «Чего же плачешь?» — «Я ведь еще так мало помогла ребятам».

Позже пришли сообщения о новых тяжелых потерях среди медиков.

Героически погибли санитарки Катя Павлова и Нина Лейбман. Во время жесточайшего артиллерийского налета Нина из укрытия кинулась спасти тяжело раненного командира танка, собою укрыла его от осколков...

Свой воинский долг честно выполняли все тыловики — медики и связистки, подносчики пищи и писаря.

ПОДВИГ ЛЕЙТЕНАНТА ЛАПТЕВА

Со взятием «Лилии» нашими войсками положение шлиссельбургской группы противника резко ухудшилось. Разведка доносила об отходе части гитлеровских войск на восток к Рабочим поселкам и Синявину. Тем не менее наши войска продолжали встречать на этом участке ожесточенное сопротивление.

Пленные показывали, что у Шлиссельбурга и в самом городе оставлен солидный заслон из самых оголтелых гитлеровцев. Гарнизоны дзотов, прислуга у артиллерийских орудий, снайперы, засевшие в подвалах каменных зданий и на вышках, — все это смертники, которые до конца не оставят позиций.

На Шлиссельбург наступала 86-я дивизия под командованием Героя Советского Союза В. А. Трубачева. Ее поддерживали наши бронемашины и лыжная бригада, во главе которой стоял подполковник Я. Ф. Потехин. На долю нашего батальона падала серьезная задача: очистить дорогу от огневых точек противника.

В эти дни политотдел бригады выпустил листовку, рассказывающую о подвиге рядового Дмитрия Молодцова. Молодцов сражался в одном из батальонов 136-й, атаковавшем высоту «Подснежник». Во время боя, чтобы открыть дорогу всему батальону, он кинулся на дзот, который никак не удавалось подавить, и грудью закрыл амбразуру. Захлебнувшись в его крови, пулемет замолк.

Листовку о подвиге Молодцова разослали по всем батальонам. Получил ее и молодой командир взвода броневиков лейтенант Владимир Лаптев. Прочитав листовку, взволнованно сказал:

— Вот это человек! Не каждый на такое решится!

Не думал тогда лейтенант, накануне принятый в партию, что ему предстоит повторить подвиг Молодцова.

Перед боем командир батальона капитан Легеза объяснил командирам броневиков задачу:

— На Шлиссельбург идем вместе с пехотой, но кое-где и впереди пехоты. Все решит быстрота и стремительность маневра. Дороги к Шлиссельбургу — все под фланговым огнём гитлеровских дзотов. Особо учтите: задержаться или остановиться — значит обречь себя на верную гибель от противотанковых орудий противника.

— Ничего, пробьемся! — сказал Лаптев.

...Начался бой. Броневики Лаптева прорвались к окраинам

Шлиссельбурга.

Взвод шел вдоль железнодорожной насыпи. Подступы к ней защищал фашистский пулеметный дзот. Пехотинцы залегли. Лаптев пытался огнем подавить дзот, но гитлеровцы, чувствуя себя уверенно за надежным укрытием, продолжали обстреливать пехоту, не давая ей подняться с земли.

Обстановка осложнялась тем, что кроме пулемета по нашей бронемашине стреляла со стороны насыпи вражеская противотанковая пушка. Взвод Лаптева пытался уничтожить пушку, но не смог.

Тогда лейтенант принял решение — любой ценой, даже ценой собственной жизни, заставить дзот замолчать, спасти пехоту, открыть ей путь к дальнейшему наступлению. Лаптев повел свою машину прямо на дзот.

Гитлеровцы сосредоточили огонь на броневике. Но это не остановило его экипаж. Через несколько мгновений корпус нашего броневика закрыл хлещущую огнем амбразуру. Пехотинцы стремительно поднялись с земли и ринулись в новую атаку. В это время вражеский снаряд ударил в машину Лаптева. Броневик вспыхнул дымным пламенем. Весь экипаж броневика — Лаптев, Суряднов, Поляков — заживо сгорел в боевой машине.

Несмотря на жестокий огонь врага, пехотинцы прорвались к железнодорожной насыпи, с тыла обошли огневую позицию гитлеровцев, забросали ее гранатами и полностью уничтожили расчет противотанковой пушки.

Теперь был открыт путь для остальных бронемашин. И они с ходу повели огонь по врагу, поддерживая атаку пехотинцев.

ХОТЬ НА МЕТР, НО ВПЕРЕД...

Участок фронта, на котором находилась 136-я стрелковая дивизия, наносившая главный удар, растянулся теперь на 6 километров. Дивизия, как и наша бригада, понесла немалые потери. Нам вместе сейчас приходилось сражаться не только с гитлеровским гарнизоном, оборонявшим Рабочий поселок № 5, но и с остатками тех многочисленных фашистских войск, что составляли гарнизоны опорных пунктов в районе Шлиссельбурга: смертельно боясь окружения, они с отчаянием обреченных пробивались к своим в Синяино и Рабочий поселок № 5.

Вот почему схватки здесь были столь ожесточенными. Бои шли за каждый бугорок, за каждую насыпь. Продвижение вперед на какую-нибудь сотню метров считалось значительным успехом, потому что каждый шаг вперед давался дорогой ценой. Наши люди были крепче стали. Даже раненые ни за что не хотели покидать поле боя. Я еще никогда до тех дней не видел, чтобы столько раненых оставалось в строю. А ведь они не были отрезаны, как гитлеровцы, от своих, наоборот, каждого ждало немедленное избавление от смертельной опасности, чистая койка в медсанбате, госпитальный покой.

Вот садится в танк сержант Александров, сейчас он поведет машину в бой.

Пальцы на левой руке сержанта забинтованы, сквозь марлю просачивается кровь. На правую ногу еле ступает. Вчера я сам отправлял его в госпиталь, парня ранило в атаке. Значит, сбежал, вернулся. Подхожу, окликаю.

Сержант поднял голову:

— Товарищ комиссар, я в полном порядке, не сомневайтесь.— И, улыбнувшись, добавил: — И где ж это видано, чтоб без меня блокаду Ленинграда прорывали. Без меня вам не обойтись...

Вечером, когда я рассказывал Хрустицкому про Александрова, он протянул мне только что полученное письмо. Читаю:

«Прошу извинения, умолительно прошу вашего слова, чтобы я обратно попал во вверенную вам часть. В госпитале я думаю пробыть не очень долго. Ведь то, что у меня прострелена рука, — не важно Я думаю, вполне долечусь у Беляева.

Самое главное — это как можно быстрее, попасть, к вам. Ведь некоторые люди воюют и с одной рукой. А почему я не могу?.. А то как только ранили, так и давай скорей в госпиталь. Хочу быть в бою вместе со всеми вами. Я тоже, хоть и раненый, а могу пригодиться для победы.

Лейтенант П. В. Бойко».

— Ты его помнишь? — спросил Хрустицкий. — Как же. Это бывший моряк, который у нас же обучался на танкиста.

— Напиши ему, Федор Кузьмич. Пусть выздоравливает и возвращается в бригаду. С таким народом мы еще покажем Гитлеру почем фунт лиха.

Наступление каждый день рождало героев.

... На второй же день боев танк старшего сержанта Мелконяна вырвался вперед, но оторвался от своей роты и от стрелков. Наступила ночь. Танк пробирался в незнакомую рощу. Неожиданно машина стала валиться на левый борт. Танк оседал все сильнее и сильнее — проваливался в заporошенное снегом незамерзшее болото. Мелконян открыл люк, вытащил пулемет на башню, а механик-водитель вылез с гранатами...

Трое суток экипаж танка «держал оборону». Мелкие отряды гитлеровских автоматчиков, пробираясь по лесу, не раз соблазнились «легкой» добычей и пытались прикончить танк. Экипаж отвечал огнем пулемета и гранатами. Только на четвертые сутки сюда подошли наши пехотинцы, помогли вытащить танк из болота, и боевая машина снова встала в строй.

Не могу тут не рассказать о командире роты танков Сергее Папуце. Это имя и раньше было одним из самых популярных в бригаде. Его любили за веселый нрав, отзывчивость, отвагу.

На подступах к Рабочему поселку № 3 пехоту остановил дзот. Танк Папуцы вырвался вперед, проутюжил дзот, раздавил его. Пехота совершила очередной бросок. Вражеский снаряд все же пробил броню танка. Водитель погиб. Папуца выскочил из люка и рядом увидел другой наш танк. Здесь был смертельно ранен механик-водитель. Папуца занял его место и вместе с командиром этого танка младшим лейтенантом Горбатко повел машину на минометную батарею.

Остальные танки роты последовали за ним.

Снаряд противотанковой пушки остановил машину. Ее охватило дымом, потом внутри взорвались снаряды.

После смерти Папуцы командование ротой принял на себя его заместитель по политчасти лейтенант Григорий Дука. На своем командирском танке он уни-чтожил шесть вражеских минометов, а на опушке рощи «Колокольчик» вступил в единоборство с

орудийным дзотом и заставил его замолчать.

В этом же бою роту автоматчиков после гибели командира повел в атаку секретарь партбюро мотострелкового батальона капитан Тарасов.

В трудных наступательных боях крепла боевая дружба пехотинцев-ханковцев и мотострелков с нашими танкистами. Саперы Михеева шли впереди наступающих, прокладывали путь танкам сквозь минные поля. Шли впереди и разведчики. Но иногда саперов и разведчиков не хватало, — они были на другом задании. Тогда пехотинцы останавливали танкистов и сами шли в разведку — не притаилось ли где противотанковое орудие. Они по опыту знали: дружба с танкистами в наступательном бою — уже половина победы! После одного из боев, когда наши танкисты предотвратили опасность флангового удара гитлеровских автоматчиков на ханковцев, генерал Симоняк приехал в бригаду.

- Ты часом не напомнил генералу, как он перед боем отзывался о «малютках»? — спросил я комбрига.

- Он об этом, наверно, забыл. Ты знаешь, Симоняк ведь скуп на похвалу, а сегодня опять заметил: «Толковые у тебя танкисты, храбро дерутся».

Приближались последние, решающие сражения за Рабочий поселок № 5.

Симоняк, естественно, интересовался, сколько машин пойдет завтра в наступление. Каждый день выбывало из строя значительное число танков, но к утру многие из них опять участвовали в боях.

— Видать, твои ремонтники действительно «боги», — сказал генерал. — Ты бы поделился их секретами ...

Хрустицкий рассказал ему «секреты» нашей технической службы.

Помощники командиров рот и батальонов по технической части почти неотступно шли за наступающими танками. Они следили за судьбой каждой машины. Если случалась авария, немедленно приходили на помощь. Через связных или по радио вызывали к месту аварии тягачи, летучки. Опасность не останавливала их. Снаряды рвались вокруг, когда старший техник-лейтенант Михаил Пастернак устранял неисправности в машинах. В таких условиях он отремонтировал семь танков. Техник-лейтенант Николай Корольков, узнав, что на двух танках отказали пушки, взял инструмент и пополз к машинам. Не обращая внимания на огонь гитлеровцев, он закончил ремонт. Узнав, что снаряды на исходе, Корольков вернулся в тыл и на волокушах подвез снаряды и патроны. Так же бесстрашно действовали на поле боя ремонтники Александр Васильев, Николай Бобров, Михаил Щербаков, Андрей Пеньков и многие другие.

Вскоре после боя мы с командиром проезжали рощу «Лилия». Остановились на поляне. Навстречу шла группа военных. Среди них выделялся человек невысокого роста, в бекеше, папахе, розовощекий. Это был К. Е. Ворошилов. Шел он спокойно, не обращая внимания на канонаду. Подошел к Хрустицкому, посмотрел на него строгими глазами и спросил:

— Ну, как воюете, танкисты? Командир бригады ответил:

— Стараемся, товарищ маршал. Нам бы только вперед.

Климент Ефремович улыбнулся, кивнул. На Ленинградском фронте Ворошилов, как

известно, был представителем Ставки Верховного главнокомандования. Он, разумеется, уже знал, как воюют танкисты.

«ВАНЯ, ТАНЦУЙ...»

До войны вокруг номерных поселков в районе Синявина разрабатывали торфяные болота. И сейчас здесь еще высились огромные штабеля торфа, образуя кое-где сплошную стену. От разрывов снарядов торф загорелся, и все вокруг затянуло густой пеленой едкого дыма.

Гитлеровцы лихорадочно превращали Рабочий поселок № 5 в настоящую цитадель. Траншеи, дзоты, противотанковые рвы, эскарпы и проволочные заграждения опоясали поселок. Фашисты забаррикадировали поселок двойным забором из толстых бревен с «начинкой» из земли, камня, и кирпича. Делалось это неспроста: через поселок проходила дорога Шлиссельбург — Синявино, единственная артерия, питавшая их войска. Путь к волховчанам, двигавшимся нам навстречу, тоже проходил через этот поселок.

В поселке обосновался сильный гарнизон. Наши разведчики коммунист Петр Ена и комсомольцы Игорь Душкин и Александр Котачигов каждый день добывали «языка». Из показаний пленных стало известно о пополнении, полученном гарнизоном за последние дни: 151-й и 161-й пехотные полки, 159-й Нервежский полк. В одном из карьеров было обнаружено полтора десятка тяжелых танков.

Гитлеровцы заполнили все укрепления, засели в домах, подвалах, погребах.

В середине дня 15 января рота ханковцев ворвалась на северную окраину поселка, однако фашисты ее вытеснили.

16-го Симоняк, получив от командарма небольшое подкрепление, предложил Хрустицкому план завершающих боев: два полка атакуют Рабочий поселок № 5 не в лоб, а обойдя его с флангов. Договорились, что с каждым полком пойдет по батальону танков. Мотострелковый будет действовать с запада.

Однако непредвиденные обстоятельства заставили генерала отложить завершающий штурм на сутки.

Дни 16 и 17 января были отмечены в бригаде многими драматическими событиями.

Узкая полоска шириной с километр отделяла нас от волховчан. Но гитлеровцы сопротивлялись с отчаянием обреченных и неоднократно переходили в контр-атаки.

Ранним утром 16-го командир мотострелкового батальона майор Дуров и находившиеся вместе с ним в просторной землянке, отбитой накануне у противника, майор Вейсман, старший лейтенант Гордеев, врач Лаврова, комсорг Луканчук, санинструкторы Зуева, Орлова и Леонова, связной начальника штаба батальона солдат Смирнов собрались приступить к завтраку.

Вдруг в землянку пуль влетел часовой:

— Немцы!

Все вскочили и, прихватив оружие, кинулись к выходу. Дуров успел крикнуть:

— Женщины остаются здесь, заряжают диски!

Не более чем в 200 метрах двигалась большая колонна гитлеровцев с обозами.

Очевидно, это была часть шлиссельбургского гарнизона, искавшая выход к Синявину. Если бы она прошла на этом участке, то оказалась бы в тылу наших передовых частей. Все понимали эту угрозу.

Дуров, отличный стрелок, кинулся к установленному на специальной площадке станковому пулемету. Вейсман ударил из автомата. Старший адъютант батальона Иван Гордеев с пятью бойцами бросился наперерез колонне.

Из соседней землянки выскочили пулеметчик Маграм Гусейнов, несколько автоматчиков и немедленно открыли огонь. От неожиданности фашисты заметались. Они не знали, куда деваться, и сразу понесли тяжелые потери. Гитлеровские офицеры бросались из стороны в сторону, пытаясь навести порядок. Только через несколько минут противник открыл беспорядочный огонь из винтовок и автоматов.

Стремительным рывком Гордеев достиг цели, надвое перерезал колонну и дал несколько очередей из ручного пулемета. Пользуясь тем, что Гордеев со своими бойцами оттеснил половину колонны, Гусейнов подобрался к ней с другой стороны.

Бой разгорался все сильнее. Вдруг упал Дуров. Из рта и носа командира хлынула кровь. К нему бросилась Лаврова. Уже лежа на носилках, он сказал подбежавшему Вейсману:

— Заканчивай бой, комиссар. Скоро вернусь, скоро...

К тому времени не менее половины колонны гитлеровцев было скошено.

Услышав стрельбу, к месту боя подоспели наши батарейцы, чьи огневые позиции находились несколько впереди. Гитлеровцы начали сдаваться.

С поднятыми руками шли пленные. Жалкие, в разорванных шинелях, в халатах, висевших клочьями, в ботинках или неуклюжих эрзац-валенках. Наши автоматчики-конвоиры посмеивались, глядя на них; «Вот они, оказывается, какие вблизи — сверхчеловеки».

Рядом с Вейсманом стоял Гордеев. Он был ранен в руку, из раны сочилась кровь.

— Взгляните, товарищ майор, — сказал Гордеев, — у них по две нашивки на рукаве за зимовку, за то, что морили голодом Ленинград. Мечтали о параде в мертвом городе, вшивые гады.

В лесу шныряли и мелкие группы гитлеровцев, отступавших из Шлиссельбурга и пытавшихся пробиться к своим в Синявино или Рабочий поселок № 5. С одной такой группой из трех человек смело вступила в бой писарь 1-го танкового батальона Зоя Петерсон и сумела обратить фашистов в бегство.

Самым сенсационным событием дня стал поединок «малютки» с тяжелым фашистским танком.

Перед каждой атакой пехотные командиры настойчиво требовали танкового сопровождения. И 16 января, как обычно, наш танк поддерживал атаку одного из стрелковых подразделений.

Экипаж машины состоял из командира роты лейтенанта Дмитрия Осатюка и механика-водителя старшины Ивана Макаренкова. Еще во время учебы танкисты поняли важнейшее свойство «малютки» — ее великолепную подвижность.

Лейтенант требовал, чтобы в бою машина «танцевала», и механик, ценой

упор-нейшего труда, в совершенстве достиг этого.

В тот день на поляну, где шел бой, выползли из леса два тяжелых фашистских танка. Передний намеревался, очевидно, ударить во фланг пехотной цепи, поблизости которой находилась «малютка».

Первое, что мелькнуло в уме Осатюка: «Спасти пехоту». Но как? Идти на таран? Это было бы заведомым самоубийством. Завязать огневую дуэль? Снаряды скорострельной пушки отскакивали от брони фашистского танка, как горох от стенки. Оставалось одно: отвлечь внимание на себя.

— Ваня, танцуй! — крикнул Осатюк.

Сначала машина рванулась вперед, приблизилась к фашистскому танку. Тот остановился, оценивая добычу. Разбить маленький танк крупнокалиберной пушкой, казалось, не составляло никакого труда. Гитлеровцы ринулись в атаку.

«Малютка» ловко уклонилась. Началась погоня. Танки противника шли один за другим. Повинуясь команде Осатюка, Макаренков кидал машину из стороны в сторону, выписывал замысловатые вензеля, но не уходил от фашистов за пределы видимости. Осатюк вел огонь из пушки с единственной целью: ослепить вражеский экипаж, не дать ему вести прицельный ответный огонь.

— Держи вдоль леса, к круглой опушке! — приказал лейтенант. Никогда еще Макаренков не орудовал рычагами управления так быстро.

Казалось, танк, совершая неожиданные повороты, вот-вот перевернется.

Чем ближе к круглой полянке, тем больше росло напряжение. Но вот танк выскочил на поляну. Осатюк коснулся плеча механика. Макаренков сразу понял команду — такие сигналы подавались еще во время учений. Он мгновенно выключил левый фрикцион. Машина, послушная своему хозяину, взревела и, поднимая снежное облако, развернулась. Казалось, не было более удобной мишени, для противника, чем танк, повернувшийся к нему бортом. Но Осатюк внезапно повернул башню и мгновенно открыл слепящий огонь в упор по смотровым щелям тяжелого гитлеровского танка.

Мощным рывком Макаренков увел «малютку» вперед. Фашистский танк со скрежетом повернул вслед за нашей машиной. Борт тяжелого танка теперь был обращен к роще.

В это время из-за деревьев вырвалась острая сверкающая полоска. Грянул орудийный выстрел. Потом второй ... Через мгновение сильный взрыв внутри вражеского танка сотряс воздух.

— Ваня! Заманили дуру! Готово! — со вздохом облегчения вырвалось у Осатюка.

Обтирая рукавом пот, сбегавший крупными каплями со лба, Макаренков ответил так, будто участниками события были не он и не Осатюк:

— Не подвела наша «малютка»...

Не прошло и трех минут, как у круглой поляны появился второй тяжелый танк.

В считанные секунды скрытая за деревьями батарея расправилась и с этой вражеской машиной.

БАТАРЕЯ, ОГОНЬ!

Как раз в то время, когда наши артиллеристы поразили второй тяжелый танк, Хрустицкий и я подскочили на «малютке» к огневой позиции батареи. У орудия, которое только что выручило Осатюка, стояли возбужденные артиллеристы, громко обсуждая подробности боя.

- Обработали на славу, — заметил Хрустицкий, показывая рукой в сторону фашистского танка.

Артиллеристы, почерневшие от копоти, в изодранной, перемазанной торфяной грязью одежде, не скрывали радости.

Уже несколько дней подряд орудие младшего сержанта Онучкина непрерывно участвовало в боях. День назад этот расчет уничтожил пулеметный дзот, мешавший продвигаться стрелкам, одну противотанковую пушку и вместе с другими орудиями батареи поджег две головные машины вражеской танковой колонны с десантом автоматчиков. Раненные при отражении контратаки заряжающий и подносчик снарядов выбыли из строя. Заменить их было некем.

— Один управлюсь. Не сомневайтесь, — сказал Онучкин встревоженному командиру огневого взвода младшему лейтенанту Николаю Рогуткину.

Когда вдали показалась одна из колонн гитлеровцев, отступающих из Шлиссельбурга, орудие Онучкина открыло огонь. Нужны были нечеловеческие усилия, чтобы одному выполнять работу расчета. Онучкин управлялся до тех пор, пока не подоспели на помощь пехотинцы-ханковцы.

Все эти дни артиллеристы действовали с полной отдачей сил. Неотступно сопровождая «малюток», они тщательно оберегали их от вражеских танков и артиллерии, по многу раз в день отражали жестокие контратаки, то и дело меняли огневые позиции, перед носом противника выкатывали на руках орудия на прямую наводку.

Артиллеристы несли большие потери. Командир батареи старший лейтенант Романов с трудом сколачивал новые расчеты. Сам командир накануне был ранен, санитары свезли его на волокуше в санчасть. Через несколько часов Романов сбежал оттуда и явился к командиру мотострелкового батальона, которому подчинялась батарея. Тот, увидев окровавленную повязку, приказал: «Ступай лечиться!» — «Не могу, — отвечал Романов, — ребят осталось мало...»

Расчеты Романов пополнял командирами и политработниками батареи и бойцами взвода управления. Многим теперь приходилось выполнять сразу две обязанности: подносчика снарядов и заряжающего, наводчика и командира орудия. У Онучкина заряжающим стал Анатолий Зинштейн, заместитель командира батареи по политчасти, а подносчиком снарядов — комсорг Канарский.

Соседним орудием командовал заместитель командира батареи Вайсбруд, встали к орудиям оба командира огневых взводов Рогуткин и Серегин.

Хрустицкий собирался уходить с огневой позиции, когда по рации передали донесение разведчиков: они обнаружили четыре фашистских танка. Командир бригады приказал Романову немедленно сосредоточить огонь по этим объектам.

Загремели залпы. Вскоре разведчики передали на батарею: «Цель накрыта!»

Так крепилось боевое братство танкистов и артиллеристов, которое обеспечило успех бригаде в предстоящих сражениях.

КРЕПОСТИ БЕРУТ ОТВАЖНЫЕ

Поздно вечером 17-го Хрустицкий собрал командиров батальонов и их заместителей по политчасти, воевавших у Рабочего поселка № 5.

— Завтра, к полудню, мы должны соединиться с войсками Волховского фронта.

Это последний срок, который дает нам командование. Взаимодействуем с дивизией Симоняка.

Он оглядел всех и тихо, простуженным голосом сказал:

— Вижу, устали... Здорово устали... Да ведь дело кончать надо. Ждут от нас...

Никто из командиров не проронил ни слова о помощи, хотя всюду не хватало людей, материальной части. Понес большие потери мотострелковый батальон, имевший в начале боев почти полковой состав. 90 процентов командного и политического состава этого батальона выбыло из строя. Из оставшихся бойцов и командиров сформировали одну сводную роту, которой стал командовать старший лейтенант Рафаил Стрельцов. Многих недоставало в батальоне Паршева. Тылы были оголены.

В службе снабжения у Кашинцева осталось 12 солдат, которые и поступили в распоряжение мотострелкового батальона.

План боя оставался тот же, что был намечен еще 18 января: 1-й танковый батальон Александра Паршева обходит поселок слева, 2-й танковый Степана Арзамасова — справа, а мотострелковый атакует противника с фронта.

— Все ясно? Тогда по коням!

Последняя перед боем беспокойная холодная ночь. Над лесом звезды да яркие тревожащие вспышки ракет.

В оврагах танкисты готовят машины к штурму. Несколько танков накрыты брезентами, образующими большой шатер. Внутри при свете ламп, питающихся от аккумуляторов, лихорадочно работают ремонтники.

... Бойцы мотострелкового батальона занимают позиции в воронках, за штабелями торфа или в торфяных канавах.

В Рабочем поселке № 5 за двойным забором слышится тарыхтение машин, стрельба.

В середине ночи на КП позвонил Паршев с просьбой начать на их участке атаку ранее намеченного срока.

— В чем дело? — удивился Хрустицкий.

Оказывается, Паршев и командир батальона ханковцев договорились ударить по гитлеровцам во время их завтрака.

- Фриштик у них вроде священнодействия — садятся за свой кофе в одно и то же время, минута в минуту. Симоняк уже дал разрешение. Дело верное.

— Верное, говоришь? Тогда разрешаю, действуй.

С утра мы были на КП у Симоняка. Все сильно волновались. Важные позиции, инициатива были полностью в наших руках, однако на некоторых участках гитлеровцев было гораздо больше, чем наших солдат. На левом фланге не прекращали попытки прорваться крупные колонны противника из шлиссельбургской группировки.

На правом фланге фашисты, пытаясь выручить разгромленные части, застрявшие в предельно узком «фляшенхальсе», предприняли несколько контратак двумя только что подброшенными сюда свежими полками.

Основной удар на этом участке принял на себя 2-й танковый батальон.

Еще ночью командир одного из ханковских батальонов капитан Федор Собакин поставил перед командиром танковой роты Дмитрием Осатюком задачу: вместе с пехотинцами удержать до рассвета только что занятый рубеж.

— Нас горстка, а удержаться здесь хотя бы до завтра надо любой ценой. Завтра подойдет пополнение, и с этих позиций в последний, решительный. Понимаешь?

Еще не наступил полный рассвет и не успел Осатюк оценить местность, как гитлеровцы начали контратаки. Очевидно зная про малочисленность обороняющихся, они шли густой цепью.

Ни за что нельзя было допускать фашистов вплотную к нашим позициям.

Пользуясь своим численным превосходством, они захватили бы их. Но что делать, на что решиться?

Механик услышал голос Осатюка:

— Ваня! Можешь выжать максимальную скорость?

— Выжму.

— Ну, давай... Вперед!

Танк вырвался из укрытия и, набирая скорость, помчался по снежному полю навстречу противнику. Пока сближались, Осатюк подготовил пулемет для непрерывной стрельбы.

Не более 150 метров оставалось до цепи противника, когда заговорило все вооружение танка. Гитлеровцы заметались. Передние пытались залечь, зарыться в снег.

Тогда танк развернулся и стал двигаться вдоль разрозненной цепи автоматчиков, поливая ее свинцовым дождем.

Ханковцы, на глазах которых развертывались эти события, с криком «ура» кинулись на фашистских автоматчиков. Гитлеровцам оставалось одно — сдаться. Те, что подняли руки, уцелели. Остальные были уничтожены.

В этот день яростный огонь на узкой полосе, отделяющей наши войска от Рабочего поселка № 5, не только не ослабел, но усилился.

Экипаж танка № 164 готовился выполнить новое задание. Вдруг в танк попал снаряд. Сорвало гусеницу. Машина замерла. Командир окликнул водителя:

— Жив?

— Ранен.

— Вылезешь?

— Не смогу.

Осатюк выбрался из подбитой машины, кинулся к нижнему люку, скользнул в него, бережно вынес из танка Макаренкова, пополз с ним в укрытие. Снаряды ложились вокруг, но они продолжали двигаться по изрытому воронками снежному полю вперед, пока не достигли укрытия. Осатюк сделал перевязку товарищу — тот был ранен в ногу.

— Ну, вот и отвоевался, — произнес Макаренков.

— Ничего. Поправишься, — отозвался Осатюк.

— Ухожу, а ведь еще не соединились...

Никто из раненых не желал покидать боевой строй. Теперь, когда последний рывок завершал невыносимо тяжелый шестидневный путь к победе, уходить было особенно горестно.

Приползли санитары. Другьям оставалось только распрощаться.

Бои 18 января развивались по плану. Все вражеские контратаки советские войска отбивали с мужеством и хладнокровием. Ни вбивать излюбленные клинья, ни окружать нас гитлеровцам уже не удавалось. Командиры и солдаты настолько научились ориентироваться в обстановке, что быстро разгадывали вражескую тактику.

Как и было намечено накануне, 1-й танковый батальон вместе с батальоном ханковцев с севера стремительно атаковал фашистов во время «фриштика» и добился успеха.

Симоняк и Хрустицкий с особым вниманием следили за действиями наших войск на этом участке.

— Где твой Собакин? — запрашивал Симоняк командира полка Шерстнева о командире батальона, действовавшем на севере.

— На железке Собакин. В километре севернее поселка.

(Железкой называли узкоколейку, идущую от Ладogi в глубину немецкой обороны. Перехватив ее, наши войска окончательно закрывали выход из «бутылочного горла».)

— Только бы не слез.

— Не слезет. Его хорошо поддерживают «малютки» и пушки.

— Передай всем мою благодарность. И предупреди: волхсвчане рядом. Минуту назад я с ними разговаривал. Как бы Собакин не обознался, не принял их за гитлеровцев.

Гитлеровский гарнизон не сдавался. Битва велась с предельным напряжением.

Малочисленны стали наши подразделения, но те, кто остался в строю, дрались бесстрашно, а главное — умело. Наблюдая за полем боя, можно было прежде всего отметить инициативу бойцов, умение их быстро оценить обстановку, найти правильное решение. Теперь, когда борьба шла за каждую канаву, сарай, дом, подвал, — это было особенно ценно. Именно так — умело, инициативно — действовали танкисты Глинский, Мосин, Пащенко, Швыдкий и десятки других.

Непрерывно вели огонь чудом сохранившиеся орудия батареи Романова, минометы батареи старшего лейтенанта Цветкова, пулемет Маграма Гусейнова.

Вскоре бои велись по всему поселку. Сопrotивление гарнизона понемногу ослабевало, но окончательно сложить оружие гитлеровцы, очевидно, еще не собирались. Тогда танковая рота лейтенанта Филиппова, одной из первых ворвавшаяся в поселок, снова бросилась в атаку...

На северной окраине поселка показалась цепь солдат, и танкисты уже готовы были открыть огонь. Но в это время пехотинцы-ханковцы, выдвинувшиеся несколько вперед, подали танкистам знак: дескать, остановитесь, не стреляйте. Через минуту танкистам все стало ясно — идут наши, идут волховчане.

Это произошло около полудня. Почти одновременно оба комбата срывающимися от радости голосами сообщали по радио на КП Хрустицкому:

— Соединились!

— Поздравляю всех бойцов и командиров! Орлы!

Вверх взметнулись ракеты, полетели ушанки. Люди, почерневшие в непрерывных семидневных боях, пропахшие дымом, сжимали друг друга в объятиях. Наконец- то наступил этот день. Семнадцать месяцев Ленинград был отрезан по суше от всей страны. Теперь он снова и навеки связан с «Большой землей».

Раскрывались кисеты с крепким табаком. Начинались беседы о минувших днях, о Ленинграде.

Поэт Борис Лихарев так описал этот день в своем стихотворении:

На горячую броню
Все поставив, чем богаты,
Вот мы стелем маскхалаты
На горячую броню.
Танк столом служил для нас
Здесь, на этом ратном пире,
Самым лучшим был он в мире, —
Танк столом служил для нас.
А кругом дымился снег —
В поле, в роце, в перелеске.
Немцы спали сном мертвецким,
А кругом — дымился снег.
Это здорово, друзья,
Там, где русскому веселье,
Там фашиста ждет похмелье,
Это здорово, друзья!

Не менее ожесточенно, чем у Рабочего поселка № 5, шло 18 января сражение за Шлиссельбург. Командир батальона бронемашин Легеза аккуратно, в намеченные сроки докладывал обстановку.

Девятнадцать броневиков, шедших в бой за Шлиссельбург, разделились на две группы. Одна группа ушла на северо-западную окраину города, другая продвигалась с южной окраины. Вместе со стрелками броневики отбивали дом за домом, подвал за подвалом. Даже истекающие кровью люди до последнего дрались в самой гуще боя. Башенный стрелок Мавлей Гемальтинов был тяжело ранен, но продолжал вести огонь. Запылала машина, а пулемет Гемальтинова все стрелял и стрелял. Только строгий приказ командира заставил его покинуть броневик.

В каждом боевом донесении из Шлиссельбурга упоминалась среди особо отличившихся, пулеметчица бронемашин младший сержант Клавдия Плахотина.

Эта маленькая девятнадцатилетняя девушка пришла в бригаду добровольцем. В Ленинграде она закончила курсы радистов. Девушку направили в бронепатальон, а там ее зачислили во взвод Ивана Ивановича Пушкаря.

В экипаже нужна взаимозаменяемость. Клава упорно занималась вождением машины и стрельбой из пулемета. Жила она во взводе, в углу землянки, отгороженной плащ-палаткой. Бойцы ее всячески оберегали. Поступит приказ рыть укрытие, маскировать бронемашину, солдаты говорят: «Без тебя сделаем, земля мерзлая — тяжело». Клава все равно выходила на работу вместе со всеми.

Так же упрямо добивалась она назначения на давно облюбованный ею пост башенного стрелка.

В последних боях за Шлиссельбург она уничтожила 12 фашистов.

Броневики шли в бой один за другим на небольшой дистанции. Через короткие промежутки в небо взлетала белая ракета — еще один квартал города был очищен от фашистов. К 10 утра броневики уничтожили расчеты трех противотанковых пушек, 35 ручных и станковых пулемета, истребили 120 гитлеровцев.

Среди разрушенных и полуразрушенных строений Шлиссельбурга оставалась колокольня, на которой притаился вражеский пулеметчик. Обзор с колокольни был отличный, и пулеметчику на некоторое время удалось задержать пехоту.

Тогда к колокольне двинулся на своей машине лейтенант Уксусов, на ходу наводя пушку на вражеский пулемет. Последовал выстрел. Снаряд попал в цель. Пулеметчик замолчал.

Но там, наверху, оставался висеть флаг со свастикой. Уксусов решил водрузить на колокольне советский флаг. В бронемашине нашелся красный флажок. Через минуту Уксусов уже взбегал по шатким ступенькам старой колокольни. И вот уже флажок водружен на самом высоком месте. С еще большим подъемом продолжали бойцы очищать от фашистов старинный русский город. К полудню все было закончено.

Когда мы по радиации запросили заместителя командира бронепатальона по политчасти Самыгина, кого он особо отмечает в этом бою, он начал было перечислять:

- Герух, Гемальтинов, пулеметчица Плахотина, Герников, Пурей, Молвин, Кириллов, Уксусов, Ермолович... — Потом оборвал перечень и убежденно заключил: — Товарищ подполковник — весь батальон!

С освобождением Рабочего поселка № 5 и Шлиссельбурга решена была важнейшая задача — прорыв блокады Ленинграда.

По пути в освобожденный Шлиссельбург Хрустицкий не преминул

остановиться у батареи тяжелых 305-миллиметровых пушек противника, обстреливавших ранее Ладожскую трассу. Потом осмотрел по пути несколько 75-миллиметровых батарей и складов с боеприпасами.

— Редко танкистам достаются такие трофеи. Учти, что бригада захватила чуть ли не тысячу пленных.

Хрустицкий часто останавливал машину у крупных дзотов, у блиндажей, эскарпов, ходил вокруг них, внимательно вглядывался.

— Запоминаешь? — поинтересовался я.

— Если хочешь, да. Это поле боя надо бы оставить нетронутым. Иначе как поймут будущие поколения, почему мы какой-нибудь десяток километров шли семь дней.

А посмотрят—узнают, какая это была сложная операция, сколько мужества, душевных сил потребовала она от бойца, от командира...

На улицах Шлиссельбурга происходили самые неожиданные встречи.

Обнимались друзья- ленинградцы, вошедшие в Шлиссельбург с разных сторон и служившие в разных частях, не было конца рассказам о боевых делах.

Пришел сюда со своими боевыми друзьями комендант Шлиссельбургской крепости «Орешек», прославленный герой Ленинградского фронта майор Александр Васильевич Строилов, с чьим именем связан захват в сентябре 1942 года знаменитого Невского «пяточка», куска земли на левом берегу, занозой вонзившегося в боевые порядки гитлеровцев.

В Шлиссельбурге мы вручали награды многим солдатам и офицерам. Орденами и медалями были отмечены 250 человек. Когда из строя вызвали Маграма Гусейнова — ему вручали орден Красной Звезды, — пулеметчик смутился:

— За что, товарищ командир? Особенного Маграм ничего не делал...

Потом, немного подумав, сказал:

— Конечно, это неплохо. Мои старики скажут: «Наш младший сынок, Маграм, отомстил за братьев, он достоин нашего рода». Спасибо, дорогие товарищи. Буду еще служить Родине.

Все было не по уставу — и речь Маграма, и дружный, добрый смех, которым сопровождал эту речь строй танкистов. Но кому бы пришло в голову упрекнуть за это наших героев.

Мы стояли у командирского броневика и беседовали с большой группой танкистов и мотострелков, Из люка высунулся радист:

— Ленинград передает стихи о нашей бригаде. Усилили звук. Стихи читал Борис Лихарев:

... Пильня-Мельница,

Поселок номер три —

Какие обыденные названья!

Но славных дел бессмертное сиянье

Приладожские дали озари.
Шел бой с утра. Сквозь тысячу смертей
Здесь только храбрые пробьются,
Но вел машину верную Папуца
На пламя вспышек вражьи батарей.
Любимцу роты танковой, ему
Нашлась достойная работа,
Он слышал хруст раздавленного дзота,
Врагов бегущих видел он в дыму.
Сквозь триплекс он высматривал. Он бил
Без промаха из пушки скорострельной,
Из пушки бил. Ее огонь прицельный
Немало душ злодейских истребил...

Все замерли. Радость победы не могла заглушить боль сердца...

Мы вышли на Неву. Сюда еле долетали отзвуки канонады: теперь бои шли уже под Синявином и у 8-й ГЭС. С противоположного берега, со стороны Морозовки, отчетливо доносились стук топора, звон пилы. Саперы наводили мост для железнодорожной нитки, которая свяжет Ленинград с «Большой землей».

... Прошло несколько дней. Частью оставшихся сил бригада продолжала боевые действия под Синявином.

На КП пришла телеграмма. Ее вскрыл Хрустицкий, начал читать, потом поднялся, еще раз прочитал и протянул ее мне:

Товарищ гвардии подполковник, прошу прочитать сию депешу, — официально - торжественным тоном произнес он.

Недоумевая, я взял телеграмму, и у меня сразу замелькало в глазах: «...61-й... присвоить... тридцатая гвардейская легкотанковая бригада...».

Второй раз читать не довелось. Мы уже крепко сжимали друг друга в объятиях. За бои по прорыву блокады звание гвардейской получило еще одно соединение

Ленинградского фронта: 336-я стрелковая дивизия, с которой мы взаимодействовали, стала 63-й гвардейской дивизией. Мы послали ханковцам, ставшим за семь дней нашими кровными боевыми братьями, поздравления. После соединения с волховчанами дивизию отвели на отдых.

Прошло еще несколько дней. Комбриг получил записку от члена Военного совета Ленинградского фронта генерал-майора Штыкова.

«Тов. Хрустицкий!

— Искренне поздравляю с наградой и гвардейским званием.

— Будучи у тов. Сталина 6 февраля докладывал о действиях вашей бригады и поведении танкистов. Сталин сказал: «И на маленьких танках при желании тоже можно хорошо воевать».

— Надо теперь закрепить достигнутое и боевыми делами заработать орден. При желании это возможно».

И еще одно радостное событие произошло в эти дни: Осатюку и Макаренкову присвоили звание Героя Советского Союза.

Макаренков в это время лежал в ленинградском госпитале, в здании Педагогического института имени А. И. Герцена.

В день опубликования указа сосед по койке спросил Макаренкова:

— Иван, тебя как по батюшке величают?

— Михайлович.

- Указ есть: звание Героя присваивают Ивану Михайловичу Макаренку, не тебе ли?

— Не, моя фамилия Макаренков, а не Макаренко. Да и какой я герой!

Но в госпиталь уже явились танкисты, поздравляли боевого друга, объяснили, что в указ будет внесена поправка.

На фронтовом совещании политработников ко мне подошел член Военного совета фронта Алексей Александрович Кузнецов.

— Сердечно поздравляю. Рад за вас. Вы и не по дозреваете, сколько о вашей бригаде разговоров. Даже завзятые военные не помнят случая, когда вновь сформированному соединению через полгода присвоили бы гвардейское звание.

Доблести ваших людей поражаются. А насчет Осатюка и Макаренкова утверждать: первый случай в истории Советской Армии, когда все члены танкового экипажа одновременно становятся Героями Советского Союза. Блестящее начало, ленинградцы будут ожидать от земляков столь же блестящего продолжения.

Я ехал с совещания в бригаду. Почти одновременно сюда приехал из Ленинграда Виссарион Саянов.

— Привез поэму, стихи. Бригаде посвящаю. Это мой скромный подарок. Принимаете?

— Сейчас решим, — отшутился я.

Гвардейцы окружили Саянова тесной толпой. Он читал стихи в прифронтовом, заснеженном лесу, опираясь рукой о танк.

...И день настал — Нева и Волхов

Вперед рванулись в час одни,

Когда смешался свист осколков

С полетом пуль и воем мин.

Шли батареи, шли родные,

Шли по дороге снеговой,

Пехоты цепи боевые

Вгрызались в берег за Невой.

И маршал русский в тесном штабе
Следил по карте, как врага
Теснили воины сквозь хляби,
Сквозь все заневские снега.
И вдруг — как рухнула ограда,
Моторов мощных гулкий рев,
То танковая шла бригада
На укрепления врагов.
Разбег стремительный и грозный.
Огонь! Огонь! Огонь! Огонь!
Виссарион Михайлович сделал небольшую паузу и продолжал:
...Немецкие рванулись танки,
И в орудийной перебранке,
В огне немолчном над Невой
Завязан танковый был бой!
Гремели грозные громады —
Танк шел на танк, в таран, в упор,
И вырвалась вперед бригада —
Кольцо проржавевшей блокады
Уж не могло замкнуть простор.
Виссарион Михайлович закончил приподнято, торжественно:
...На той стоянке
Мы памятник поставим вам,
Водившим в пламя битвы танки
По всем приладожским снегам!
Гвардейцы дружно и долго аплодировали.
- Почитайте еще, товарищ Саянов, — просили солдаты.
— Э, да с вами шутки плохи...
Саянов согласился и читал, как мне казалось, еще вдохновеннее.

ПОСЛЕ ПРОРЫВА

После прорыва блокады мы вели тяжелые бои с фашистами еще целый месяц, а затем нашу бригаду вывели на Карельский перешеек в район поселка Сертолово.

Здесь мы почувствовали себя на отдыхе. Впервые за долгое время мы смогли помыться в бане, выспаться наконец, глотнуть свежего воздуха... А это такое блаженство, которое может оценить только фронтовик, выбравшийся чудом из пекла и тотчас очутившийся в затишье, где почти не слышно канонады, где можно со вкусом выкурить

махорочную самокрутку, написать письмо родным и сообщить им, что остался жив к собственному удивлению, здоров, что тебя лишь «случайно царапнуло».

... Не все, далеко не все уже могут это сделать. Батальонные писари составляют списки убитых и раненых. Политработники пишут далеким и незнакомым отцам и матерям о том, как их сыновья пали смертью храбрых.

Ну что ж, война есть война, ничего не поделаешь, тут никто не застрахован от беды, только не надо ей поддаваться, вот что главное. Не впадать в уныние, взять на вооружение бодрость, хорошее настроение, веру в удачу! И это настроение надо непременно передать тем, кто придет пополнять поредевшие ряды, кто займет место убитых и раненых в боевом строю...

Вот тут для нас, политработников, партийной и комсомольской организаций, начиналась работа: беседы, доклады, организация выступлений артистов, концертов художественной самодеятельности. Уже пришла весна, солнышко пригревало броню, и эстрадой, как правило, служил танк. Одним из зачинщиков художественной самодеятельности был у нас молодой лейтенант Канарский — комсорг мотострелкового батальона, которого как раз в эту пору назначили комсоргом 1-го танкового. В Канарском сочетались удивительные качества. С одной стороны, редкая храбрость, мужество. С другой — какая-то особая нежность в характере: он любил напевать старинные чувствительные романсы, читать вслух лирические стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева.

Там, где был Канарский, там тотчас собирались молодые танкисты, особенно из пополнения. Завязывались у них долгие беседы с комсоргом, уже снискавшим славу бывалого воина. Вскоре у Канарского появился хороший и очень похожий на него характером друг, лейтенант Сабинин.

О Сабинине впереди подробный рассказ. Юноша этот навсегда остался любимцем бригады, и каждый из ее ветеранов по сей день вспоминает лейтенанта с особенно теплым и светлым чувством.

Прибыл Сабинин к нам в часть ранней весной сорок третьего, едва успев окончить танковое училище. Высокий, стройный, двадцатилетний. Коротко подстриженные каштановые волосы, лихой разлет темных бровей, задорно улыбающиеся глаза. Все на нем было ладно пригнано, подогнано.

При зачислении в бригаду я задавал обычные, полагающиеся в таких случаях вопросы. Его почему-то спросил:

— Что вам больше всего нравится, лейтенант Сабинин, больше всего по душе?

— Честно?

— Ну, разумеется.

Он чуть-чуть покраснел:

— Песни под гитару...

— А еще?

— А еще — Пушкин. Ничего на свете нет лучше. Я сразу подумал о том, что офицер этот непременно подружится с Камилием Канарским. Так оно и произошло. Сколько раз, бывало, доводилось потом видеть: как свободная минута у взвода танкистов-разведчиков, которым стал командовать Сабинин, тут рядышком и Канарский. А вокруг солдаты — кто примостился на стальной

гусенице, кто на снаряжном ящике, кто просто на корточках. Лейтенант декламирует:

Приветствую тебя, пустынный уголок,

Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,

Где льется дней моих невидимый поток

На лоне счастья и забвенья.

Или вдруг тишина взрывается смехом. Это Сабинин читает «Сказку о попе и работнике его Балде». Пушкина он, вероятно, знал основательно: и «Евгения Онегина», и «Полтаву», и «Медного всадника». Он мог читать без конца, пока не прозвучит сигнал тревоги или команда: «По машинам!»

Однажды его послали за чем-то в Ленинград. Сабинин успел не только выполнить поручение, но и посмотреть очень популярный в то время фильм «Два бойца». Вернулся, разыскал Канарского:

— Давай подбери на гитаре мотив, я тебе напою. Слова я запомнил:

Темная ночь...

Только пули свистят по степи.

На другой день уже весь батальон пел любимую мелодию.

Много раз доводилось мне наблюдать Сабинина на учениях. Он умело и четко командовал своими танкистами-разведчиками, проявлял незаурядную находчивость, сметку.

Веселый и общительный Сабинин был вскоре (не без рекомендации, конечно, Канарского) избран комсоргом роты, а танкисты прозвали его в шутку «нештатным комиссаром» разведчиков.

Однако Сабинин становился молчаливым и даже застенчивым, когда оказывался рядом с ветеранами-разведчиками, участниками бесчисленных боев, такими, как комбат Паршев, его заместитель майор Кочеров, парторг Николай Мельников и многие другие герои боев за прорыв блокады. Сабинин чувствовал себя перед ними как бы виноватым, что его так долго держали в училище и он еще не успел побывать в сражениях. Однажды мартовским утром сорок третьего года собрали мы в полуразрушенной школе комсомольский актив. Я сделал доклад «Об итогах боевых действий личного состава и задачах комсомольских организаций». Народу собралось много, кроме наших танкистов еще и гости: молодые рабочие с «Большевика» и других предприятий, школьницы-старшеклассницы.

Выступали на активе многие молодые гвардейцы: рядовые Пашенко и Щвыдкий, Мосин, лейтенант Канарский... Каждое выступление заканчивалось клятвой бить врага и впредь по-гвардейски.

Попросил я в тот день выступить Сабинина от имени новичков, он наотрез отказался.

— Товарищ гвардии подполковник, — упрасивал он, — вот побываю в настоящем бою, проверю на практике, чего стою, а уж тогда... Ну, какое у меня моральное право произносить здесь речи? Даже неловко. Я ведь пока что только приписник к гвардии.

Вероятно, он был прав.

Здесь, в Сертолове, командующий бронетанковыми войсками фронта генерал-лейтенант Баранов вручил нашей бригаде гвардейское знамя. После вручения знамени Хрустицкий подошел к Сабинину, положил руку на плечо:

— Как настроение, гвардеец?

— Я, товарищ гвардии полковник, авансом ношу это звание. Даже живого фашиста еще не видел.

- Ничего, — засмеялся Хрустицкий, — за этим дело не станет. Недолгий срок.

Срок этот настал в июле сорок третьего года, когда вспыхнули невиданно ожесточенные бои в районе поселков Арбузове и Мустолово, куда заблаговременно перебросили нашу бригаду. На рассвете, едва утих грохот артиллерийской подготовки противника в районе этих поселков, уже и без того сравненных с землей, мы услышали глухую дробь барабанов. Цепь за цепью, под барабанный бой, с засученными рукавами и автоматами наперевес, шли на нас пьяные фашисты. Над их головами качались штандарты и знамена со свастикой. Казалось, бесконечные цепи перекатываются друг через друга, словно штормовые волны, и им никогда не будет конца.

Это была психическая атака. Даже самым бывалым, выдавшим виды фронтовикам пришлось всю свою волю сжать в кулак, чтобы устоять, чтобы не дрогнуть.

Обстоятельства сложились так, что на самом опасном участке, где держал оборону 1-й танковый батальон, находился взвод лейтенанта Сабинина.

Как поведет себя новичок: не растеряется ли, не кинется ли из засады сломя голову, прежде чей следует? Такое испытание нервов выпало на долю двадцатилетнего паренька нежданно-негаданно. И вдруг будто дрогнула земля. Наши войска ударили по фашистам, что называется в лоб, из всех орудий, пулеметов, автоматов... Первым из засады вырвался со своим взводом Сабинин. Его танк кидался из стороны в сторону, увертываясь от вражеских снарядов, стремительно обрушивался на немецких артиллеристов, с ходу подминал под гусеницы пулеметчиков и пулеметы фашистов. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись, но в конце концов не выдержали натиска.

Взвод Сабинина, как и другие наши танкисты, как мотострелки, артиллеристы, устроил захватчикам достойную встречу...

После боя танкисты отдыхали в засаде за рощицей. Настроение у них было преотличное, особенно у новичков, принявших боевое крещение в такой яростной и, главное, успешной контратаке.

Вечером парторг батальона Николай Мельников, Канарский и я пошли по экипажам. Добрались и до засады Сабинина. Он сидел возле танка на замшелом пне с раскрытым планшетом на коленях. Его лицо было спокойно и сосредоточенно. Он что-то писал. Как потом оказалось — представление к награде танкистов своего взвода Мосина, Сергеева и Толстых. Заметив меня, стремительно встал, доложил обстановку. Сн был, как всегда, подтянут, чисто выбрит, свеж, как будто в тот день и не было страшного боя, кровавых контратак, нестерпимого перенапряжения нервов.

Решив слегка подзадорить лейтенанта, я заметил:

— Ну как, повидал наконец живых фашистов?

- Повидал...
- Доволен?
- Никак нет!
- Это почему же?
- А потому... что их лучше бы видеть мертвыми...
- Согласен, лейтенант. Тут каждый из нас должен сделать свой вклад.
- Ясно, товарищ гвардии полковник.

Сабинин много рассказывал о подробностях боя, об отличившихся, восхищался находчивостью и смелостью своих бойцов. О себе же ни слова. Ни слова, хотя ему было о чем рассказывать.

После Сабинина я отправился к другим экипажам на этом участке. Надо было послушать каждого, успеть повстречаться со всеми, пока гитлеровцы не пришли в себя от наших ударов. Танкисты ужинали. Возле экипажа Петра Швыдкого разыскал меня Мельников.

— Товарищ гвардии полковник, — обратился он ко мне, протягивая листок из полевого блокнота, аккуратно сложенный вчетверо: Сабинин передал заявление в партию.

Я прочел заявление. Обратил внимание на дату. Оно было написано за день до боя.

- Да, — подтвердил Мельников, — оно написано вчера. Сабинин сказал мне: «Думал вам отдать его сразу, а потом решил: нет, только после боя.

Проверю себя, а тогда уже отдам».

Спустя два дня Сабинина приняли кандидатом в члены партии.

- Побольше бы нам таких, — сказал Мельников. — А я, признаться, поначалу все-таки думал: хоть и окончил он танковое училище, но уж слишком чувствительный парень, все Пушкин на уме, романсы под гитару. А поди ж как показал себя в бою...

МЫ СНОВА УЧИМСЯ

После боев под Арбузовом и Синявном нашу бригаду переправили во Всеволожское и Токсово, где мы пробыли вплоть до конца декабря 1943 года. Эти уголки под Ленинградом долго оставались вне войны и были превращены в огромный полигон для шлифования боевого мастерства пехотных, артиллерийских и танковых частей. Здесь командование Ленфронта тщательно проверяло боеспособность каждого подразделения, его подготовку к наступательным действиям в самых больших масштабах: умение с наибольшим эффектом вести массированный огонь, следовать за огненным валом, выбрасывать десанты, взаимодействовать со всеми родами оружия.

На другой день после переброски бригады в Токсово Хрустицкого и меня вызвал к себе генерал Говоров. КП командующего находился на токсовском полигоне. Здесь была наскоро сооружена на холмистой опушке леса вышка, откуда командующий фронтом Л. А. Говоров и член Военного совета А. А. Жданов многие часы наблюдали за всеми действиями подразделений.

На вышке и приняли нас в тот день Говоров и Жданов. Обычно немногословный, Говоров на этот раз подробно расспрашивал о тактической и

огневой сколоченности танкистов нашей бригады, о готовности принять участие в наступательных операциях широкого масштаба.

Комбриг слушал внимательно. Со свойственной ему прямоотой и откровенностью ответил:

— Нет. Пока мы к таким операциям не готовы, товарищ командующий.

Объяснил причину. Бригада еще только пересаживается на новые танки. С маленьких, юрких, легких «Т-60», с которыми сроднились за долгие месяцы боев, на новые «Т-34», прибывающие в бригаду из разных городов вместе с экипажами. Вот и получается — опытные танкисты-гвардейцы, побывавшие в жестоких боях, переучиваются, привыкают к новым машинам. Новички же знакомы с «Т-34», но не обстреляны да и в вождении танков далеко не мастера. И с грустной усмешкой Хрустицкий добавил:

— Между прочим, пока они до Токсова добрались, по дороге наломали дров в буквальном смысле. Задели и повалили гусеницами немало деревьев и пяток телеграфных столбов.

Говоров переглянулся со Ждановым. Казалось, они еще до нашего прихода обменялись мнениями по поводу положения в танковой бригаде.

— Все ясно, — заключил Говоров. — Сколько времени понадобится, чтобы привести бригаду в полную боеготовность?

— Полтора-два месяца, — ответил комбриг.

— Срок слишком большой, — медленно отвечал Говоров, о чем-то раздумывая. — Такого срока мы дать не можем. — И, обращаясь к Жданову, проговорил: — Ну, как, Андрей Александрович, все же недели две дать надо?

— Это максимум, — заметил Жданов.

Ни о какой, даже самой кратковременной передышке теперь не могло быть и речи. Мы повели счет не дням, а часам и минутам.

Главной заботой политотдела в те дни было организовать политработу в оставшееся до начала боев время. Положение осложнялось тем, что в эту пору в армии объединились должности заместителя командира бригады по политчасти и должность начальника политотдела. Бывший начальник политотдела подполковник М. П. Борисавнин стал инспектором Политуправления Ленинградского фронта. Я стал и замполитом бригады и начальником политотдела.

Произошли и другие изменения в личном составе бригады. Многих наших лучших офицеров, в их числе Паршева, Арзамасова, Вейсмана, Легезу, выдвинули на более высокие командные должности в другие части. Кроме того, вместо выведенного из состава бригады бронеполка был сформирован 3-й танковый батальон.

Нам, политработникам, предстояла большая работа. Надо было прежде всего преодолеть своеобразный моральный барьер. Все понимали, что «Т-34» не чета нашим «малюткам». Но танкисты всем сердцем привязались к ним, словно к живым существам, с которыми столько было пережито. Расставаться с ними было жаль. И надо было добиться, чтобы эта «жалость» не мешала быстрому освоению новой техники. Кроме того, надо было постараться, чтобы новички танкисты стали своими в нашей семье, спаянной боевой дружбой. Без этого трудно было рассчитывать на какой-либо успех в бою.

В те короткие 15 дней, что были предоставлены в наше распоряжение для отработки тактических действий, мы старались использовать все, что могло сблизить людей.

Впрочем, сделать это было нетрудно. Тут сказался, надо полагать, характер советского солдата и вообще советского человека, который в критическую минуту особенно остро ощущает свою нерасторжимую связь с коллективом товарищей, где бы он ни оказался волею судьбы. И ветераны и новички понимали и разделяли ответственность командования бригады за выполнение поставленной перед ними задачи.

Учились мы днем и ночью. Все те из наших офицеров, кто прошел стажировку на «Т-34» в свое время еще в училище, такие, как например старший лейтенант Толунов, лейтенанты Багдасаров, Лосев, Логвиненко, Волков и всеобщий любимец бригады Сабинин, заботливо обучали своих товарищей новой технике. Настали неимоверно напряженные дни боевых учений. Экипажи «Т-34» долгие часы не покидали машины. Они одолевали рвы, завалы, пробивались через лес, громыхали по гатям, учились снова и снова маневрировать в самой сложной обстановке, отрабатывая до мелочей технику вождения, взаимодействие огнем.

Хрустицкий в те дни, казалось, вообще не покидал полигона, где ни на минуту не утихало учебное сражение с фанерными танками. Фанерные танки благодаря особым устройствам внезапно и только на миг появлялись в самых неожиданных местах то тут, то там, а наши «Т-34» с ходу, вылетая на позиции, должны были поражать их огнем из самых разных положений.

Хрустицкий контролировал стрельбы тщательно, но не только с полигонной вышки. Бывало и так: после того как все отстреляются, он, недовольный тем, как выполнил свою задачу какой-нибудь экипаж, сразу собирает танкистов. Так, мол, и так, действовали неправильно, а ошибка ваша вот в чем...

Объясняет, а сам всматривается в лица танкистов. Понимают или нет? И от него не ускользнет, если в ответе не слишком уверенно прозвучит: «Так точно»...

— Ну, если «так точно», повторим.

Как правило, Хрустицкий не ошибался. Повторная попытка выполнить сложный маневр танкисту не удавалась.

В таких случаях комбриг едва сдерживал справедливый гнев.

- На кой черт мне нужно ваше «так точно», «так точно». Если чего не знаешь, не умеешь — греха нет. Говори прямо, не виляй, никто не взыщет. Научим!

Однажды, отчитывая одного командира экипажа, вдруг заявил с усмешкой:

- Вижу, хочешь сказать — мол, учить легче, каждый может на словах любое выполнить. А вы бы сами попробовали. Так? Ну, не стесняйся, говори, так ведь?

Лицо танкиста залилось краской, и все же он выдавил:

— Так...

Хрустицкого ответ нисколько не смутил. Он тут же сел в танк рядом с командиром. Комбриг показал, конечно, наилучший класс вождения и снайперского огня в невероятно сложных условиях.

Такой урок врезался в память на очень долгое время.

Помню, ехали мы с Хрустицким к майору Попову, молодому командиру 3-го батальона, которому, как и другим, предстояли учения в условиях полного бездорожья.

— Почему едем именно к нему? — спросил я Хрустицкого. — Попов, по-моему, один из самых знающих офицеров.

- Да, он теоретически подготовлен лучше, чем другие, — отметил Хрустицкий, — но он... как бы это тебе сказать, менее уверен в себе, чем другие. Вот это- то меня и тревожит.

Командир бригады не зря направился прежде всего именно сюда. Мы сидели в штабной землянке батальона, склонившись над картой.

Хрустицкий объяснял майору обстановку. Тот внимательно слушал, быстро делал пометки на своем планшете. Чувствовалось, что он понимает командира бригады с полуслова. Но чем больше слушал, тем лицо его становилось озабоченней.

— Что вас так беспокоит, майор? — спросил Хрустицкий.

— Товарищ гвардии полковник, — нерешительно начал комбат. — Судя по карте, местность такая, что средние танки там не пройдут. Лес, заболоченные овраги. Боюсь, увязнем. Танки-то не прыгают...

— Да, — подтвердил Хрустицкий, — дорога не сахар, но пройти нужно. Вот что, майор, — Хрустицкий оживился. — Давайте-ка я, вы, командир роты составим экипаж. Возглавим передовой взвод. И попробуем, может все-таки пройдем. Должны ведь пройти. Поведу я...

Танки прошли. Прошли через топи, через овраги, через лесные заросли, хотя муки водитель испытал нестерпимые.

Когда вернулись на КП, молодой комбат почувствовал себя уверенней. Собрал подчиненных и, уже ссылаясь на собственный опыт, говорил о волшебном свойстве «Т-34» одолевать любые препятствия.

Когда мы с Хрустицким возвратились в штаб бригады, я спросил его напрямик:

- Ведь ты, признайся, рисковал многим. Вдруг машина бы и впрямь не прошла, как же твой авторитет?

Хрустицкий пожал плечами:

- Может, ты и прав. Если только о своем авторитете думать. Но танк должен был пройти. Так-то... Сначала дело, а потом уже и авторитет. По-моему, так верней.

Учения проходили успешно, но не обходилось и без курьезов. Там же, на полигоне, демонстрировали мы однажды прибывшей стрелковой дивизии боевые свойства «Т-34». Все удалось на славу, все были довольны. Все... за исключением одного командира стрелкового батальона, которого посадили в танк к Сабину и в спешке забыли дать танкошлем. Сабинин стремительно повел машину через ухабы, воронки, поваленные деревья. Когда вернулись, бледного комбата извлекли из машины в синяках, в ссадинах, Он ругался на чем свет

стоит, жаловался, что ничего не видел, оглох.

— Ни за что не согласился бы я воевать в танке,— заявил он, когда пришел в себя. — Темно, душно, пахнет гарью и железный грохот в голове.

Бригада выдержала экзамен на готовность к решающим боям по снятию блокады. Говоров остался доволен учениями. Об этом он сказал нам после того, как мы продемонстрировали перед высшим командованием всех родов войск свою мобильность, меткость, умение выбрасывать на своей броне десанты автоматчиков, умение взаимодействовать с пехотными частями.

Между тем наступил январь сорок четвертого, а с ним и пора бурных событий в истории Ленинградского фронта, связанная с боями за полный разгром фашистских войск под Ленинградом.

Уже с первых чисел января не только командование бригады, но и рядовые танкисты, вплоть до батальонного повара, знали, что скоро начнется наступление. В больших, чем когда-либо, размерах стали завозить горючее, боеприпасы; в подразделения зачастили инспектора из штаба армии и фронта, офицеры из соседних дивизий. В армейской газете стали ежедневно печататься очерки о боевых подвигах в наступательных боях, особенно часто замелькали фотографии о зверствах гитлеровцев на ленинградской земле, которую надо было как можно скорее освободить. Помню, в те дни танкисты 1-го батальона приклеили к машине только что написанный от руки боевой листок :

У нас такое мнение:

Пора уж в наступление!

Не очень складные стихи эти на редкость точно выражали заветное желание бойцов— наступать!

Собирая материал для этой книги, я списался со многими родственниками наших воинов и просил прислать (если сохранились у них) фронтовые письма танкистов той поры. Так попало ко мне письмо сержанта Иваненко. Он писал матери в Ленинград:

«Привет с фронта. Надеюсь, уже совсем скоро вы получите вести самые радостные. Горят руки — так хочется скорее садануть по проклятым фашистам. Обо мне не беспокойтесь. Бить буду гадов, как положено».

Не менее характерным оказалось и письмо старшины Г. Ерофеева из 2-го батальона:

«Дорогая мама! По всему зидать, погоним мы немца совсем скоро, да так, что его потом и по частям не собрать. Я бы своим танком выютюжил всю дорогу от Ленинграда до Берлина по фашистской сволочне».

Механик-водитель Семен Потапенко писал сестрам в Кемерово:

«Дорогие мои! Скоро и на нашей улице будет праздник. В сердце все кипит.

Как я счастлив, что пойду вместе со всеми в наступление за Ленинград. Наконец- то сбудется мечта!»

В эти же дни в парткомиссигу политотдела бригады из всех рот и батальонов стекались заявления о приеме в партию.

«Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии большевиков.

Хочу идти в бой коммунистом. Не пожалею ни крови, ни жизни для нашей победы.

Сержант Герасимов».

Одно заявление мне запомнилось особенно:

«Прошу принять в партию после боя. Рекомендации ни у кого не просил, так как завоюю ее в бою. Подаю заявление заранее, чтобы в случае чего знали, что я был коммунистом. Сержант Школьников».

«Я, стрелок-радист Редькин И. И., хочу вступить в настоящий момент в ряды ВКП(б) и не пожалею жизни за нашу партию и Родину», — так написал молодой танкист, прибывший к нам с пополнением.

Эти письма, заявления, написанные на обрывках бумаги, на листках неведомо откуда попавших к нам школьных тетрадей, — как они были красноречивы!

Перед наступлением томительно тянулось время. На душе у большинства из нас было одновременно и радостно и тревожно. Радостно оттого, что наконец мы не только ударим по гитлеровцам, но и прогонки их с ленинградской земли.

Тревожно оттого, что никто из нас еще никогда не участвовал в наступательных боях такого масштаба.

Хрустицкий при каждом удобном случае внушал членам экипажей: помните, каждый танк — это стремительная подвижная крепость, это стальной кулак на моторе. Упорство и находчивость, быстрота и натиск — вот что требуется. А главное, помните гвардейский девиз: товарищей в беде не оставлять, пехоту поддерживать, что бы ни случилось. Вы — сила! Стальная, огневая, моральная!

Наступление началось. Уже были взяты Красное Село и Ропца, противник был разгромлен на Дудер-гофских и Келколовских высотах, вышибли гитлеровцев из Ропши, Кипени, Русско-Высоцкого, Мги. Уже начались яростные штурмы Гатчины, а нам все еще не было приказа вступить в дело.

Наконец 25 января вечером раздался долгожданный звонок из штаба фронта.

Хрустицкий немедленно уехал в Ленинград и вернулся с боевым приказом. Бригаду передают 2-й ударной армии, которой командовал прославленный в битвах за Ленинград генерал-лейтенант Иван Иванович Федюнинский. 2-я ударная к тому времени вместе с 42-й армией вела бои за Гатчину, в районе которой войска противника под командованием генерала Линдемана оборонялись особенно ожесточенно. Здесь был «узел узлов», как говорил потом Федюнинский.

Как только Хрустицкий вернулся, мы немедленно поехали с ним к Федюнинскому на его командный пункт... Дорога содрогалась от артиллерийской канонады, где-то над головой, урча и свистя, пронеслись снаряды, небо разрывалось огнем в клочья. Наш «виллис» с трудом пробирался в бесконечном потоке тягачей, фургонов, санитарных машин и пехотных подразделений, двигавшихся и по дороге, и по ее обочинам. Ни на секунду нас обоих не покидало острое, волнующее чувство: мы едем пусть по испепеленной, но уже освобожденной земле.

Командующего мы застали в землянке, которую только что покинул командир корпуса Симоняк. Неысокий, коренастый, в сыромятном полушубке и солдатской шапке-ушанке, с добродушно улыбающимся лицом, Федюнинский, несмотря на ответственность

и напряженность момента, говорил спокойно, доброжелательно, без лишних слов. От всей его манеры говорить, держаться исходила уверенность, невольно передававшаяся другим.

Командующий подвел нас к карте, висевшей на стене землянки, коротко и точно обрисовал обстановку.

— Ваши исходные рубежи вот здесь, — сказал Федюнинский, ткнув пальцем в кружочек, обведенный красным карандашом, — у села Русско-Высоцкое. Вот полоса, где вы будете действовать вместе с одиннадцатой стрелковой дивизией и полком самоходок. Ваша задача: развить прорыв на этом рубеже, — он опять ткнул пальцем в карту, — перерезать в районе Большие Губаницы шоссейную и железную дороги и взять Волосово. По всей вероятности, как только мы сожжем кольцо вокруг гатчинской группировки противника, он попытается любой ценой уйти в Прибалтику через Волосово на Кингисепп и Нарву. Нельзя дать им уйти живыми.

Так началась новая страница в истории нашей бригады.

КОНЕЦ БЛОКАДНОЙ НОЧИ

Вскоре мы заняли выжидательные позиции. Накануне операции в 1-м батальоне, как и в других, проходило партийное собрание. Начальник штаба бригады гвардии подполковник Соколов говорил о серьезности предстоящих боев, о том, что они непременно будут особенно ожесточенными и что сразу же после прорыва обороны нам надо выйти в тыл противника с десанниками на броне, с ходу занять несколько населенных пунктов, в том числе районный центр Волосово. Как всегда в такие минуты, речь зашла о роли коммунистов в предстоящих боях.

Особенно многое зависело в этот раз от разведвзвода коммуниста Сабина. После собрания он снова тщательно проверил машины, боеприпасы. Осматривал скрупулезно на каждом солдате обувь, проверял наличие теплых вещей, карманных фонариков. Все это он делал со строгой доброжелательностью рачительного хозяина. Уже тогда многие танкисты стали называть самого молодого командира взвода Батей.

Но даже и в эти часы всеобщего напряжения Сабинин не забывал о гитаре, романсах, напевал шутя: «Паду ли я стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она».

Рано утром танковая колонна вытянулась на заснеженной дороге, нетерпеливо ожидая сигнала «Вперед!».

Стрелка медленно двигалась по циферблату. Точно в назначенное время мы услышали по радио бодрый голос Сабина с исходной позиции: «Меч, я Точка. Все в порядке».

Через некоторое время по всем рациям танкисты услышали: «Ноль один»,

«Ноль один». Это обозначало приказ: «Вперед на Волосово». Танки разведвзвода двинулись по заданным направлениям.

Прошли считанные минуты, и вдруг дрогнула земля. Это ударили по переднему краю противника десятки наших самоходных орудий, сопровождавших танки.

Артиллеристы-самоходчики перенесли огонь в глубину обороны, чтобы не дать противнику опомниться. За разведчиками ринулись «Т-34», стреляя из всех пушек и пулеметов. Враг, видимо, не ожидал ни такого натиска, ни такого огня. Не многим гитлеровцам удалось поднять голову, а кому и удалось, то ненадолго.

Десантники-автоматчики довершили дело...

Тем временем по радио мы непрерывно принимали от Сабинина сообщения: «Все отлично! Дошли до назначенного рубежа, продвигаемся вперед».

Однако после нескольких обнадеживающих донесений наступило молчание.

Тщетно надрывался у рации батальонный связист. «Я — Меч, я — Меч, Точка — отвечай! Точка — отвечай!» Точка молчала... На командном пункте все волновались: что произошло с Сабининым? Всего несколько километров оставалось до Волосова. Неожиданно приостановилось и продвижение всей бригады.

Впереди горели танки... Доносился грохот ближнего боя. Неужели противник опомнился и перешел в контратаку?

Да, это было, как потом выяснилось, именно так. По машинам Сабинина вдруг ударили фашистские «тигры», противотанковые пушки и противотанковые ружья. Завязалось яростное сражение.

На несколько минут Сабинину удалось восстановить связь. В грохоте боя наш радист принял сообщение: «Отрезан. Продолжаю вести бой с противником. Немцы — со всех сторон. Кончаются боеприпасы. Драться буду до последнего...» Вскоре связь снова оборвалась. Ночью на выручку Сабинину было послано несколько танков, одним из которых командовал Канарский. В ожесточенном бою танкисты пытались прорваться через железнодорожный мост. Не удалось. Мост был заранее пристрелян гитлеровцами: они били по нашим машинам прямой наводкой.

Только на рассвете танкистам удалось пробиться к Волосову. Кругом дымились сожженные танки противника, валялись перевернутые самоходные пушки. И тут Канарский услышал по радиі знакомый восторженный голос:

— Ка-ми-лий! Это ты?

Через несколько минут друзья сжимали друг друга в объятиях. Кругом стояли танкисты.

— Так ты живой?

— Живой вроде бы, — смеялся Сабинин, — можешь меня пощекотать.

— Я вижу, — Канарский кивнул на машину Сабинина, — тебя тут пощекотали изрядно.

— Ничего, и мы в долгу не остались, тем более и партизаны помогли. Вокруг валялись сотни убитых фашистов. Неподалеку высилась груда, трофейного оружия. Пленные аккуратно складывали его в штабеля.

— Откуда же у тебя эти пленные? — спрашивали столпившиеся вокруг Сабинина офицеры. — Как тебе удалось их взять?

— А я их и не брал, — ответил он. — Они сами ко мне пришли с

поднятыми руками...

Однако вернемся к тому времени, когда следом за разведчиками вся бригада снилась с исходных рубежей. Хрустицкий сказал мне:

«Будем атаковать двумя колоннами. Я поведу первый и второй батальоны сам, ты — в обход с батальоном Попова. Он в первый раз идет в такой бой. Твоя поддержка будет кстати...»

Мы стояли рядом. Снежная метель кружила и налетала то слева, то справа, слепила глаза.

Мы понимали, что нам предстояло. Наши нередкие споры, разногласия в эту минуту не имели ни малейшего значения. Меня одолевало чувство тревоги за комбрига. Порывистый, горячий, беззаветной храбрости, Хрустицкий всегда увлекался в бою. Сколько у нас с ним было разговоров на эту тему! Он спорил, потом соглашался, но в разгаре боя становился прежним. Такой уж это был человек.

Мы обнялись, Хрустицкий подошел к своей машине. Влез в башню танка. На нем была высокая, серого каракуля полковничья папаха, с ней Хрустицкий не любил расставаться даже в танке. Вдруг вижу, упала папаха комбрига на снег: то ли ветром сдуло, то ли он уронил ее, надевая танкошлем. Хрустицкий улыбнулся:

«Плохая, — говорит, — примета, не скосить мне головы...» Вылез из танка, поднял папаху, смахнул снег и уже через секунду-другую, помахав мне рукой, скрылся в башне боевой машины.

В те минуты я не подозревал, что больше никогда не увижу своего командира.

Мы двинулись вперед двумя колоннами. Вторую колонну вел я. Радиостанция моей машины была настроена на машину с башенным номером «400» — танком командира бригады. Таким образом, все донесения дублировались. Сквозь грохот боя и скрежет гусениц я прислушивался к голосу танка № 400 и мысленно рисовал себе картину сражения.

Колонна Хрустицкого добралась до деревни Большие Губаницы, не разворачиваясь в боевые порядки. Танкисты с ходу сбивали вражеские арьергарды, давили гусеницами пушки, а десантники-автоматчики довершали своим огнем очистку занятого района от уцелевших гитлеровцев. Поначалу все шло как нельзя лучше. Как уже ранее было сказано, взвод разведки 1-го батальона вырвался далеко вперед, не встречая особого сопротивления. Разведчики докладывали командиру батальона, а тот комбригу, что все идет отлично. Еще каких-нибудь 5 километров марша — и Волосово будет в наших руках.

Вдруг слышу, докладывает командир 1-го батальона Метельский:

— Встретили сильное сопротивление противника. Веду упорный бой с превосходящими силами. Противник ведет огонь из танков, минометов, противотанковых пушек. Подбит танк старшего лейтенанта Лосева...

Внезапно Метельский замолк. Через несколько минут донесся другой голос.

- Докладывает капитан Евтушенко. Метельский тяжело ранен, командование батальоном взял на себя.

Все та же дублирующая рация доносит доклад командира разведчиков:

— Подошел к намеченному рубежу, веду бой с противником. Жду подкрепления.

Через две секунды последовал короткий приказ комбрига: «Продолжайте выполнять боевую задачу».

Еще через несколько секунд последовал приказ и моей группе. Заходить на Волосово с тыла, со стороны машинно-тракторной станции. И еще: выделить взвод танков вместе с самоходками. Взводу прорваться через мост на вырубку разведчикам. Наконец, последнее, что донеслось из радиции: «Стоять насмерть, ввожу в бой второй эшелон». И еще через несколько секунд: «Делай, как я!»

Что случилось, что произошло там, в первой колонне, которой командовал Хрустицкий? Я терялся в догадках, так как связь с танком № 400 прекратилась.

Как выяснилось позже, ни фронтовая, ни армейская разведка тогда еще не знали, что в районе деревни Большие Губаницы была тщательно замаскирована в глубине дополнительная линия обороны противника с необычайно насыщенной огневой мощью.

Гитлеровцы затаились, спокойно пропустили наших разведчиков через первые линии траншей, не подавали признаков жизни и когда первые две роты наших танков проскочили вперед. А потом из-за укрытий внезапно появились их тяжелые танки, отряды бронейщиков. Это, как выяснилось позже, был усиленный всеми родами войск особый полк, которому по приказу генерала Линдемана следовало выждать и пропустить первые танки, а потом внезапно ударить, расчленив, отрезать друг от друга наши подразделения. Как показывали впоследствии пленные офицеры, Линдеман от имени фюрера приказал всему полку лечь костями, но не пропустить русских на этом участке у перекрестка дорог.

С этими гитлеровцами, которым удалось выполнить первую половину коварного замысла Линдемана, и завязал ожесточеннейший бой Хрустицкий.

Тогда я не знал и не мог знать этих подробностей. Рация молчала. От комбрига никаких вестей. Что с ним? Запросили по радио начальника штаба бригады— тоже не отвечает. Потом удалось выяснить — Соколов тяжело контужен.

В это мгновение снова ожила рация. «Вдруг Хрустицкий?»— подумал я. Нет, не он. Это запрашивали меня из штаба армии. Встревожился Федюнинский,— ему тоже не отвечал Хрустицкий. Слышу его взволнованный голос:

— Какая у тебя связь с командиром бригады?

— Никакой. Вот уже полтора часа пытаюсь установить, не удается.

Тогда Федюнинский приказал: выйти из колонны, пробраться в полосу Хрустицкого, узнать, что с ним. Обстановку доложить немедленно ...

Через минуту я уже прощался с майором Поповым. У него насупленные брови, покрасневшие глаза. Волнуется: как один впервые поведет батальон в бой?

Он, как и я, понимал, конечно, что с Хрустицким стряслось неладное, и был расстроен. Наш комбриг обладал удивительным свойством влиять на подчиненных. Хотя был он на редкость строгим, даже придирчивым, а порой вспыльчивым — не мог сдержать раздражения и гнева, — подчиненные не

таили на него обиды, относились к нему с огромной симпатией, уважением и искренней любовью. Вероятно, это происходило оттого, что командир бригады не был злопамятен, был справедлив, а самое главное — он был жестоко требователен к самому себе. Никто, не видел, чтобы он делал для себя какие-то поблажки; работал он день и ночь и проявлял скрупулезную заботливость о каждом офицере и солдате.

Пожимая мне на прощанье руку, майор Попов сказал:

- Приказ Хрустицкого наш батальон выполнит во что бы то ни стало.

Зимний день короток, быстро стемнело, и пробиться туда, где вела бой колонна комбрига, было не просто. Но вот на фоне уже совсем тусклого неба зачернел краешек леса. На опушке, куда выбрался танк, я увидел раненого офицера из 2-го батальона. Он брел в тыл.

— Где комбат? — спросил я.

Он повернул голову и вздрогнул от боли: вероятно, был равен в шею.

— Там, справа, за каменным домом...

Увидеть дом нельзя — темно. Можно только сообразить, где он. Начинает бить вражеская артиллерия: то справа, то слева. Пламя взрывов разрывает ночь, и тогда на мгновение вырисовывается какое-то строение.

Пробираюсь туда. Начальник оперативного отдела бригады майор Андреечев докладывает:

— Связь с комбригом потеряна уже три часа. Попытки отыскать Хрустицкого пока что безуспешны.

Не имел никаких сведений о комбриге и начальник разведки. Раненые, укрывшиеся за домом, утверждали, что танк № 400 сгорел.

Срочно связался по радио с Федюнинским. Доложил обстановку.

Федюнинский приказал приступить к исполнению обязанностей командира бригады. Точно установить, что с Хрустицким. Продолжать выполнение задачи по взятию Волосова ...

«Хрустицкий... Хрустицкий... надо его найти. Надо найти». Эта мысль не давала покоя. На дымящееся в ночи, еще простреливаемое со всех сторон поле боя отправился на поиски комбрига начальник инженерной службы майор Михеев с группой саперов и разведчиков. И снова безрезультатно.

Война есть война... Горю предаваться некогда. Надо действовать, выполнять боевой приказ. Попытаемся отыскать комбрига завтра, при свете дня.

В подвале сгоревшего дома собрались оставшиеся в строю офицеры. Оказалось не густо: Мельников, Михеев, Андреечев, Кашинцев и еще несколько человек, Из 43 танков уцелело всего 16. Оставалось еще, правда, несколько самоходок. А на рассвете мы должны были ворваться в Волосово.

Незадолго до назначенного срока приказ пришлось изменить. В 6 часов утра темень оставалась такой, что ни о каком прицельном огне не могло быть и речи.

А нас было мало, и каждый снаряд на счету...

Ровно в восемь мы ворвались в Волосово. Несмотря на самые ожесточенные контратаки, гитлеровцам было уже не удержать поселок.

Батальон Попова заходил с тыла, разведчики лейтенанта Сабина перерезали фашистам пути отхода ...

Во время этих боев мы захватили около 300 пленных солдат, 18 офицеров, в том числе двух подполковников.

Все это было утром 27 января 1944 года. А вечером Москва салютовала войскам Ленинградского фронта, снявшим блокаду. На другой день на лесной поляне за Волосовом, изрытой, перепаханной снарядами, окруженной соснами, обезглавленными осколками, выстроились танкисты. Самым отважным из них вручались правительственные награды.

— Гвардии лейтенант Сабинин!

Сабинин вышел из строя, сделал несколько шагов вперед.

— От имени и по поручению Верховного Совета СССР вручаю вам правительственную награду — орден Отечественной войны 1-й степени...

В тот же день я вручил орден другу Сабина комсору Канарскому и еще многим воинам бригады.

Радость победы омрачалась трагической гибелью командира бригады. Как только мы взяли Волосово, майор Михеев и начальник разведки

Мельников снова направились в район деревни Большие Губаницы. На вчерашнем поле боя чернели изуродованные огнем машины. Танкисты подошли к «Т-34», от которого не оставалось почти ничего, кроме обгоревшего остова. Ломиком вскрыли люк — и отшатнулись. В башне увидели они обугленное тело комбрига.

Вскоре выяснились подробности гибели Хрустицкого. Когда головная часть колонны, проскочив Большие Губаницы, устремилась к Волосову, Хрустицкий неожиданно встретил яростное сопротивление противника. Сначала комбриг решил рассредоточить машины и образовать вокруг деревни кольцо. Сам же с двумя ротами танков стал отбивать контратаки гитлеровцев, которые, отступая от Гатчины, всюду натыкались на наши танки, пушки, минометы. Многие очевидцы этого боя рассказывали, как против танка Хрустицкого гитлеровцы стали разворачивать целую противотанковую батарею. Как будто знали, что именно там комбриг.

Теперь все решали секунды. Танк Хрустицкого первым рванул на вражескую пушку и раздавил ее вместе с расчетом. За комбригом ринулся танк старшего лейтенанта Лосева. Через несколько секунд его подбили. Машина вспыхнула и сгорела со всем экипажем. Танковые дуэли гремели не прекращаясь... Ранило в голову капитана Метельского, его под огнем утащили в укрытие. Метельского тут же заменил капитан Евтушенко.

Танк Хрустицкого продолжал уничтожать одно вражеское орудие за другим.

Внезапно отказал поврежденный снарядом двигатель. Еще удар, и машина загорелась. А потом взрыв за взрывом,— в танке стали рваться боеприпасы. Машину охватило пламя...

Весть о гибели Хрустицкого потрясла бригаду.

Комбрига похоронили в Парголово, рядом с другими товарищами, павшими в этом бою.

У свежего холмика танкисты поклялись отомстить за командира...

Вскоре В. В. Хрустицкому посмертно было присвоено звание Героя Советского

Союза...

27 января 1944 года радостные ленинградцы вышли на улицы и набережные своего города. Люди плакали и целовались, поздравляли друг друга с великой радостью. Да и как было не радоваться. Салют над Невой возвещал конец долгой блокадной ночи.

ИЗ БОЯ В БОЙ

Весна сорок четвертого выдалась ранней. В феврале снега под Кингисеппом даже в лесу начали чернеть. Дороги развезло. Каждая машина, проезжавшая мимо нашего КП, оборудованного на скорую руку в брошенной гитлеровцами землянке, обдавала все вокруг фонтанами брызг. Бригада, расположившаяся на короткое время в сожженной деревне Алексеевке, готовилась к боям за Нарву. Мы знали, что это будут очень тяжелые бои. Тяжелые, потому что противник взамен дивизий, измотанных на ленинградских рубежах во время январских боев, спешно перебрасывал в район Эстонии свежие войска из Западной Европы. Конечно, мы, с одной стороны, были довольны: раз дошло до того, что Гитлер вынужден снимать дивизии с других фронтов, значит, легче будет наступать нашим армиям на Западе. С другой стороны, становилось тревожно. Мы понимали, что сопротивление врага будет необычайно яростным и ожесточенным, особенно в районе сильно укрепленного им нарвского плацдарма.

Не в нашу пользу была теперь и погода. Весеннее солнце превращало здешние дороги в непроходимое месиво. Попробуй наступать в таких условиях... Непокойно на сердце было еще и оттого, что в предстоящие бои бригада должна идти без Хрустицкого.

Во второй половине февраля у нашего командного пункта, поднимая фонтан брызг из мокрого снега, затормозил «виллис». Из машины вышли трое в высоких папах. Двоих я узнал сразу.

Это были генерал-майор В. И. Баранов, командующий бронетанковыми войсками Ленинградского фронта, и его заместитель по политчасти полковник В. И. Голиков. Третьего представил Баранов уже на КП:

— Вот вам новый комбриг — полковник Иосиф Борисович Шпиллер. Прошу любить и жаловать...

О новом комбриге мы были наслышаны. Он командовал батальоном в 1-й танковой краснознаменной дивизии уже в первый год войны. Отличился смелыми операциями в боях за Красный Бор, за освобождение Луги, проявил себя умелым и храбрым офицером, ствердым и решительным характером.

В сложной обстановке вступал Шпиллер в должность командира бригады. Во-первых, еще слишком свежа была память о Хрустицком, которую ревниво оберегали и офицеры, и солдаты. Во-вторых, принимать бригаду пришлось чуть ли не в ходе боевых действий, когда начиналось наступление на Эстонию.

Передышки практически не было.

Нужно сказать, что Шпиллер сумел успешно преодолеть эти трудности, чем сразу же расположил к себе весь личный состав бригады.

На другой день после приезда нового командира бригада построилась в лесу.

Шпиллер, обращаясь к солдатам и офицерам, сказал, что считает огромной честью взять на себя командование бригадой, которая до сих пор воевала под началом

прославленного и уже ставшего легендарным героем, заслужившего горячую и всеобщую любовь.

— Я могу обещать вам, — подчеркнул он под конец, — что постараюсь быть достойным своего предшественника. — Мы с вами вместе будем продолжать и развивать славные традиции, заложенные замечательным командиром...

Наша бригада действовала в составе армии Федюнинского, которая должна была, по замыслу командарма, одним ударом на север перерезать магистральные

дороги от Нарвы на запад. Бригаде предстояло прорваться через железную дорогу и отсечь отступление гитлеровцев от Нарвы на Таллин.

Шпиллер тщательно продумывал план операции. Бригада будет двигаться вперед тремя эшелонами: первый предназначался для прорыва, второй — для развития успеха, третий — для закрепления. В условиях бездорожья, затруднявшего маневрирование, это был наилучший выход. Уверенность Шпиллера в том, что все будет хорошо, что мы с честью выполним задание, невольно передавалась от командира танкистам. Правда, все понимали особую трудность броска через лесисто-болотистую местность, переходящую порой в топи с изрядно подтаявшей кромкой.

В канун наступления на наш КП явился коренастый человек в полушубке, с улыбающимся лицом, командир 256-й стрелковой дивизии. Стряхнул с сапог мокрый снег, будто входил в гостиную, а не в землянку, не спеша огляделся.

— Разрешите представиться, — пробасил он, — полковник Крицкий, Нам предстоит, как вы знаете, действовать вместе: мои десантники — на броне ваших машин.

Герой Советского Союза полковник Крицкий тоже был уверен в успехе предстоящей операции.

Но уверенность уверенностью, а действительность иной раз оказывается далеко не такой, как хотелось бы.

На рассвете 22 февраля 1944 года грянул гром артиллерийской подготовки.

Казалось, что по ту сторону железной дороги Нарва — Таллин, куда должны были устремиться наши атакующие войска, ничего живого не осталось.

Но так лишь казалось.

Едва наши подразделения ворвались на нарвский плацдарм, разом ожили глубоко упрятанные в землю, одетые в мощный железобетон огневые точки врага: артиллерийские, минометные, пулеметные.

Мы понесли большие потери, нас оттеснили назад.

Причин неудачи было много. И то, что позади был целый месяц наступательных боев без передышки, и то, что тыл наших войск проходил по абсолютному бездорожью, в то время как противник успел давно и прочно укрепить свою оборону. У гитлеровцев была налаженная сеть коммуникаций и город Нарва, превращенный в крепость. Впрочем, вся полоса обороны противника была предельно насыщена мощнейшими оборонительными сооружениями. Войска Гитлера зубами вцепились в этот рубеж. Как оказалось, в самые последние дни их усилили моторизованной дивизией и полком

тяжелых танков — «тиграми» и «пантерами» из резерва ставки Гитлера.

Однако первые неудачи не сломили воли наших танкистов к победе. Они продолжали ожесточенно атаковать врага. Особенно памятным оказался бой у высоты 84,6 — возле местечка Ауэр, которую мы прозвали Вороньей горой. С этой высоты, укрепленной по последнему слову техники, гитлеровцы ожесточенно и безнаказанно били из крупнокалиберных орудий по каждому нашему подразделению, как только мы устремлялись вперед... Ни обойти, ни подавить противника шквальным огнем нашим войскам не удавалось.

Танкисты получили приказ — взять высоту во что бы то ни стало!

Один, другой, третий танки рвутся к высоте, но и один, и другой, и третий гибнут на подступах. Тогда вызвался лейтенант Сабинин: «Пошлите мой взвод. Я — везучий».

На предельной скорости, виртуозно уклоняясь от огня, танки Сабинина одолели железнодорожную насыпь. Еще несколько минут, и позади населенный пункт Ауэр... Вражеские снаряды ложатся рядом, спереди, сбоку... А танки идут и идут... Вот они рванулись уже вверх, они уже на высоте. Черный султан дыма и огня вырывается из одного танка. Останавливается с развороченной гусеницей другой. Лишь командирский танк Сабинина ведет неравный бой. Он наваливается машиной прямо на выдвинутую из укрытия пушку, с близкого расстояния стреляет по амбразуре дота, ни на секунду не прекращая радиосвязи с командным пунктом.

— Подавил орудие, — докладывает он. Через несколько секунд:

— Подавил еще одно орудие.

— Веду бой с прислугой ....

— Подходят танки противника. Веду бой с подходящими танками врага.

— Кончаются снаряды.

— Кончились диски для пулеметов...

Уже весь танковый батальон пробивался к высоте. Фашисты защищались неистово. А там, на высоте, вел бой один Сабинин. Один, потому что приказал двум оставшимся в живых членам экипажа пробираться к своим.

Вскоре «бешеный танк», как потом называли его пленные гитлеровцы, остановился. Машина Сабинина угодила одной гусеницей в блиндаж, который сам же разбил за минуту до того. Но и не двигаясь, танк Сабинина продолжал огонь.

Когда кончился последний снаряд и последний патрон в пулеметном диске, Сабинин стрелял из револьвера.

Затем в эфире прозвучали последние слова бесстрашного гвардейца:

— Буду драться до последнего...

Когда наши танки пробились наконец к высоте, мы нашли изувеченный танк Сабинина, а в нем обгоревшее тело молодого коммуниста и офицера, до конца выполнившего свой священный долг.

В тот день Шпиллера можно было увидеть в совершенно неожиданных ситуациях. Командирский танк был подбит. В обгорелой солдатской шапке, ватной телогрейке комбриг покинул машину, добрался до опушки леса. Вместе

с ним был и стрелок-радист из экипажа, которому доставили сюда штабную рацию. Отсюда Шпиллер продолжал командовать танкистами, ведущими бой.

Позже танкисты рассказывали, что в самые отчаянные минуты боя сознание, что тут, рядом, находится сам комбриг, придавало новые силы. Кстати, Шпиллер, пренебрегая личной безопасностью, которую обязан соблюдать командир его ранга, во время боя приказал перенести свой КП в самое опасное место, откуда, как ему казалось, он сможет быстрее и лучше руководить действиями танкистов. Такой уж у него был характер: в тяжелом бою готов был сам чуть ли не врукопашную броситься на врага...

В пору невиданно тяжелых сражений за эстонский плацдарм, которые затянулись очень надолго и продолжались весь март и почти весь апрель, мне не раз доводилось видеть Шпиллера в критические минуты. Личная храбрость его была поистине безграничной. Были дни, когда от нашей бригады после гитлеровских контратак оставались уцелевшими лишь немногие танки и ждать пополнения было неоткуда. Как тут не приуныть. Но Шпиллер говорил танкистам:

«Пока цела хоть одна машина — бригада жива. А раз жива — будем воевать». Садился в танк и лично вел в бой все, что оставалось: батальон, роту.

Бои у реки Нарвы стоили немалой крови обеим сторонам. Случались дни, когда за несколько часов бывали начисто перемолоты крупные фашистские формирования, как, например, 214-я гитлеровская дивизия, переправленная сюда из Норвегии...

Стойкость наших воинов оказалась несокрушимой. Мы прорвались в конце концов на западный берег Нарвы, захватили плацдарм, и, как ни бесились гитлеровцы, пытались сбросить нас с него, — ничего у них не вышло. Плацдарм советские воины удерживали прочно.

В один из тех дней нашу бригаду отвели назад на восточный берег Нарвы для недолгого отдыха, ремонта машин, приема пополнения.

Грустно было обходить батальоны, где еще два-три дня назад было столько знакомых, родных лиц, которых уже никогда не увидишь больше. Не было ни всеобщего любимца Николая Сабина, ни веселого балагура старшины Ивана Надьева, ни младшего сержанта Василия Загребнюка, который однажды, выскочив из горящего танка, выстрелил, за неимением другого оружия, из ракетницы прямо в лицо немецкому офицеру. Многих, очень многих мы тогда не досчитались. Но все знали — главное, не терять веры, все равно одолеем врага...

В один из тех дней мы собрали на КП партийный актив. Шпиллер откровенно рассказал о тяжелом положении, в котором оказалась бригада в связи с потерями. Острая нехватка была не только в материальной части, которую сравнительно быстро восстанавливали. Сложнее оказалось с командными кадрами, особенно не хватало командиров взводов, рот. Коммунисты посоветовали выдвинуть на эти должности младших командиров, уже зарекомендовавших себя в бою. Так мы и сделали. Как показал опыт, в последующих боях эти младшие командиры, прошедшие школу в сражениях, оправдали оказанное им доверие.

Когда собрание кончилось, мы долго не расходились. Все перебирали в памяти минувшие бои, вспоминали трагическое и смешное, всякое, без чего не обходится война.

Вспомнили, как пришлось сквозь простреливаемый коридор доставлять пищу на

новый КП. Сначала туда пробирался ползком с термосом на спине старшина Василий Оладинский и повар взвода Вера Зайцева. Потом через этот страшный коридор они доставляли пищу на машине с железными бортами.

Михаил Федосеевич Кашинцев, наш замкомбрига по тылу, приказал им: в кузове не стоять, не сидеть. Только лежать, иначе могут заметить вражеские са- молеты...

Беда все-таки случилась. Оба были тяжело ранены, особенно Оладинский. С ним расставались мы с особой горечью. Это был веселый, искренний, заботливый, неунывающий и по-своему очень находчивый старшина...

Как-то у нас на КП появился куриный бульон. Мы все удивились, откуда такой деликатес на передовой. Спрашиваем Кашинцева, а тот смеется:

— Это наш Оладинский учудил, кто ж еще такое изобретет... Я насторожился:

— А тут все... чисто? Тогда Кашинцев рассказал.

Дело это прошлое, а было вот как. В той деревне, где находился наш тыловой КП, жила одна старуха. Оладинский клялся, что она подкулачница или что-то в этом роде. Кур у нее было много — около полусотни. Попытался старшина приобрести у нее одну пеструшку честно, для раненого дружка в медсанбате.

Старуха заломила цену такую, словно это не курица, а корова. Ну, а потом... старшина разозлился и решил отомстить посвоему. Накрошил в блюде хлеб, смоченный в спирте, — и в курятник. Курица, поклевав такого корму, опьянела и заковыляла, как больная, глаза закрывает, вот-вот упадет. Жадная старуха сразу к старшине, согласна, мол, продать одну такую птичку. Так и купил старшина пеструшку по дешевке.

Теперь Оладинский лежал в медсанбате. Его готовили к эвакуации в глубокий тыл, а он ни за что не хотел расставаться с бригадой, со своими боевыми друзьями.

Одним из его закадычных друзей был ленинградец, рабочий Кировского завода, участник боев за Нарву танкист Василий Демин. В начале войны Василий Демин оказался за Уральским хребтом. Бывший механик-водитель собирал танки в цехах, которые еще не имели стен. И каждый день добивался отправки на фронт.

Демину командировали на фронт, но не водителем, а специалистом по ремонту.

По дороге на фронт Демину удалось побывать дома, в Ленинграде, где остались жена с дочуркой и сынишкой. Здесь он узнал о несчастье: погибли его дети.

Демину прикомандировали в нашу бригаду ремонтником. Он сразу же подал рапорт, потом еще один с просьбой дать ему возможность испытать «качество своей работы ремонтника в бою». В первом же бою под Нарвой, где мы понесли серьезные потери в людях, Демин занял в экипаже место убитого механика- водителя, пошел на таран, смял машину противника. Демин был контужен, но продолжал бой до тех пор, пока гитлеровцы не подожгли его танк термитным снарядам. Демин был тяжело ранен и отправлен в тыл.

Бои за нарвский плацдарм изобиловали эпизодами массового героизма, стойкости. Наши гвардейцы горели желанием во что бы то ни стало закрепить успех, достигнутый ценою неслыханного напряжения, немалых жертв.

Память о погибших в этом жестоком сражении звала живых к новым подвигам.

ДОРОГА НА ВЫБОРГ

В начале июня 1944 года нашу бригаду вывели из Эстонии и отправили в район Териок. Начиналась стремительная операция по взятию Выборга. Противник не месяцы, а целые годы методично создавал мощные укрепленные полосы вокруг города. Это была новая линия Маннергейма. Район был укреплен сотнями железобетонных дотов, гранитными глыбами, минными полями, противотанковыми рвами, густой сетью траншей и проволочных заграждений. Три полосы таких укреплений уходили в глубину на 90 километров вплоть до самого Выборга. Сквозь все эти 90 километров преград из железобетона, стали и гранита, скрытых лесами и начиненных минами, надо было стремительно прорваться 21-й армии, в которую теперь входила наша бригада.

Несмотря на немалые потери, понесенные в боях за нарвский плацдарм, чувствовалось, что наступательный дух воинов не только не остыл, но стал еще неукротимей.

Помню последнее перед наступлением совещание политработников. Собрались на опушке леса, неподалеку от Черной речки, где мы заняли наши исходные рубежи. Надо было познакомить как можно подробнее политработников, а с их помощью всех воинов бригады с реальной обстановкой, в которой предстояло нам действовать, с реальными трудностями, которые ждали нас впереди, на пути к цели.

Это было очень важно, так как у некоторых из наших товарищей складывалось неправильное впечатление о происходящем. Раз, мол, войска 21-й и 23-й армий прорвали оборону противника в районе Териок и двинулись дальше, остальное пойдет как по маслу...

Такая недооценка возможного сопротивления врага могла быть еще более пагубной, чем переоценка его сил.

Мы знали, что на Карельском перешейке, и без того представляющем собой идеальный плацдарм для обороны, созданный самой природой — дремучие леса, озера, топи и реки, на подступах к Выборгу преграждали нам путь шесть пехотных дивизий, танковая дивизия, полки береговой обороны и другие вражеские подразделения... Надеяться на легкую победу было нелепо, хотя по артиллерии советские войска превосходили на этом участке противника раз в пять, а по танкам — вдвое. Да и наши самолеты были хозяевами неба. Темп наступления намечался 12—15 километров в день.

О сложившейся обстановке информировал собравшихся, как обычно, командир бригады. Но на этот раз им был уже не полковник Шпиллер. Иосифа Борисовича как раз в это время назначили командующим всеми бронетанковыми частями 21-й армии. Бригадой теперь командовал Соколов, ее бывший начальник штаба.

За несколько минут до того, как мы уже собирались разойтись, на опушке леса круто затормозил «виллис». Из машины вышел невысокого роста, с черными усиками и очень смуглым лицом, генерал. Это был член Военного совета 21-й армии Василий Павлович Мжаванадзе. Он сразу вступил в беседу, несколькими штрихами уточнил для нас обстановку за последние часы, расспросил о настроении в бригаде, о том, как организованы тыловая служба, снабжение, как будет налажено питание экипажей и особенно медицинская служба.

— И самое главное, — предупредил Мжаванадзе, — держать друг друга в поле зрения. Ведь кругом лес, озера, болота, а продвижение вперед

должно быть безостановочным, чтобы не дать противнику опомниться. В любом случае, в любой обстановке не оставлять никого без помощи, без выручки. Каждый должен идти в бой, зная: что бы ни случилось, какие бы неожиданности ни произошли, о нем не забудут, не покинут в беде.

Мжаванадзе напомнил, что влияние политработников, партийных и комсомольских организаций должно во время боя распространяться на каждого танкиста. И, конечно, лучший и самый убедительный и действенный метод — личный пример коммунистов и комсомольцев.

15 июня, утром, после прорыва второй линии обороны настал черед нашей бригады принять участие в стремительном наступлении на Выборг. Нас держали до этого дня в резерве 21-й армии, теперь мы должны были развивать и закреплять успех... В ушах еще стоял гул артиллерийской канонады, обрушенной на врага. Гудела не только земля, но и небо, откуда летчики 13-й воздушной армии бомбардировали укрепленные полосы и поливали огнем вражеские окопы.

Трудно, невозможно даже представить себе, сколько сил, а главное, сколько жизней сохранила танкистам наша артиллерия и авиация. И все же путь вперед к Выборгу был нелегко. Мы наступали по Приморскому шоссе, начиненному минами всех систем — от пехотных и противотанковых до мин замедленного действия. Обходов почти не было, путь то там, то здесь преграждали огромные валуны...

Наша задача состояла в том, чтобы с ходу, уничтожая на пути кое-где еще оставшиеся вражеские заслоны, прорваться к Выборгу. Мы не могли спокойно ждать, пока саперы разминируют десятки километров пути, и продвигаться гуськом, осторожно и медленно. Командир бригады Сергей Александрович Соколов отдал приказ расчищать путь огнем. Передние танки, продвигаясь вперед, расстреливали каждый участок пути, где могли быть заложены мины... Чаще всего не ошибались: мины с грохотом рвались то тут, то там. Однако случалось, что наши танки подрывались и выходили из строя.

На этом этапе выборгской операции особую роль играли боевые ремонтные бригады. Какую самоотверженную находчивость проявили тут солдаты и офицеры ремонтной роты! За время ленинградской битвы — от прорыва до снятия блокады, — когда ждать подкреплений было практически неоткуда, когда потеря каждого танка была почти невозможной, ремонтники научились блестяще ориентироваться в любой обстановке. Порой где-нибудь в нейтральной зоне оставался лишь обгорелый остов машины, все равно танк не бросали. Ночью подбирались к нему, снимали каждую гайку, гусеничное звено.

Помню, в политотделе бригады долго хранился боевой листок, в котором танкисты 1-го батальона обращались с призывом к бойцам ремонтно-восстановительной роты. В нем говорилось:

«Товарищи ремонтники! От вас зависит боеспособность машин, на которых мы бьем фашистов. Не жалейте сил, чтобы еще быстрее, еще лучше восстанавливать каждый танк, израненный в бою. Пусть ничто не помешает нашей боеспособности. Мы на вас надеемся...»

Ремонтники повесили у себя боевой листок с этим призывом, в ответ выпустили свой и передали его в батальон. Ответ состоял из трех слов, написанных красным карандашом: «Надейтесь, не подведем».

Не было случая, чтобы ремонтники подвели. Однажды, после одного из боев на Карельском перешейке, наш танк, нарвавшийся на засаду, был подбит и отрезан. Экипажу удалось уйти к своим. Фашисты водрузили на покоренной башне свой флаг. Однако на рассвете группа наших смельчаков подтянула к подбитому танку стальной трос, и другой танк начал оттаскивать его в наше расположение.

Противник вынужден был открыть огонь по собственному флагу!

Когда мы еще только начали продвижение к Выборгу, произошел случай совершенно исключительный. Термитный снаряд угодил прямо в ствол пушки нашего танка и подбил его. Танк без пушки — не танк. И хотя все остальное в нем цело и невредимо, ничего не поделаешь, надо увозить в тыл, менять вооружение.

Через полчаса к этому танку подобралась «летучка» — так называли у нас крохотную ремонтную мастерскую, смонтированную в кузове грузовика. Из нее выскочили два техника — Алексей Каратаев и Александр Королев... Осмотрели танк — все ясно, надо эвакуировать. Но члены экипажа взмолились:

— Братцы, как же так... Придумайте что-нибудь. Такое наступление разгорелось, все наши вперед рвутся, а мы...

Королев с Каратаевым еще раз осмотрели танк, изуродованную пушку, переглянулись. Вдруг Королев говорит:

— А что если мы... просто отпилим поврежденный конец ствола...

Водитель танка рот открыл от удивления и, опомнившись, спросил недоверчиво:

— А стрелять будет?

— Должна, — сказал Королев, — только дальность будет не та. Придется стрелять с самой ближней дистанции.

Танкист подумал и ответил:

— Это можно. Действуйте...

Действовать пришлось и ремонтникам, и танкистам рука об руку.

Когда все было готово, механик-водитель Игорь Лукин дал полный газ. Танк рванулся вперед, вскоре он уже был в боевых порядках и вел огонь по вражеским окопам и дотам. Разумеется, точность огня была не ахти какой. Но важно, что танк оставался в строю, а еще важнее, что в этом необычном эпизоде сказались, на мой взгляд, неудержимый порыв, полностью овладевший танкистами: только вперед, вперед во что бы то ни стало. Этот порыв, захвативший в равной мере не только танкистов, но и ремонтников, заставлял их проявлять настоящие чудеса изобретательности.

Электрик Владимир Янцевский в разгаре боя пробрался в поврежденный танк, почти вслепую разобрался в лабиринте электрической схемы, отыскал и исправил повреждение. Янцевский выбрался из машины через нижний люк, отполз назад, а «воскресший» танк немедленно ринулся в атаку. Подобные «воскрешения» совершали оружейник Сергей Ильинцев, командир спецзвода Герасим Буржанов да и многие другие. Они умудрялись даже перенести заводской принцип ремонта на поле боя: заранее собирали из деталей целые узлы, чтобы при необходимости сразу же заменить один поврежденный узел другим...

Давала себя знать ленинградская рабочая закваска: находчивость, мастерство, а в

нужную минуту — беспредельная отвага, готовность пойти, если надо, на любой риск.

Однажды командир летучки техник-лейтенант Андрей Потемкин и его два товарища торопились за устремившимся вперед батальоном. Вдруг видят, на опушке леса блеснуло замаскированное орудие. Ствол развернут в нашу сторону. Мелькнула мысль: орудие брошено врагом при отступлении. Но от глаз не укрылось, что за маскировкой из еловых лап шевелятся люди. Вскинули автоматы наизготовку и в атаку. Вражеские артиллеристы бросили орудие и скрылись в лесу...

— Да, вояки они уже не те, — сказал Потемкин, надевая автомат на плечо. Осмотрели орудие — заряжено. Рядом наготове снаряды.

— Ну что, — раздумывал Потемкин вслух, — чем черт не шутит... Возиться с этим трофеем некогда, а обезопасить надо, мало ли кто из лесу выскочит. Пожалуй, лучше взорвать...

Впервые за всю войну экипаж летучки занялся не ремонтом орудия, а его уничтожением...

Бои на подступах к Выборгу продолжались. Финское командование перебрасывало сюда свежие силы. Шпиллер, побывавший во время наступления на нашем КП, предупредил, что не исключена возможность контратак и надо быть наготове. Так оно и произошло в действительности...

Финны сопротивлялись с отчаянием обреченных, иногда им удавалось, правда на очень короткое время, приостановить продвижение некоторых наших частей.

Помнится, в одну из таких пауз на образовавшейся вдруг нейтральной полосе был подбит наш танк. Из экипажа уцелел лишь механик-водитель. Но и он не мог выбраться из машины, у него оказались перебитыми обе ноги.

Впрочем, этих подробностей поначалу никто из нас не знал. Танк был весь изуродован бронебойными снарядами, он горел, окутанный черным дымом, на наших глазах, и все были уверены, что экипаж его погиб.. Но вот после боя кому-то из наших почудилось, будто в сожженном танке кто-то стонет. Черный силуэт танка был хорошо виден в эту ночь. До машины было каких-нибудь 100 метров.

100 метров — рукой подать, но на каждом шагу смерть... Стоило кому-нибудь из наших податься вперед, пулеметный огонь уже косил траву на этом ничейном поле...

Один из солдат, шофер командира бригады, озабоченный, рассуждал:

— Да, уж если кто там в танке еще живой, все равно плохо его дело. Как его, беднягу, выручить? Не доберешься к нему враз... Вот оно как бывает: и на людях, и в то же время один со своей бедой пополам...

Шофер этот по-своему был прав. Но это не значило, что нужно было отказаться от попытки выручить раненого товарища. К тому же дело было не только в нем.

Не трудно было представить, что в эти минуты каждый из танкистов мог думать:

«А ведь и со мной может случиться такое». Следовательно, спасение раненого водителя укрепило бы у остальных танкистов уверенность в том, что в любом случае их вызволят из беды.

Парторг роты 2-го батальона Петр Иванов, глядя в сторону подбитого танка, сказал

мне:

- Как чуть стемнеет, надо пробраться туда.
- Так... А кого пошлешь, решил?
- Решил...

- На такое дело нужен человек с железными нервами... Иванов возразил:

- Зачем железные, обойдемся обыкновенными...
- Кого ты имеешь в виду? Если не секрет...
- Здесь случай такой, товарищ полковник, когда политработнику и коммунисту агитировать словами не очень- то ловко. Если хотите откровенно, мне уже сегодня один тут сказал: «Попробуйте сами туда сунуться, покажите пример лично». И честно скажу — он был прав...

Едва стемнело, Иванов осторожно пополз к танку. Десятки глаз пристально следили за ним, но, к сожалению, не только с нашей стороны. Вражеский снайпер целил метко, пуля пробила висок отважного бойца.

Подвиг коммуниста всколыхнул всех. Десятки людей тотчас же изъявили желание пойти на выручку товарищу.

— Разрешите, я проберусь, — вызвался шофер мотострелкового батальона Петр Кукуруза.

Петр Кукуруза попросил только, чтобы ему дали с собой котелок каши с мясом.

— Для него... — пояснил он, кивнув в сторону разбитого танка. — Ведь ослаб человек, не евши...

Петр Кукуруза добрался благополучно до цели, накормил тяжело раненного танкиста, перебинтовал ему ноги. Потом он извлек танкиста из машины и на плащ-палатке по едва заметной лощинке от высохшего ручья, которую он неизвестно каким образом обнаружил, приволок его в наше расположение.

Имя Петра Кукурузы благодаря политработникам тотчас узнали во всех подразделениях. Его подвигу посвятили специальные выпуски боевых листков.

Петр Кукуруза был награжден за свой подвиг орденом Красной Звезды.

Несмотря на отдельные частые задержки, наступление продолжалось. 19 июня советские войска уже вели бои на подступах к Выборгу, среди них была и наша бригада.

В этот день, предшествующий штурму Выборга, один из наших батальонов, которым командовал майор Нуждин, двигался вперед вдоль берега. У Нуждина, человека по натуре веселого, горячего и очень самолюбивого, было отменное настроение. Еще перед выступлением он сказал: «А что, товарищ полковник, если мой батальон первым ворвется в Выборг, не возражаете?..» — «Не возражаю, — отвечаю ему в таком же шутовском тоне, — только ты ведь знаешь, как в народе говорят, не кажи гоп, пока не перескочишь». Командиром танка у Нуждина был лейтенант Колесников с таким же озорным и неумно веселым характером. Он тоже подтвердил: «Хорошо бы первым попасть в Выборг именно нам».

Разговору этому я не придавал особенного значения. Сколько раз приходилось слышать нечто подобное в дни наступления и прежде и позже. «Ворваться пер- выми в город» — эти слова обычно не значили ничего конкретного и выражали лишь общее боевое настроение, наступательный дух...

Но оказалось, что у Нуждина были на сей раз, как говорится, серьезные намерения, и он их выполнил.

Во время наступления еще по береговой зоне батальон Нуждина поддерживал своим огнем моряков, которые вели бой за остров Манолу. Тут батальон понес значительные потери: некоторые танки были повреждены артогнем, две машины подорвались на минном поле. Однако батальон продолжал двигаться в направлении Выборга, а экипажи подбитых машин ни за что не уходили с поля боя. Нуждин с остатками своего батальона прорвался в предместье города, обошел его с западной стороны. Приказа о штурме Выборга еще не было, он ожидался завтра, когда подтянут силы. Но комбату не терпелось, тем более что оставалось только проскочить мост. Однако противник встретил танкистов интенсивным огнем. Оставалось у наших танкистов к этому времени только две полноценных машины. Был подбит и танк комбата. Нуждин, переползая от валуна к валуну, обнаружил, что финны ведут огонь из траншеи, вырытой перед взорванным мостом, и приказал открыть огонь по противнику из всех наличных видов оружия. Били из танковых пушек, из автоматов, разряжали пистолеты и даже просто ударяли чем попало по броне, стараясь произвести как можно больше шума.

Грохот поднялся отчаянный. Из-за валуна поднялся во весь рост командир взвода лейтенант Колесников, с яростным криком «ура!» рванул к траншее, метнул в нее гранату. «Ура-а!.. Ура-а!..» — подхватили десятки голосов.

Эта внезапная атака привела в смятение финнов. Они выскакивали из землянок с поднятыми руками.

За мостом уже был Выборг. Раненный, но оставшийся с группой смельчаков лейтенант Колесников и находившийся с ним в танке уполномоченный Особого отдела Юрий Виноградов ночью пошли на окраину города, прихватили «для смеху» с какого-то склада тонкую бумагу для курева и вернулись назад в укрытие.

Я вспомнил об этом, конечно, не для того, чтобы превозносить «лихость» молодых офицеров. Она могла им стоить жизни. Но понять их можно: они хотели быть в Выборге первыми.

20 июня, неся на броне своих танков гвардейскую пехоту, мы ворвались в пылающий Выборг. Над городом взвился алый флаг. Вечером из приказа Верховного главнокомандующего о взятии этого города узнали, что нашей бригаде присвоено отныне наименование Выборгской.

Мы чувствовали себя бесконечно счастливыми и бесконечно усталыми.

Напряжения этих нескольких дней хватило бы на несколько лет. Мы почти не вылезали из боевых машин. Простая возможность выйти из танка, поразмяться на чистом воздухе, выкупаться — казалась несказанным благом.

А тут еще из Политуправления неожиданный запрос по телефону:

— Как вы относитесь к оперетте? Может, прислать артистов?..

Я даже как-то сразу не сообразил, о чем речь. Оперетта, артисты... В ушах еще

звенело от вчерашней пальбы. Только вчера мы хоронили павших своих товарищей, отдавших жизнь за освобождение Выборга, только вчера зачитывал перед строем танкистов командир бригады Соколов приказ о том, что нашей бригаде присвоено звание Выборгской. И вдруг — оперетта!..

Назавтра мы собрались возле развалин гвоздильного завода на окраине Выборга. Здесь на митинге вручались ордена и медали 500 воинам, отличившимся в боях за Выборг. В тот же день к нам приехали гости из Ленинграда. Эстрадой служил им танк. На броню поднимались артисты театра Музыкальной комедии Королькевич, Янет, Кедров... Танцевала Пельцер. В этот день приехал к нам и читал свои стихи Николай Тихонов, который не раз бывал в нашей бригаде и во время боев.

Это была первая передышка после многодневных боев за Выборг.

ИХАНТАЛА

Передышка оказалась на редкость короткой. На рассвете следующего дня Соколов показал мне шифровку.

— Ясно! Поворачиваем направо вместе с гвардейским корпусом Симоняка...

Мы сидели на горячих каменных ступенях (единственное, что осталось от большого каменного дома, сгоревшего за ночь). Соколов толстым красным карандашом делал на карте пометки.

- Направляемся вот сюда, в район населенного пункта Ихантала. Наша задача — перерезать Сайменский канал, выйти в тыл к противнику.

Поселок Ихантала расположен на нескольких холмах, господствующих над окружающей местностью. Он окружен с одной стороны непроходимыми болотами, с другой — глубоким ручьем. Это своеобразный остров.

Иханталу решили взять с ходу. Саперы навели переправу, и 1-й батальон, которым теперь командовал Урядов, двинулся в атаку... Рванулась вперед и танковая рота старшего лейтенанта Багрова, ведя яростный огонь из пушек и пулеметов.

Танки Багрова, промчавшись через переправу, атаковали первые высоты. За ними должен был устремиться весь батальон. Но вдруг началось нечто совершенно невообразимое.словно из-под земли с разных сторон стали бить вражеские орудия и минометы. А через минуту-другую над переправой закружила целая эскадрилья вражеских бомбардировщиков и разбила ее.

Путь к Ихантале был перерезан. Рота Багрова осталась по одну сторону переправы, мы — по другую... Попытки выручить товарищей оставались тщетными, вскоре прекратилась и радиосвязь.

На исходные позиции, в лес, где укрывались наши батальоны, приехал член Военного совета 21-й армии В. П. Мжаванадзе. Он уже знал в подробностях обо всем, что случилось.

— Какие меры намерены принять? — спросил он меня. — Там, несомненно, много раненых. Представляете, в такую жару каково им?

Бросаться в атаку было бессмысленно. Мы решили пробраться к высотам без машин, под покровом ночи, через поле и топи, заменить экипажи и тайком вынести

раненых. На такое дело нужны были добровольцы.

— Постройте бригаду, объясните все, как есть, обратитесь в первую очередь к коммунистам, — сказал Мжаванадзе, — отберите самых надежных. Посмотрим, что из этого выйдет. Именно в такую минуту, — добавил он, — и проверяются настоящие люди. Кстати, сколько вам понадобится человек?

— Думаю, хватит человек десять-двенадцать.

После этого разговора выстроили ту часть личного состава бригады, которая в этом бою не участвовала.

Танкисты выслушали предложение в напряженной тишине. Коммунистов, желающих принять участие в этой операции, попросили сделать шаг вперед.

Все 55 коммунистов, стоявших в строю сделали шаг вперед.

Тут же поднялся шум, слышались недовольные реплики остальных:

— А почему не нас?

— Мы тоже пойдем на выручку...

На счастье, белые ночи в ту пору выдались дождливые, и нашим танкистам удавалось незаметно проползать к поселку. Они на ощупь пробирались среди мин, волоча на спине вещевые мешки с запасными частями для машин, аккумуляторы, термосы с едой, медикаменты. Работы хватало всем. Каждый день человек 10—15 пробирались к осажденным.

Между тем на холмах Иханталы, отрезанная от своих, рота Багрова продолжала обороняться. Правда, с каждым часом выстрелы становились реже. Танкисты берегли снаряды и только в критическую минуту били в упор.

На следующий, день неожиданно для финнов ожили наши танки, те самые, что считались уничтоженными. Разбитые гусеницы словно по волшебству срастались. Моторы, казалось бы заглохшие навсегда, начинали работать. Советские танки, отремонтированные смельчаками в одну ночь, с яростью врезались в цепи атакующего противника. Один из таких танков, которым командовал ремонтник старший лейтенант Александров, заменивший убитого танкиста, уничтожил в бою несколько вражеских бронетранспортеров.

Пробираясь ночами в роту Багрова, смельчаки прокапывали окопчики под машинами, оказывали помощь раненым, эвакуировали их на себе в тыл.

Не всегда благополучно удавалось добраться до защитников высоты. Малейший шорох, блеснувшее на миг лезвие саперной лопатки или штыка — и сразу смельчаков накрывала пулеметная очередь или минометный огонь. Но это не останавливало людей.

Среди тех, кто отправился на выручку товарищей, были старший лейтенант Александров, инженер бригады Павел Трофимович Сычев, старший техник-лейтенант Иван Алексеевич Романов, санитарный инструктор Иван Стеценко, связисты Алексей Сергеевич Сергеев и его сын Александр. О Сергеевых хочется рассказать особо.

Алексей Сергеевич, слесарь-механик, воевал еще подростком в гражданскую войну, защищая Красный Питер от Юденича, потом трудился на фабрике «Красная работница», был ударником первых пятилеток. С первых же дней войны Сергеев ушел на фронт. В городе оставался его сын, школьник Саша. Как только в сорок третьем ему исполнилось 17 лет, он написал письмо секретарю обкома и члену Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданову. Юноша просил немедленно отправить его на

фронт, причем не куда-нибудь, а непременно в 30-ю гвардейскую танковую бригаду, где служит отец...

Мы приняли к себе Сашу. Назначили связистом, как и отца. Сергеева старшего старались держать в относительно спокойном месте, при телефонном коммутаторе. Однако в боях под Нарвой Алексей Сергеевич вырвался на линию. Связь рвалась поминутно. Однажды, в тот момент, когда Сергеев соединял обрывки проводов, взрывная волна выбила из его рук плоскогубцы, Сергеева оглушило. Последним усилием воли он подтянул концы проводов и, не в силах скрутить их, зажал зубами. Так пролежал он полчаса, обеспечив связь столь необычным способом.

Таким же отчаянным и бесстрашным показал себя с первых дней и Сергеев младший. С тяжелой катушкой за спиной он пробирался от КП к месту боя, к переднему краю. Под огнем он вел себя, как бывалый, обстрелянный солдат. Иной раз надо было протянуть провода прямо за наступающими и часто, по совершенно открытому полю, днем, когда малейшее движение вызывало на себя огонь.

Отец и сын Сергеевы вызвались наладить связь с окруженными танками под Иханталой. Отца в первый раз мы туда не пустили. А Сергеев младший со своим товарищем Виктором Нестеровым отправились белой ночью ползком в рискованный рейс. Они подобрались к танкам, выполнили задание и под утро вернулись в бригаду.

На другой день Сергеевы узнали, что тем, кто находится в кольце, есть почта... Сергеев старший заволновался: «Надо доставить письма. Мы обязаны. Ведь мы же связисты. Представляете, как обрадуются люди. Я пойду туда вместе с сыном».

Письма в роту Багрова были доставлены.

Дальнейшая судьба Сергеевых сложилась так, Отец после войны вернулся на фабрику «Красная работница», где оставалась работать жена, сын — механик на ГОМЗе. У всей семьи — правительственные награды.

О том, какие это скромные люди, говорят строчки из письма Сергеева младшего, написанного в ответ на мою просьбу поделиться воспоминаниями о его участии в боях:

«Мне не приходилось участвовать по-настоящему в боевых операциях, я ведь служил не танкистом, не стрелком, а просто как связист...»

«Просто как связист...» Это говорит о себе человек, прошедший войну в самом пекле боя, не раз рискувавший жизнью ради товарища.

Впрочем, в те времена редко произносились громкие слова. Но подвиги совершались ежедневно.

Как-то утром, в конце августа, когда обстановка на Ихантале стала спокойнее, ко мне подбежал солдат из ремонтной роты:

— Товарищ полковник, разрешите доложить... Вот что мы нашли в сожженном танке на высоте...

С этими словами солдат протянул мне смятую гильзу. Гильза как гильза. Обыкновенная, наша. Солдат сказал:

— Товарищ полковник, вы посмотрите, внутри какая-то записка...

Развернул. С трудом стал разбирать неровно и наспех написанные

карандашом полустертые строчки на почти сгоревшем обрывке газеты.

«Дорогие товарищи. Не знаю, успею ли дописать... Пишу на всякий случай. Не знаю, сколько осталось жить: полминуты или полчаса. Мы окружены. Танк подбит и не может двигаться. Дым застилает глаза. . Нечем дышать. Враг угрожает сжечь нас живьем, если не сдадимся. Но мы, комсомольцы, живыми не сдадимся. И мертвыми тоже не сдадимся. Пусть подавятся, сволочи, нашим танком...»

В последней строке фамилии: Жиров, Карелин, Кузнецов, Иванов. Помнится, обыкновенные, ничем особо не приметные парни. Впервые я обратил на них внимание случайно. Как-то зашел в роту Багрова, когда солдаты обедали.

Четверо танкистов с котелками устроились рядышком на гусенице, что-то веселое рассказывая друг другу.

Багров кивнул в их сторону, заметил с улыбкой:

— Видели? Это про них, наверное, та песня сложена: «Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой»...

— Так их же четыре, — заметил я шутя.

- Верно, четыре... но четыре в песню не вмещаются...

— А воют как?

— Обыкновенно воют, товарищ полковник, — ответил командир, — как все...

Вспомнилось, как вскоре после одного из боев всех четверых принимали в партию. Они сидели, пристроившись на снарядном ящике, слушали выступавших. Багров, дававший им рекомендации, закончил свое выступление коротко и ясно.

— Я за эту четверку ручаюсь!

Не ошибся командир роты в своем поручительстве. Мы стояли у обгоревшего танка. Тяжелый комок подступал к горлу. Гибель этой четверки как-то особенно потрясла всю бригаду. Мы говорили о них на митинге.

Из батальона в батальон передавались листовки с описанием их героического подвига. У могилы героев мы поклялись навсегда сохранить в сердцах светлую память о них и отплатить врагу за их гибель сторицей.

Семь дней и ночей удерживала горстка танкистов-гвардейцев высоты Иханталы.

Бои у Иханталы окончились 25 августа, в тот день, когда финны запросили мира, а через несколько дней они вышли из войны.

Сразу же после освобождения Карельского перешейка нас отвели назад к Териокам на короткий отдых. Предстоял новый рывок а Эстонию...

Как обычно, в такую пору между боями политотдел проводил в подразделениях беседы, партийные собрания, цель которых всегда одна: лучше подготовиться к выполнению очередной боевой задачи. В данном случае очередная задача имела особую специфику. Нам предстояло освободить Эстонию, которая слишком короткий срок была советской, а люди ее в течение долгого времени подвергались идеологической обработке фашистов. Гитлеровцы всячески клеветали на Советскую Армию, на наших

воинов, стараясь настроить против них местное население...

Вот почему в каждом батальоне, в каждой роте мы проводили беседы об интернациональной миссии Советской Армии, о братской дружбе с эстонскими трудящимися. Предостерегали от возможных провокаций, на которые так падки наши враги, стремившиеся вбить клин между Советской Армией и эстонским народом.

Забегая вперед, замечу, что эти беседы не прошли бесследно. Наши танкисты вели себя на эстонской земле корректно и дружески. Во время коротких привалов помогали эстонским крестьянам по хозяйству: ремонтировали сеялки, очищали колодцы, поднимали стены покосившихся домов. Эстонские крестьяне очень ценили дружеское расположение танкистов...

Нам снова предстояло готовить воинов к наступлению. Надо было позаботиться и о внешнем виде солдат. К сожалению, не всегда командиры проявляли тут требовательность. Не на парад, дескать, — в бой, рассуждали иные из них.

Политотдел бригады придавал особое значение внешнему виду танкистов, старался, чтобы всегда каждый был подтянут. Мы считали это далеко не последним в морально-политической подготовке воинов.

Я приехал в расположение мотострелкового батальона. Картина обычная: кто-то дремлет, прислонившись к снарядному ящику, кто-то очищает ложкой котелок с кашей, кто-то, слюнявя огрызок карандаша и примостившись у пня, как у письменного стола, торопливо пишет о себе весточку в далекий дом...

Все, как обычно. Вдруг вижу: идет солдат с котелком, нагнулся над ручьем, чтобы сполоснуть свою нехитрую посуду, а хлястик на шинели болтается, пуговицы нет. Подзываю парня. Так, мол, и так, не к лицу в таком виде...

Предлагаю:

— Возьми иголку с ниткой, приведи себя в порядок. Солдат козырнул и говорит:

— Есть, товарищ полковник, я мигом сбегая до старшины, возьму иголку...

— У тебя нет при себе иголки? Что ты за солдат? А еще гвардеец. Молчит.

Тогда я снял с головы фуражку, достал заколотую изнутри иголку и говорю:

- Коли так, давай тебе сам пришью пуговицу, у меня нитка с иголкой всегда при себе. Особенно перед наступлением...

Он стоит, краснеет, бледнеет. Я пришил ему пуговицу. Потом приказал:

— Теперь иди к своему комбату и скажи: начальник политотдела пришил пуговицу, так как никто тебя в подразделении к этому не приучил.

Как и следовало ожидать, уже через час вездесущее солдатское радио разносило по батальонам и дотам весть о том, что начальник политотдела бригады солдату пуговицу пришил. И стыдно было не только тому незадачливому солдату, решившему сбегать к старшине за иголкой, которую обязан был иметь при себе, но и всем офицерам батальона. Короче говоря в тот день без всякого приказа по всем подразделениям провели своеобразный и самый придирчивый смотр опрятности личного состава.

Много раз приходилось впоследствии наблюдать трогательные и волнующие сценки: как только танкисты узнавали о предстоящем сражении, все принимались за бритье- мытье, надраивание пряжек на поясах, словно их ждал не смертный бой, а увольнение в город в мирное время.

Во второй половине сентября 1944 года наша бригада погрузилась в железнодорожный эшелон и направилась под город Тарту — первый эстонский город, который предстояло нам взять с ходу. Правда, в ту пору железнодорожное сообщение непосредственно с Эстонией было прервано, пути разрушены, и нас стали выгружать где-то на маленьком полустанке в районе между Сланцами и Чудским озером. Как только мы туда прибыли, ко мне подбежал дежурный по штабу:

— Товарищ полковник, — доложил он, — в танке, прибывшем с эшелоном, обнаружены четверо неизвестных.

Согласитесь, от такого сообщения станет не по себе.

— Кто такие? Они задержаны? При каких обстоятельствах их удалось обнаружить?

Дежурный, едва сдерживая смех, пояснил:

— Товарищ полковник, не беспокойтесь. Это ленинградские мальчишки. Они во что бы то ни стало хотят воевать с фашистами.

Вскоре я беседовал с четверкой тощих, чумазых ребяташек. Их заводила Петр Судаков был родом из Череповца, Валентин Иванов — детдомовец из Ленинграда, круглым сиротой оказался и Коля Жихарев, погиб на фронте отец Виктора Воронина (Колю и Виктора впоследствии усыновили танкисты нашей бригады).

Все четверо работали в первые годы войны на «Электросиле» токарями, обтачивали боеголовки для снарядов. Не раз атаковали они военкомат: «Хотим в армию, на фронт!» Их выпроваживали со словами: «Когда придет ваш срок, пригласим сами. Не забудем. Так что ждите».

Они не хотели ждать, и все обдумывали способ, как бежать на фронт.

Петя уже не раз наблюдал, как неподалеку от «Электросилы» через железнодорожный мост над Международным проспектом следовали воинские эшелоны. В вагонах-теплушках можно было разглядеть лица солдат, на открытых платформах — зачехленные брезентом артиллерийские орудия, танки. На подъеме перед мостом эшелоны всегда замедляли ход.

Так родилась мысль: вскочить на ходу на платформу, спрятаться под брезентом, а чтоб часовой не заметил, сделать это ночью...

Надо было запастись едой в дорогу. Каждый день на протяжении двух недель откладывали они по кусочку хлеба, приносили в свое общежитие, размещавшееся па Международном проспекте, 26. Ухитрились где-то раздобыть крупу, хотя в таком путешествии каши не сварить. Короче говоря, однажды осенним вечером ребята осуществили свой замысел.

Никто не заметил в темноте, как четыре маленькие фигурки вскочили на платформу и исчезли под брезентом. Так проехали они первые сутки, а на вторые перебрались в танк. В машине, усталые, озябшие, они крепко заснули. Разбудил их случайно командир танка старший лейтенант Сажин во время выгрузки, Что было с ними делать? Не отсылать же назад. На первых порах распределили ребят по батальонам, пристроили кого в хозяйственный взвод, кого помогать медикам

ухаживать за ранеными. Через несколько недель ребята оказались вместе с нами в Эстонии, потом в Польше, Германии, но об этом рассказ несколько позже...

Наступательные бои в Эстонии осенью сорок четвертого года совсем не походили на то, что было весной, когда разгорелось сражение за нарвский плац- дарм. Теперь фашисты понимали, что обречены. А мы теперь имели немалый опыт. Вместе с танковыми частями полковника Проценко, Героя Советского Союза Пашкова, полковника Ковалевского и полковника Семеркина мы обходили заслоны противника и почти безостановочно двигались к Тарту и Таллину. Наши танкисты вместе с десантными войсками на самоходных баржах были доставлены к островам Хиума, Саарема и другим и продолжали преследовать спешно отходившего противника...

Это были стремительные рейды. Наши подвижные группы сбивали заставы врага. Теперь главная задача состояла в том, чтобы не оторваться от отступавших. Гитлеровцы, отходя, взрывали мосты, переброшенные через многочисленные реки, ручьи, овраги. Часто

приводилось направлять отдельные группы в обход разных населенных пунктов. Дороги были заминированы, а саперов не хватало. В этих операциях особенно много пришлось работать ремонтникам. Командовал ими заместитель командира по технической части Константин Васильевич Алешин.

Быстро продвигаясь по узкой насыпи Тартуского шоссе, группа наших автомашин роты Николая Набокова оказалась перед только что взорванным железнодорожным мостом через реку. Было это уже ночью, к тому же шел проливной дождь.

Что предпринять? Командир роты Николай Набоков с несколькими машинами, груженными горючесмазочными материалами, продвигался другим маршрутом.

Некоторые офицеры растерялись, и тут инициативу взял на себя парторг роты лейтенант Буржанов. Вместе с офицером Николаем Богатовым он стал обследовать топкие берега реки. Километрах в трех-четыре от моста набрали на оставленное жителями селение. Буржанов сказал своему спутнику:

— Выход один, на месте взорванного моста построить новый.

- Строить мост? — удивился Богатов.— Никогда этим не занимался. Я ведь — автомобилист.

— Думаешь, я специалист по мостам? Но другого выхода нет.

— Вряд ли что выйдет...

— Должно выйти. Давай, ты как командир взвода построь солдат, я с ними поговорю... Ты только не подавай виду, что сомневаешься в затее, тогда все выйдет.

Как и рассчитывал Буржанов, во взводе нашлись люди строительных специальностей.

Митом приглядели какой-то сарай, разобрали его на бревна, перевезли к месту будущей переправы. Вскоре натолкнулись на деревенскую кузницу. Развели огонь, из заваливавшихся кусков железа наковали скобы.

Люди работали на строительстве переправы, забыв об отдыхе и сне. Хитроумный Буржанов приказал наскоро соорудить из бревен маленький

плот.

На нем переправил на противоположный берег поваров с поручением приготовить обед из лучших продуктов. Повара сначала удивились — почему на том берегу?

Потом поняли замысел Буржанова. Через некоторое время запах еды уже манил к себе всех строителей переправы.

К 11 часам мост был готов. Вскоре на одной из дорог, ведущих к мосту, кто-то из водителей соорудил указательный знак с такой надписью: «Объезд через переправу Буржанова. Приятного аппетита».

Через мост Буржанова вся бригада прорвалась к Рижскому заливу, чтобы перерезать автостраду Таллин—Рига.

Суда противника, находившиеся в заливе, открыли огонь по нашим танкам. Однако танкисты ответным огнем вынудили гитлеровцев убраться.

Вскоре наши батальоны соединились, и вся бригада промчалась по улицам старинного университетского города Тарту, а оттуда вместе с другими частями, уже нигде не останавливаясь, с боями вошла в Таллин. Над столицей Эстонии 22 сентября вновь взвился советский флаг. Эстония была освобождена. А еще через два с половиной месяца здесь же, в Эстонии, мы сдали наши «Т-34» и нас направили в район Тулы на переформирование.

ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

В декабре в заснеженном Подмоскowie наша бригада как бы рождалась заново.

Теперь в наименование бригады вошло слово «тяжелая». Это означало, что мы пересаживаемся с «Т-34» на самые мощные по тому времени тайки «ИС».

Танкисты присматривались, принаравливались к новым машинам. Производила впечатление мощная лобовая броня. Она казалась неуязвимой, и это, конечно, радовало.

Новым был у бригады и командир — генерал-майор танковых войск Михаил Захарович Киселев, уже имевший опыт в наступательных операциях крупного масштаба с участием тяжелых танков.

Бригаду нашу вновь передали во 2-ю ударную армию, которой командовал прославившийся в боях за Ленинград генерал Федюнинский.

Итак — наш путь на Запад. Вместе с войсками 2-го Белорусского фронта нам предстоит освободить от фашистов Польшу, а потом и Германию от фашизма. То, что мы видели: руины белорусских городов — Гомеля, Кричева, Могилева, развалины десятков и сотен местечек и деревень — давило страшной тяжестью на сердце.

После четырех суток пути мы прибыли в один из освобожденных от фашистов польских городов Остров Мозаовецкий.

Бригада сосредоточилась в небольшой рощице вблизи города.

Командира бригады генерал-майора Киселева и меня тотчас вызвали в штаб фронта.

В маленьком заснеженном и нетопленном домике нас принял командующий фронтом маршал Рокоссовский. Он был в расстегнутом полушубке, на котором еще не оттаял иней (маршал, видимо, сам только что

появился здесь с мороза). Любезно пригласил сесть к столу и сразу же подробно стал расспрашивать: что за бригада, кто мы и откуда, где воевали, чем располагаем? Узнав, что мы из Ленинграда, сразу оживился:

— Вот это то, что требуется! Мне, — добавил он с улыбкой, — позарез необходимы специалисты по прорыву. А у вас бесценный опыт таких боев. В группу прорыва я вас и назначаю.

Потом Рокоссовский подробно и обстоятельно расспрашивал о настроении людей, о наших героях, о том, как поставлены тыловые службы, как организуем питание танкистов в наступательных боях, детально интересовался подробностями организации медицинской службы. Спрашивал, много ли среди нас коммунистов и комсомольцев.

В заключение предупредил, чтобы мы не надеялись на легкую победу. Но тут же выразил уверенность, что бригада выбьет гитлеровцев с наревского плацдарма. Маршал учитывал реальное соотношение сил в сложившейся обстановке.

Тщательно замаскировавшиеся копнами сена «тигры» и «пантеры» отборной дивизии «Адольф Гитлер» ожидали нас за рекой Нарев.

Двое суток, не стихая, за Наревом продолжались танковые бои. Ничего подобного мне еще не приходилось видеть до сих пор. С обеих сторон лавины металла, огня. Кто кого одолеет? Вот гитлеровцы неожиданно потеснили наш правый фланг и снова рвутся в контратаку. В этот критический момент боя экипажу танка, в состав которого входили наши гвардейцы лейтенант Иван Хиценко, командир орудия старшина

Петр Баков, заряжающий старший сержант Иван Щербак и механик-водитель младший лейтенант Валерий Борисов, было приказано: во что бы то ни стало удерживать оборону на правом фланге полка.

В атаку ринулось несколько «тигров». Обстановка сложилась тяжелая.

Командир танка Иван Хиценко мгновенно принял решение: атаковать головной танк врага первым. Вот «тигр» разворачивает башню, вот уже из смотровой щели Хиценко видит зияющее жерло пушки, как бы нащупывающей цель. Все это совершается в доли секунды. Теперь только не упустить мгновение. Сейчас противник выстрелит... И раздастся выстрел... Но Хиценко уже успел увернуться, и бронебойный снаряд лишь касательно задевает его машину. Теперь «тигр» сам подставил бок под дуло пушки советского танка, и тут уже выстрел без промаха.

Воспользовавшись секундной растерянностью гитлеровцев, наш танк успевает послать еще несколько снарядов. Загорается уже третий фашистский танк.

Хиценко со своим экипажем, несмотря на яростный огонь противника, выходит во фланг колонне гитлеровцев и таранит замыкающую машину.

В ту же секунду почти одновременно несколько вражеских снарядов попали в танк Хиценко. Машина загорелась. Весь экипаж — Хиценко, Баков, Щербак, Борисов — сгорел заживо. Но гитлеровцы не прорвались на правом фланге нашего полка.

За этот подвиг командир танка Иван Хиценко был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Фашистские войска стремительно откатывались на Запад.

С ходу мы вышибли гитлеровцев из Цеханува. Здесь мы увидели типичную картину для города, только что освобожденного от фашистов. Во дворе тюрьмы лежали сотни убитых поляков. Их расстреляли фашисты перед бегством из города. Вокруг трупов стояли, плакали и кричали близкие погибших — их жены и дети, отцы и матери.

Видели наши танкисты на своем пути и многочисленные лагеря смерти, где в одинаково обезображенной голодом толпе смешались и советские, и французские, и бельгийские, и польские пленники. Без всякой медицинской помощи, доведенные до полного истощения, дожидались люди последнего часа. Среди них были старики, женщины и даже дети...

Не могу не рассказать здесь о том, как наши танкисты во время боев с риском для собственной жизни спасали на освобождаемой территории польских и немецких детей, выносили их из горящих домов, из-под развалин обрушившихся зданий.

В Мариенбурге, где шли ожесточенные уличные бои, в один наш танк попал «фауст-патрон». Почти всему экипажу удалось выскочить из машины, кроме одного танкиста, которого ранило снайперской пулей. Как только товарищи пытались к нему подобраться, им преграждал путь ружейный огонь. Откуда били, обнаружить не удавалось. В каждом доме, у каждого окна мог замаскироваться снайпер.

Два наших автоматчика решили проверить этажи, чердаки и крыши соседних домов. С ними вызвался идти и Петя Судаков, наш воспитанник, о котором рассказывалось в предыдущей главе.

Судаков пробирался с этажа на этаж, из комнаты в комнату с автоматом наготове. Неожиданно он услышал громкий отчаянный плач. Распахнув дверь одной из комнат, Судаков увидел детскую кроватку. В ней корчилась от крика девочка, которой по виду и года-то не было. Вероятно, забыли, а может, и бросили ребенка арийские сверхчеловеки. Судаков завернул девочку в простыню, взял на руки и направился к выходу. Когда он перебежал с немецкой девочкой на руках на противоположную сторону улицы, несколько раз у самого его уха просвистели пули фашистских снайперов. Миновав опасную зону, Петя разыскал медсестру санчасти и передал ей спасенного ребенка.

Замечу к слову, что геройски проявили себя в бригаде все ее «приемные сыновья». У каждого из них были на счету десятки спасенных солдат и офицеров, которых они выносили из огня даже тогда, когда сами были ранены. Это были настоящие гвардейцы. Все они, к счастью, остались живы и работают ныне в разных городах страны. Что касается Пети Судакова, он остался в Ленинграде, работает токарем на заводе подъемно-транспортного оборудования. Судаков известный рационализатор, ударник коммунистического труда, заботливый наставник молодых. Мне рассказывали, что он опекает их и по сей день, как родной отец. У него жена, двое детей...

Наш путь на Запад продолжался стремительно. «Вперед, на Запад!», «Смерть фашизму!», «Отомстим за раны Ленинграда!» — писали танкисты на броне боевых машин.

За прорыв наших танков к побережью Данцигской бухты и овладение городами Нюльхазен, Мариенбург, Штум, Толькимит бригада Указом Президиума Верховного Совета от 5 апреля 1945 года была награждена орденом Красного Знамени.

В ночь на 25 апреля 1945 года бригада вместе с другими частями 49-й

армии форсировала Одер. С ходу взяли Штеттин. Началось стремительное преследование фашистов. Наши тяжелые танки в своем неудержимом движении стальной лавиной сметали любые заслоны. Самые отчаянные попытки гитлеровцев задержать нас хотя бы на день на каком-либо рубеже оставались тщетными. В считанные часы гвардейцы-танкисты овладели городами Штрасбург, Трепов, Демми, уничтожая технику врага и его живую силу. В первых числах мая с частями 2-й ударной армии мы захватили остров Рюгген. За проявленное при этом мужество нашу бригаду снова удостоили правительственной награды — ордена Суворова II степени.

Приближался Первомай. Впервые за четыре года войны он ощущался действительно праздничным, весенним, полным огромных надежд. Но и в этот день на померанских дорогах не было еще покоя. День этот был днем битвы за город Росток.

Великая Отечественная война подходила к концу

Свой долгий боевой путь, начатый на берегах Невы, бригада закончила в предместье Ростка, деревне Попендорф. В самом городе она встретила 9 мая великий День Победы.

... Четверть века минуло с той поры... Но сколько бы ни прошло лет, я всегда буду помнить бесконечно близких мне товарищей-танкистов, которым посвящается эта книга.

1971 г.

В. Хрустицкий, командир бригады.

Танкист С. Пашенко.

Замполит мотострелкового батальона М. Вейсман.

Ленинградские писатели и журналисты в 61-й танковой бригаде (справа налево): командир бригады В. Хрустицкий, писатель Н. Тихонов, начальник разведки штаба бронетанковых войск Ленфронта А. Корабельников, редактор газеты «На страже Родины» М. Гордон, начальник особого отдела бригады А. Иванов, замполит бригады Ф. Румянцев, секретарь редакции газеты «На страже Родины» П. Карелин.

Замполит
бронепатальона
И. Самыгин.

Командир 1-го танкового ба-
тальона А. Паршев.

Командир
Л. Легеза.

бронепатальона

Начальник инженерной служ-
бы бригады И. Михеев.

Санинструктор Н. Зуева.

Д. Осатюк — Герой Советского
Союза.

И. Макаренков — Герой Со-
ветского Союза.

Пулеметчица К. Плахотина.

Пулеметчик М. Гусейнов.

Вручение медали «За оборону Ленинграда» одному из воспитанников бригады Коле Макрякову.

Братская могила танкистов 30-й гвардейской бригады, павших в боях по прорыву блокады.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками Ленинградского фронта генерал-лейтенант танковых войск, Герой Советского Союза Баранов зачитывает поздравление Военного Совета фронта по случаю вручения бригаде гвардейского знамени.

Замполит 1-го танкового батальона А. Кочеров.

Начальник политотдела бригады подполковник М. Борисавнин.

Командир бригады В. Хрустицкий проводит разбор учебных операций.

Политзанятия.

На отдыхе.

